

*Пока свободою горим,
Пока сердца для гести живы,
Мой друг, отгизне посвятим
Души прекрасные порывы!*
А. С. Пушкин

Историко-литературный альманах ОТЧИЗНЕ ПОСВЯТИМ

№ 2 2018 СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ 1.10 — 31.12.2018

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир МИЛОВ	5
Сергей ГАЛКИН	38
Олег ХАФИЗОВ	41
Светлана КРЫЛОВА	51
Константин ШЕСТАКОВ	54
Алексей ЗЫКОВ	62
Олег КАШИРИН	63
Юрий ШАКИРОВ	66
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН	70
Геннадий ОПАРИН	73
Ирина ГАВРИЛОВА	79
Екатерина КАРТАВЦЕВА	82
Михаил СУДАЧЕНКОВ	85
Валерий САВОСТЬЯНОВ	87
Валерий ДЕМИДОВ	90
Сергей КИРЕЕВ	92
Елена ХАФИЗОВА	94

Главный редактор А. Н. ФИЛИППОВ
Отв. секретарь С. Б. ТИМОФЕЕВ

Общественный совет:

Н. Н. ГРАМОЛИНА
В. П. ГРИЦЕНКО
С. Б. ТИМОФЕЕВ
Т. В. ТИХОНЕНКОВА
Е. А. ТОЛСТАЯ
А. Н. ФИЛИППОВ
Ю. А. ШАКИРОВ

Альманах издается на средства муниципального гранта администрации города Тулы в рамках приоритетного направления по военно-патриотическому воспитанию молодежи

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В ГОД

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Тула, ул. Рязанская, 34, корп. 3
тел. +7(910)70-222-09

Подписано в печать 25.10.2018 г.
Формат 60×90^{1/8}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5
Тираж 300 экз.
Отпечатано в ООО «Аквариус»
Тула, ул. Октябрьская, 71-а

Октябрь

- 1 **155 лет** со дня рождения Виктора Павловича БАТУРИНА (1863—1938), художника-пейзажиста, члена Товарищества передвижных художественных выставок, уроженца Тульской губ. Ряд картин художника посвящен Тульской земле, Ясной Поляне.
- 150 лет** назад (1868) открылась Тульская фельдшерско-акушерская школа, ныне Тульский областной медицинский колледж.
- 80 лет** со дня рождения Александра Андреевича ОРЛОВА (1938), доктора педагогических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, чл.-кор. РАО, заведующего кафедрой педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого.
- 2 **80 лет** со дня рождения Владимира Яковлевича РАСПОПОВА (1938), ученого в области разработки приборов управления, систем ориентации, стабилизации и навигации, доктора технических наук, профессора, заведующего кафедрой «Приборы управления» Тульского государственного университета, лауреата премии имени С. И. Мосина (1988), академика Академии навигации и управления движением, Петровской академии наук и искусств.
- 4 **115 лет** со дня рождения Дмитрия Александровича СОЛОВЬЕВА (1903—1972), спортсмена-велосипедиста, первого из тульских велосипедистов заслуженного мастера спорта, заслуженного тренера России, одного из зачинателей отечественного велоспорта.
- 5 **115 лет** со дня рождения Андрея Лаврентьевича ГЕТМАНА (1903—1987), Героя Советского Союза, почетного гражданина г. Тулы. В дни обороны Тулы командовал 112-й танковой дивизией.
- 6 **245 лет** со дня рождения блаженного ИОАННА (в миру — Иван Степанович Котельников) (1773—1850), уроженца г. Тулы. В 1988 г. причислен к лику местночтимых святых. В 1990 г. были обретены его святые мощи, находящиеся ныне во Всехсвятском храме г. Тулы.
- 95 лет** со дня рождения Сергея Тимофеевича ВАГИНА (1923—2015), Героя Советского Союза, уроженца д. Красное Плавского р-на.
- 8 **125 лет** со дня рождения Георгия Сергеевича ЖИРИЦКОГО (1893—1966), теплотехника, доктора технических наук, профессора, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, уроженца с. Крапивна ныне Щекинского р-на.
- 115 лет** со дня рождения (1903—1981) Сергея Николаевича РЫЖОВА (1903—1981), ученого-почвовед, академика АН УзССР, уроженца д. Малиновки Тульской губ.
- 11 **135 лет** со дня рождения Дмитрия Сергеевича ДАРСКОГО (1883—1957), критика-эссеиста, религиозного философа, уроженца г. Тулы. С 1919 по 1922 г. работал в Тульской губернской центральной публичной библиотеке им. В. И. Ленина.
- 1 **95 лет** со дня рождения Николая Максимовича СУДАРЬКОВА (1923—2006), полного кавалера ордена Славы, участника Парада Победы на Красной площади в Москве в 2000 г. После войны работал на шахтах Щекинского р-на.
- 13 **280 лет** со дня рождения Андрея Ивановича ЛОПУХИНА (1738—1817), тайного советника, правителя наместничества, тульского гражданского генерал-губернатора (1790—1797 гг.).
- 95 лет** со дня рождения Василия Ефимовича ПАНОВА (1923), Героя Советского Союза, уроженца д. Красная Слобода ныне Воловского р-на.
- 15 **105 лет** со дня рождения Владимира Александровича РУДНОГО (1913—1984), писателя, уроженца г. Тулы.

- 16 **50 лет** назад (1968) в г. Туле на площади Победы открыт памятник «Героическим защитникам Тулы, отстоявшим город в 1941 году». Авторы памятника: скульптор Б. И. Дюжев, архитекторы — Н. Н. Миловидов, Г. Е. Саевич.
- 18 **280 лет** со дня рождения Андрея Тимофеевича БОЛОТОВА (1738—1833), ученого, естествоиспытателя, писателя, одного из основоположников русской агрономической науки, просветителя, писателя, уроженца с. Дворяниново Алексинского у. (ныне Заокский р-н).
- 100 лет** назад (1918) открылась изба-библиотека в с. Архангельском, ныне Архангельская библиотека муниципального образования Каменский район.
- 19 **100 лет** назад (1918) в с. Богословском ныне Ясногорского р-на основан Богословский сельскохозяйственный техникум (бывш. Ивановский), ныне Богословский аграрный колледж, филиал Российского университета дружбы народов.
- 20 **90 лет** со дня рождения Евгении Ивановны ПЧЕЛКИНОЙ (1928—1997), актрисы Тульского академического театра драмы, заслуженной артистки РСФСР, почетного гражданина г. Тулы.
- 21 **30 лет** назад (1988) открылся Музей-усадьба Андрея Тимофеевича Болотова «Дворяниново» в Заокском р-не.
- 22 **80 лет** со дня рождения Николая Егоровича СТЕЩЕНКО-ФРОЛОВА (1938), прозаика, журналиста, члена Союза писателей России и Союза журналистов России, кавалера ордена Дружбы народов и ордена «Знак Почета», редактора журнала «Пламя (Газовое хозяйство России)» (1993—2003), автора ряда прозаических произведений, изданных в разные годы в Москве и Туле, и краеведческих изданий.
- 23 **200 лет** со дня рождения Прова Михайловича САДОВСКОГО (Ермилова) (1818—1872), актера, родоначальника знаменитой театральной семьи. Свою деятельность начал в Тульском театре, где был переписчиком ролей, затем актером.
- 25 **175 лет** со дня рождения Глеба Ивановича УСПЕНСКОГО (1843—1902), писателя, автора книги «Нравы Растряевой улицы» и ряда других произведений, написанных на тульском материале, уроженца г. Тулы.
- 27 **110 лет** со дня рождения Андрея Игнатьевича АЛДАН-СЕМЕНОВА (1908—1985), поэта, прозаика, одного из первых членов Союза писателей СССР. Литературный путь начал в Туле, работал в губернской газете «Коммунар» (1927—1928 гг.).
- 29 **100 лет** со дня рождения Ивана Игнатьевича ЯКУШКИНА (1918—1945), Героя Советского Союза, уроженца с. Мишнево ныне Суворовского р-на.
- 31 **100 лет** назад (1918) Алексинский уездный земельный отдел выдал охранное свидетельство на усадьбу художника В.Д. Поленова и на находящиеся в доме художественные ценности.
- 90 лет** назад (1928) открылась библиотека в пос. Михайловском, ныне Кимовская межпоселенческая центральная районная библиотека.
- 80 лет** назад (1938) организован трест «Щекинуголь».

Ноябрь

- 1 **100 лет** со дня рождения (1918—1952) Дмитрия Михайловича ШАРОВА, Героя Советского Союза, уроженца д. Сомово ныне Одоевского р-на.
- 85 лет** назад (1933) открылся музей Подмосковского угольного бассейна в рабочем пос. Донской (ныне — г. Донской). В 1996 г. реорганизован и вошел в состав историко-мемориального музейного комплекса «Бобрики».
- 3 **110 лет** со дня рождения Ивана Алексеевича АГЕЕВА (1908—1984), Героя Советского Союза, уроженца д. Торчково ныне Алексинского р-на.
- 4 **185 лет** со дня рождения Александра Алексеевича КИРЕЕВА (1833—1910), публициста. Из дворян Тульской губ.
- 5 **80 лет** со дня рождения Валерия Викторовича САВЕЛЬЕВА (1938), ученого в области теории и проектирования систем стабилизации, ориентации и навигации, доктора технических наук, профессора Тульского государственного университета, лауреата премии имени Н. Демидова (1995), члена Академии навигации и управления движением.
- 35 лет** назад (1983) в г. Туле на площади Ленина открыт памятник В. И. Ленину. Авторы памятника: скульптор М. Захаров, архитекторы В. Милашевский, И. Михалев.
- 7 **200 лет** со дня рождения Дмитрия Васильевича РАЗУМОВСКОГО (1818—1889), протоиерея, профессора истории и теории церковного пения в Московской консерватории, музыкального археолога и палеографа. Учился в Тульской Духовной семинарии.
- 120 лет** со дня рождения Владимира Николаевича УКЛБИНА (1898—1986), архитектора, историка архитектуры. Проводил работу по сохранению, пропаганде и изучению архитектурного наследия Тульского края. Автор ряда работ по архитектуре Тулы.
- 9 **130 лет** со дня рождения архимандрита ГЕРАСИМА (в миру — Михаил Александрович Шмальц) (1888—1969), монаха, уроженца г. Алексина. В 1916 г. прибыл на Аляску, где служил как пастырь-миссионер. С его именем связано обретение мощей и прославление преподобного Германа Аляскинского, возобновление монашеской жизни на острове Еловый (Аляска), где подвизался святой. Создатель иноческого миссионерского Братства имени преподобного Германа Аляскинского (США).
- 200 лет** со дня рождения Ивана Сергеевича ТУРГЕНЕВА (1818—1883), писателя, многие страницы жизни и творчества которого были связаны с Тульским краем. Из дворян Тульской губ.
- 10 **105 лет** назад (1913) начала свою деятельность Тульская губернская ученая архивная комиссия.
- 12 **70 лет** назад (1948) образован областной межсоюзный орган Тульский областной совет профсоюзов, ныне Тульское областное объединение организаций профсоюзов «Тульская федерация профсоюзов».
- 13 **135 лет** со дня рождения Ивана Павловича БАРДИНА (1883—1960), Героя Социалистического Труда, металлурга, академика АН СССР, лауреата Государственной (1949) и Ленинской (1958) премий, внесшего большой вклад в создание на Новотульском металлургическом заводе первой установки непрерывной разливки стали.
- 95 лет** со дня рождения Николая Александровича МИЛОНОВА (1923—1994), литературоведа, краеведа, кандидата филологических наук, профессора Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного гражданина г. Тулы.
- 14 **105 лет** со дня рождения Кузьмы Егоровича СЕЛИВЕРСТОВА (1913—1941), Героя Советского Союза, уроженца д. Ольхи ныне Плавского р-на.
- 85 лет** со дня рождения Галины Андреевны ЛЕПЕХИНОЙ (Зюзиной) (1933), спортсменки-волейболистки, мастера спорта, одной из зачинателей тульского женского волейбола, тренера-методиста, уроженки г. Тулы.

- 15 **95 лет** со дня рождения Евгения Петровича КАРНОВИЧА (1823 (по др. сведениям — 28.10. (9.11).1823) — 1885), историка, публициста, прозаика. Работал учителем в Тульской гимназии.
- 80 лет** назад (1938) открылся Тульский государственный педагогический институт, ныне ГОУВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого».
- 16 **200 лет** со дня рождения Константина Дмитриевича КАВЕЛИНА (1818—1885), историка, философа, правоведа, общественно-го деятеля. На протяжении ряда лет жил в Белевском у.
- 17 **230 лет** со дня рождения Михаила Семеновича ШЕПКИНА (1788—1863), актера, основоположника реализма в русском сценическом искусстве. Сезон 1822—1823 гг. работал в Туле.
- 20 **100 лет** со дня рождения Николая Ивановича ШУВАЛОВА (1918—1945), Героя Советского Союза, уроженца с. Табола Кимовского р-на.
- 60 лет** назад (1958) на базе отработанной шахты № 8 треста «Узловскуголь», была организована Узловская швейная фабрика, ныне акционерное общество.
- 21 **140 лет** со дня рождения Михаила Федоровича ШУРДУКОВА (1878—1920), революционера-подпольщика, рабочего Тульского патронного, затем оружейного заводов, участника установления Советской власти в Тульском крае. В 1917 г. избирался делегатом Тульского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом первого легального Тульского комитета РСДРП(б). Его именем названа одна из улиц г. Тулы.
- 23 **95 лет** со дня рождения Михаила Митрофановича ЗАЙЦЕВА (1923— 2009), Героя Советского Союза (1983), генерала армии (1980), в 1980—1985 гг. главнокомандующего Группой советских войск в Германии, уроженца д. Заводской Хутор Чернского р-на.
- 25 **90 лет** со дня рождения Михаила Николаевича ГЕРАСИМОВА (1928— 2002), Героя Социалистического Труда, токаря Узловского машиностроительного завода (1953—1964 гг., 1966—1988 гг.), депутата Верховного Совета РСФСР (в 1975 г.).
- 27 **50 лет** со дня рождения Оксаны Юрьевны ГРИШИНОЙ (1968), спортсменки-велосипедистки, мастера спорта международного класса, призера чемпионата мира, заслуженного мастера спорта России, серебряного призера XVII Олимпийских игр в Сиднее (Австралия, 2000), уроженки с. Белый Колодезь Арсеньевского р-на.
- 28 **80 лет** назад (1938) согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок Шекино получил статус города.
- 30 **95 лет** со дня рождения Екатерины Иосифовны ЕЛСУКОВОЙ (1923), Героя Социалистического Труда, уроженки с. Никольское ныне Плавского р-на.
- 25 лет** назад (1993) подписан в печать первый номер научно-методического и культурно-просветительского журнала «Лицей на Пушкинской». Учредитель — педагогический коллектив муниципального общеобразовательного учреждения «Лицей № 1» г. Тулы.
- 245 лет** назад (1773) тульским купцом И. Лугининым основан город Миасс ныне Челябинской обл.
- 115 лет** назад (1903) в Туле открылась художественно-прикладная ремесленная мастерская, которой руководил художник А. К. Малов. Мастерская была предшественницей электромеханического техникума имени А. Г. Рогова, ныне Тульский электромеханический колледж имени А. Г. Рогова.
- 85 лет** назад (1933) открылась библиотека в поселке при станции Шекино, ныне Шекинская межпоселенческая центральная библиотека.
- 75 лет** назад (1943) вступил в строй действующих тульский завод «Тулаэлектротягпривод», ныне открытое акционерное общество.
- 75 лет** назад (1943) в Туле сформирован французский истребительный авиаполк «Нормандия-Неман».
- 35 лет** назад (1983) в разных районах г. Тулы были установлены памятные знаки в честь героической обороны города в 1941 г. — «Здесь проходил передний край обороны Тулы». Архитектор А. Минаев.

Декабрь

- 1 **115 лет** со дня рождения Николая Алексеевича ВОЗНЕСЕНСКОГО (1903—1950), экономиста, государственного и партийного деятеля, академика АН СССР, председателя Госплана СССР (1938—1941, 1942—1949 гг.), лауреата Сталинской премии (1948), уроженца с. Теплое Чернского у.
- 105 лет** со дня рождения Ивана Ивановича САВОЩЕВА (1913—1992), Героя Советского Союза, уроженца с. Афанасьевое ныне Алексинского р-на.
- 95 лет** со дня рождения Георгия Тимофеевича ДВОРНИКОВА (1923—1974), Героя Советского Союза, уроженца д. Андреевка Чернского р-на.
- 2 **120 лет** со дня рождения Ивана Михайловича ДУВАНИНА (1898—1976), актера Тульского драматического театра им. М. Горького, заслуженного артиста РСФСР.
- 35 лет** назад (1983) открылся Чернский историко-краеведческий музей.
- 5 **135 лет** со дня рождения Николая Николаевича РАЗДЕРИШИНА (1883—1971), врача, организатора здравоохранения, заслуженного врача РСФСР, уроженца г. Тулы.
- 100 лет** со дня рождения Василия Терентьевича СВИРИДОВА (1918—1984), врача-психиатра, администратора, заслуженного врача РСФСР, уроженца д. Малахово Одоевского у.
- 6 **110 лет** со дня рождения Николая Антоновича ИСУПОВА (1908—1967), Героя Советского Союза, после войны жил и работал в г. Туле.
- 110 лет** со дня рождения Валентины Ивановны ДОДОНОВОЙ (1908—?), спортсменки-лыжницы, заслуженного мастера спорта, уроженки г. Тулы.
- 7 **80 лет** назад (1938) Указом Президиума Верховного Совета РСФСР село Плеханово Тульского района отнесено к категории рабочих поселков с наименованием Плехановский, ныне рабочий поселок Плеханово Ленинского р-на.
- 8 **75 лет** со дня рождения Александра Агубечировича ХАДАРЦЕВА (1943), ученого в области медицинских технологий, образования и практического здравоохранения, доктора медицинских наук, профессора, создателя и декана медицинского факультета (ныне — медицинский институт) Тульского государственного университета, директора НИИ новых медицинских технологий, академика РАЕН, АИН РФ, МАИ, МАНЭБ.
- 9 **95 лет** со дня рождения Федора Александровича КОМОВА (1923— 2001), полного кавалера ордена Славы. Работал в Тульской обл.
- 10 **85 лет** назад (1933) вступил в строй действующих Шекинский завод «Кислотоупор», ведущее предприятие строительной керамики министерства строительных материалов, ныне акционерное общество.
- 11 **25 лет** назад (1993) открыт памятник А. С. Пушкину в г. Новомосковске.

- 12 155 лет** назад (1863) Амвросий Прохоров с сыном получил разрешение на открытие Белевского общественного банка, первого из общественных банков Тульской губернии, положившего начало сберегательному делу в Белевском крае. На следующий год банк начал действовать.
- 105 лет** со дня рождения Николая Антоновича СОРОКИНА (1913—2001), педагога, профессора Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого, почетного гражданина г. Тулы.
- 100 лет** назад (1918) в Алексине открыт Народный дом — первое в городе культурно-просветительное учреждение клубного типа.
- 25 лет** назад (1993) была избрана Тульская областная Дума первого созыва.
- 14 105 лет** со дня рождения Николая Алексеевича ЮДАЕВА (1913—1983), ученого-биохимика, академика Академии медицинских наук СССР, почетного члена научных обществ эндокринологов ряда зарубежных стран, уроженца с. Благодать ныне Ефремовского р-на.
- 16 170 лет** со дня рождения Владимира Петровича ДОЛГОРУКОВА (1848—1898), князя, офицера, чернского и новосильского помещика, земского деятеля.
- 100 лет** со дня рождения Николая Федоровича ТЕСАКОВА (1918—1943), Героя Советского Союза, уроженца д. Чифировка ныне Киреевского р-на.
- 17 120 лет** назад (1898) освящена церковь Двенадцати святых Апостолов в г. Туле, памятник архитектуры XIX в.
- 18 310 лет** назад (1708) учреждены 8 губерний по указу Петра I. Тула, Алексин, Богородицк, Венев, Гремячев, Дедилов, Епифань, Кашира, Крапивна с безуездным городом Богородицк были отнесены к Московской губернии, Белев и Новосиль — к Киевской губернии. Одоев — к Смоленской губернии. Ефремов и Чернь были отнесены к Азовской губернии.
- 205 лет** со дня рождения Николая Васильевича МАКЛАКОВА (1813—1882), поэта, переводчика, уроженца с-ца Моховое Чернского у.
- 170 лет** со дня рождения Николая Васильевича ДАВЫДОВА (1848—1920), прокурора Тульского окружного суда, мемуариста.
- 105 лет** со дня рождения Евгения Владимировича УСПЕНСКОГО (1913—2001), педагога, заведующего Одоевским РОНО, почетного гражданина пос. Одоев, уроженца г. Одоева Тульской губ.
- 19 105 лет** со дня рождения Константина Владимировича БОГОЛЕПОВА (1913—1983), геолога, тектоника, чл.-кор. АН СССР, уроженца пос. Одоева.
- 100 лет** со дня рождения Дмитрия Александровича ЗАЙЦЕВА (1918—1944), Героя Советского Союза, уроженца с. Кутьма Щекинского р-на.
- 95 лет** со дня рождения Николая Дмитриевича ЗАХАРОВА (1923—2011), Героя Советского Союза, уроженца с. Кузнецово Киреевского р-на.
- 20 65 лет** назад (1953) вступила в строй действующих Черепетская ГРЭС (Суворовский р-н), ныне входит в состав ОАО «Тулэнерго».
- 21 115 лет** со дня рождения Анны Михайловны ГЛАШКИНОЙ (1903—1988), Героя Социалистического Труда, хозяйственного деятеля, уроженки д. Степановка Богородицкого у.
- 22 105 лет** со дня рождения Александра Николаевича СИНЦЫНА (1913—1991), Героя Советского Союза, уроженца г. Тулы.
- 85 лет** назад (1933) вступил в строй действующих Сталиногорский азотнотуковый комбинат, ныне открытое акционерное общество «Новомосковская акционерная компания «Азот».
- 24 315 лет** со дня рождения Алексея Ильича ЧИРИКОВА (1703—1748), капитан-командора, российского мореплавателя. В 1725—1730 гг. и 1733—1741 гг. помощник В. Беринга в I и II Камчатских экспедициях, первооткрыватель Северо-Западной Америки. Родовое имение дворян Чириковых находилось в с. Аверкиевское-Лужное Тульского у. (ныне с. Лужное Дубенского р-на).
- 130 лет** со дня рождения Анны Ильиничны ТОЛСТОЙ (1888—1954), мемуаристки, лектора, автора воспоминаний о Л. Н. Толстом, уроженки хутора Протасово (Александровка) Чернского у.
- 95 лет** со дня рождения Ивана Васильевича ПАПУНЕНА (1923—2009), музейного работника, краеведа, заслуженного работника культуры РСФСР, почетного гражданина Одоева, инициатора создания и директора Одоевского краеведческого музея (с 1980 по 2006 гг.).
- 26 80 лет** назад (1938) постановлением Оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Тульской области организовано Тульское областное управление лесоохраны и лесонасаждений, ныне Комитет лесного хозяйства Тульской обл.
- 27 160 лет** назад (1858) в г. Белеве открылась публичная библиотека в память поэта В. А. Жуковского, ныне Белевская межпоселенческая библиотека имени В. А. Жуковского.
- 100 лет** со дня рождения Ивана Ивановича ЗАГРЯДСКОГО (1918—1986), Героя Советского Союза, уроженца с. Урванка Новомосковского р-на (ныне — в черте г. Новомосковска).
- 95 лет** назад (1923) организован «Тульский городской банк», правопреемником которого ныне считается АКБ «Приупсбанк».
- 65 лет** назад (1953) введен в эксплуатацию первый турбоагрегат Первомайской ТЭЦ, ныне входит в состав ОАО «Тулэнерго».
- 28 100 лет** со дня рождения Николая Алексеевича ПРИСЯГИНА (1918—1979), Героя Советского Союза. Жил и работал в г. Новомосковске.
- 95 лет** со дня рождения Николая Васильевича БУЙНОВА (1923—1977), Героя Советского Союза, уроженца д. Крюковка Тепло-Огаревского р-на.
- 80 лет** со дня рождения Сергея Ивановича ГАЛКИНА (1938), поэта, ответственного секретаря Тульского областного отделения Союза российских писателей, лауреата областной литературной премии им. Л. Н. Толстого (2002), уроженца г. Тулы.
- 55 лет** назад (1963) вступил в строй действующих Донской завод радиодеталей, ныне открытое акционерное общество.
- 45 лет** назад (1973) создан трест «Союзцентрغاز», ныне открытое акционерное общество «Центрغاز».
- 30 95 лет** со дня рождения Ивана Семеновича УЛИТИНА (1923—1944), Героя Советского Союза, уроженца д. Ясенки Щекинского р-на.
- 55 лет** назад (1963) вступил в строй действующих Узловский завод аппаратуры дальней связи, ныне акционерное общество «АДС».
- 31 25 лет** со дня рождения Петра Андреевича ОВЧИННИКОВА (1893—1968), административно-хозяйственного и партийного работника, почетного гражданина г. Тулы

Владимир МИЛОВ

Миров Владимир Михайлович родился в Тульской области, Одоевском районе, в д. Бегино в семье учителей. Поэт, прозаик, автор поэтического сборника «Заветная тетрадь». Печатался в журналах «Дальний восток», «Иван-озеро», «Приокские зори» и других. В настоящее время пенсионер МВД. Ветеран боевых действий (Чечня, 2000 г.) Проживает в Туле.

ПОВЕСТЬ

ЭХ, ЖИЗНЬ!

Моему другу — поэту, художнику, врачу — Марине Мироновой, человеку, которому я читал эту повесть, ещё не написав ни строчки, — посвящаю этот труд.

*Facta sunt potentiora verbis!*¹

*«...Люди мне простят от равнодушия,
Я им — равнодушным — не прощу!»*

Александр Галич

ГЛАВА 1

Охота, говорят, пуще неволи. Если охота пуще неволи, то рыбалка пуще охоты к охоте.

Думается, вот только-только я шел, весь мокрый от росы, по тропинке, ведущей на пруд по гречишному полю, и на улице ещё ночь отходила в вечность, багровея на востоке пятнами рассвета, а теперь уже считай полдень: солнце припекает, и тучи комаров-шакалов сменили волки-одиночки — оводы.

...Заняться мне было нечем, рыба часов с десяти утра перестала клевать.

Домой я возвращался усталый, но счастливый — в моем садке было килограмм пять-семь вполне приличных карасей. Все-таки я нашел рыбное место, о котором мечтает каждый рыбак. Это был самый хвостик пруда, поросший ивняком, камышом, затянутый ряской и осокой. Именно там и обитала прудовая знать, «бояре и боярские дети» — крупные, дородные, жирные и неуклюжие. Правда, удить там было сущей мукой — мелко, чуть прозевал поклевку и пиши

¹ Поступки сильнее слов (*лат.*).

пропало, карась заведет леску в камыши и непременно запутает, но игра стоила свеч, на чистой воде, где шныряют представители низкого сословия — рыбы «пролетарии», таких жирных карасей и в помине нет.

Роса на траве уже давно высохла, и теплый летний ветер лениво гулял по пестрому лугу, приводя в движение цветное море разнотравья, гнал, как на воде, мелкую рябь, играя луговыми васильками и колокольчиками, путаясь в доннике и в густой фиолетовоокой вике, тербя гибкие стебли иван-чая и конского щавеля. На цветущем клевере и татарнике раскачивались мохнатые шмели, а в синем небе весело, зависая в воздухе, пели жаворонки. А у меня перед глазами все ещё стояли поплавки удочек да мерещились карасиные поклевки. Ноги приятно гудели от усталости и на душе было как-то необычно светло и радостно. Хотя некая тучка и омрачала мою радость, ведь дома я обещал быть часов в восемь, ну от силы в девять, а теперь уже скоро коров на обед пригонят. Ну что тут поделаешь? Потерялся человек в пространстве и во времени, ибо слаб он на всякие там соблазны, зато хоть иду с уловом.

Дом Степана Антоновича Просвинова я обошел задами-огородами, обогнул деревенское кладбище, которое по иронии судьбы почему-то расположилось посередине деревни в обрамлении яблоневых садов, миновал два загложших пруда с живописными названиями: Овечий и Слюнявый и вышел на финишную прямую.

Идти до дома мне оставалось метров пять-сот. Близость родного дома придала мне новый приток сил, как усталому коню далекий запах милой его лошадиному сердце конюшни, и я

прибавил шаг по тропинке, петляющей между яблонь, и тут меня остановил разбойничий свист — мощный, пронзительный, лихой. Таким свистом, вероятно, некогда бородатые сорвиголовы, вооруженные топорами и мясницкими ножами, останавливали где-нибудь в неурочном месте, на тихой полянке дремучего леса, господские тройки, и вращались в землю от ужаса копыта бойких лошадей прежде чем повиснет на удилах бородатый разбойник. Я тоже замер, как вкопанный, осмотрелся — никого. И только сделал пару шагов, чтобы продолжить свой путь — свист повторился — настойчивый, требовательный, повелевающий. Остановился, но снова ни единой души не увидел.

«Должно быть, пацаны дурачатся, спрятались где-нибудь в кустах и подшучивают так над прохожими», — подумал я, и тут вновь свистнули, и в воздух в метрах ста от меня взлетела пестрая кепка, и тогда, присмотревшись, я увидел едва возвышавшуюся над высокой травой, которая и мне местами доходила до пояса, вихрастую голову. Сомнений не было — эта голова могла принадлежать только одному единственному человеку — Степану Антоновичу Просвинову. Конечно, как же мог себя обозначить в этих травяных дебрях безногий человек, кроме как свистнуть проходящему мимо и кинуть вверх кепку.

— Здорово, братец! — Антоныч приподнялся, опершись на левую руку на «каталке», а правую протянул мне. Его шершавая ладонь — широкая, мужицкая, с закостеневшими мозолями, с такими, что можно горящие головешки из костра вытаскивать без всякого вреда для здоровья, будто тисками, сдавила мою кисть. Антоныч так со всеми здоровался. В то время ему было уже под восемьдесят, но никто из всей округи не мог перетянуть его на руках — медвежьей силы был человек. Он посмотрел мне в глаза и весело и озорно заулыбался, обнажая редкие и желтые от табака зубы. — Как улов?

Я показал ему садок с рыбой!

— Гляди, какие славные и жирные, как поросята! — он достал из садка самого большого карася, поддев его пальцами под жабры, поднес карасиную морду к своему лицу, посмотрел в выпученные рыбы глаза и с укоризной сказал: — Эх, ты, дурашка, жил бы себе, да жил, ан нет, тоже халявки захотелось. Будет тебе теперь

халявка: и мука пшеничная, и сметана жирная. А я тут сено кошу, — дед кивнул в сторону большой, словно бритвой выбритой до черной земли делянки, расчерченной ровными рядами свежескошенной травы, бросил карася в садок, вытер об траву руки от рыбьей слизи и снова заулыбался. — Будь другом прикати мне мою парадно-выездную каталку. Есть у меня к тебе дело.

«Парадно-выездную» каталку Антоныч сделал себе сам: колеса от мопеда, рычажный привод, крытый брезентом откидной верх, как на старинных бричках, и с багажным отделением в виде комбайнерского ящика под инструмент. Коляска задалась добротная, прочная, но тяжелая, и как на ней ездил дед, ума не приложу. Я всегда удивлялся его изобретательности; в его «гараже» иной раз доходило до десяти «каталок» разной принадлежности: для езды по дому, для распилки дров, для столярных работ, с широкими скатами для езды по снегу, но вершиной «инженерной мысли» Антоныч, безусловно, считал «каталку» для косьбы, с упором под спину, в которой каждый взмах косы автоматически передвигал коляску на несколько сантиметров вперед, как это делает полноценный косец.

Иной читатель, знаю, фыркнет: «Нашел чем умиляться! Тоже мне, бином Ньютона!» Оно, может, и нечем, да и нечем. Но попробуйте создать все это в условиях не машиностроительного завода, когда все под рукой — и токари, и фрезеровщики, и кладовщики с инструментом, а в глухой деревне Одоевского района, где лошади подковывались в последний раз в эпоху Иосифа Виссарионовича, где за каждым болтом набегашься вдоволь к токарю-забуддыге с литрами и полулитрами, и тогда вы поймете и оцените значимость «передвижного парка» Антоныча.

— А теперь, братец мой, поверни эту коляску к лесу передом ко мне задом — будем её раскулачивать.

Я так и сделал. Дед принялся рыться в «багажном отсеке», перебирая в руках бруски, отвертки, стамески, ремни, цепи:

— Черт, куда же я его дел?! А! Вот он, родимый, в футляре из-под очков, — приподняв бархотку футляра, Антоныч извлек оттуда сложенный вчетверо червонец и обрадовался. — Цел родимый! Чтоб ему вновь ко мне вернуться! Слушай, уважь инвалида, сходи в магазин, купи бутылку — про-

сит душа моя праздника: посидим, выпьем! Закуску не бери, у меня тормозок нетронутый — свадьбу сыграть можно, лучше пивка возьми, если есть.

И тут я впервые заметил, что взгляд у Антоныча чисто детский. Сам весь, как столетний дуб, и узловат и морщинист, крученный перекрученный жизнью: спина широкая, старая стиранная-перестиранная рубаха какого-то непонятного зеленого цвета белым-бела от пота, грудь поросла до самого подбородка седыми волосами, а глаза — чистого небесно-голубого света, будто бы и не было ничего этого: ни войны, ни плена, ни самой жизни. И подумалось мне, вот откажи я ему, сошлись на занятость, на усталость, и брызнут из этих чудных глаз такие слезы обиды, что прожгут мне насквозь душу и вовек будет мне не отмолить и не забыть этого. Да и сам Антоныч даже и не предполагал отказа, а улыбался лучисто, скалясь во весь рот, как самому закадычному другу:

— Иди только по огородам, по картошке, мимо Тимошкиного сарая, и обратно возвращайся также — я буду тебя вон под той «китайкой» ждать. Шурку боюсь! Вот ведьма с хвостом — ей бы в НКВД работать, рассекретит даже португальского шпиона. Но её тоже понять можно, и так наливает она мне каждый день в обед, как с покоса ворочусь пару стопок, после вечернего покоса — три, а мне больше нельзя — забалую, сам знаешь. Эх, жизнь! Шурка — девка домовитая, но, что с неё возьмешь? Баба — она и есть баба! С ней не поговорить, а водка без разговора, как варенье без чая — сухомятка. Беги, голубь, чай ноги у тебя свои — вольные.

Пива в магазине не было и скучающая продавщица, играющаяся со счетами, взад-вперед без всякой мысли гоняющая деревянные костяшки по проволочному насесту, как-то неохотно опустила мне бутылку водки. Хотела было заартачиться, но нарастающая духота летнего дня и природная лень и этого не позволили ей сделать. Она лишь скучно зевнула, поставив мне на весы бутылку «сибирской»:

— Дверь за собой закрой — мухи с улицы летят, — и кивнула на свисающие с потолка магазина «лианы» липкой бумаги, сплошь усеянные трупами мух.

Китайка, под которой мы с Антонычем должны были встретиться, была мне хорошо знакома,

сколько раз я угощался её рубиновыми яблочками — кисло-сладкими и терпкими, как дорогое выдержанное вино. Сейчас её бледно-зеленые плоды терялись в густой зелени дерева, но ближе к сентябрю она вспыхнет, зардеет и наклонит свои ветви долу, а поздней осенью, когда весь сад облетит и осыплется и плодами и листьями — она, как царица сада, до самых морозов будет гореть огнем. Потом сад заметет снегом, но мелкие, уже убитые морозом сморщенные яблочки будут висеть на ветках, чуть ли не до новых листьев. Удивительное дерево. А какое варенье из неё получалось, если каждое яблочко сорвать с плодоножкой и сварить в сахарном сиропе!

Я почти вплотную подошел к китайке, но Антоныча так и не увидел, уж было решил, что он назначил мне встречу возле другой китайки — золотой, и только обойдя дерево по кругу, заметил багажник каталки, спрятанный в густой листве. Сам старик лежал на спине в густой траве, надвинув на глаза кепку, подложив правую руку под голову, а левую положив на сердце. Его застиранная рубаха цвета хаки в бледно-серых разводах от пота невольно играла роль камуфляжа, сливая тело с луговым разнотравьем. Казалось, что он спал, грудь вздымалась высоко и ровно, но, заслышав мои шаги, он слегка приподнял голову и убрал кепку с глаз:

— Скоро ты вернулся, а я только-только управился: пока доехал, да рыбу твою крапивой перестелил — жара, и глазом не успеешь моргнуть, как изгадится. Закусь я уже разложил и стакан квасом сполоснул. Ты запиваешь? — Антоныч кивнул на трехлитровый алюминиевый термос, который раньше был у каждого механизатора.

На сложенной пополам газете, аккуратно на развороте, лежали четыре яйца, лук, соленые огурцы (свои свежие ещё не пошли), сало и картошка в мундире, соль в спичечном коробке, другим разворотом вся эта снедь была прикрыта от мух. Водка до омерзения была теплая и противная, зато квас оказался холодный и такой забористый, настоящий на мяте, что без труда перебил горечь водки и остановил рвотный рефлекс желудка. Антоныч тоже выпил, поморщился и обмакнул в соль головку лука:

— Что она, на этой бутылке сидела, чуть ли не до кипения довела, сучка!

— Так ведь на улице жара, — застучался я за продавщицу. — Да и я нес её под ремнем, вот и нагрелась.

— Ладно, сейчас мы её охолодим, нам спешить некуда, — дед сменил гнев на милость. Он взял нож и быстро прямоугольником на глубину всего клинка вырезал из земли дерн. Потом ещё углубил немного землю, бережно выгреб её из ямки руками и опустил туда бутылку с водкой, а сверху придавил заготовленным дерном. — Мать сыра земля её мигом остудит.

Я невольно бросил взгляд на ноги Антоныча: ноги ему отрезали как раз чтобы только можно было сидеть на табуретке — выше просто уже было резать некуда. Штанины были аккуратно подвернуты возле культишек и заправлены сзади под ремень брюк, а на сгибах с наружной стороны ещё прищеплены канцелярскими скрепками. Неприятное это было зрелище, вплоть до какого-то душевного содрогания. Антоныч поймал мой взгляд и грустно улыбнулся:

— Интересуешься, где я свои ноги оставил?

— Я знаю, танк по ним проехал.

— Дурак ты, братец! У нас если война, то непременно танк. Народ всегда так, чего не знает, то сам додумает. Ну, сам посуди, если бы я под танк или под самоходку попал, разве я бы пил сейчас с тобой водку? Меня бы уже давно карки склевали. А по ногам мне проехала, скорее всего, санитарная телега, и я так думаю, что наша, когда раненных забирали. . . Ясное дело, не со зла, торопились санитары, и где там бедному возчику было маневрировать на своей лошаденке, когда на этом поле нас лежало, как картошки в урожайный год. Эх, жизнь! — он задумчиво посмотрел в синеву летнего неба поверх макушек яблони, мимо березовой рощи, куда-то туда за горизонт, куда позолоченные солнцем неспешно и лениво плыли пышные облака, будто попытался в очередной раз что-то там увидеть, затем закрыл лицо ладонью, погрузившись во тьму, но тьма не дала ему ответа. — Ничего не помню! Помню только, что взлетел я в небо, выбила у меня какая-то сила землю из-под ног, а дальше — тьма, неземная, могильная. Очнулся, лежу я на бетонном полу, грязный, обоссанный, в голове малиновый перезвон, полный рот земли, а к ушам словно мне кто по огромной подушке приложил. Рядом со мной люди говорят, а я их не слышу — тонут

их голоса, не могут они ко мне пробиться, и гул в голове: бум! Бум! А голова болит, мочи нет! Перевернулся ничком, приложил лоб к бетонному полу — прохладно, забылся, опять заснул. А сон-то, братец ты мой, нездоровый, лихорадит меня всего, трясет, а из ног у меня будто кто жилы тянет, подцепил клещами и тянет, тянет миллиметр за миллиметром.

Очнулся вновь, осмотрелся. Деревенская СТО¹, что-то, вроде нашего гаража: яма смотровая, лебедка над ней, по бокам верстаки стоят, сварочный аппарат, ржавая наковальня, на полу электроды валяются, болты, гайки. Сверху в крышу, видно, снаряд попал — кусок неба проглянул, и солнце светит, ласковое, летнее. Под потолком на бетонной балке гнездо голубиное, сизарь что-то своей голубке рассказывает и ласточки носят, как молнии, тоже гнезд по углам наделили — деток выхаживают. Течет неспешно их птичья жизнь и война для них не война, а так — людская блажь. Поднял я с земли электрод, нашел в кармане старую «подшивку», намотал её на прут и выковырнул кровь из ушей — стал немного слышать, что люди говорят.

Было нас в этом гараже человек сорок, узнал даже двух своих однополчан — Славку Лазарева и Митьку Полежаева, подошли они ко мне:

— Мы, — говорят, — думали, что ты уже того, и не очнешься никогда. Всю ночь зубами скрипел да по полу метался.

— Братцы родненькие, гляньте, ради Христа, что у меня с ногами — не могу, болят, сил нет.

А что у меня с ногами?! Переломанные они в труху и так опухли, что сапоги кирзовые по швам трещат, того гляди, лопнут — их теперь и не снимешь, только резать — вот как разнесло. Посмотрели они, переглянулись, ничего мне не сказали. Я и сам не дурак — все понял. А там и понимать нечего — плохо мое дело, если немцы узнают, что я недужный — выволокут меня под руки за гараж и пристрелят, как собаку, вот и вся недолга. Ясное дело, никто меня выхаживать не будет. Одно мне не понятно, зачем меня вообще-то они в плен брали, чего там, на поле, не пристрелили? Тут ведь, братец, вот какое дело получилось, что собирали нас по полю обыкновенные вояки — такое же, как и мы — пушечное

¹ СТО — станция технического обслуживания, ремонтная мастерская.

мясо, а это тебе не какой-нибудь карательный отряд или СС, глупая солдатня, которая всяким там конвойным штучкам-дрючкам не обучена. Мало того, что они даже ремни нам оставили, красноармейская книжка, и та в кармане лежит, видно, так решили — подойдут «специалисты», пусть и разбираются с пленными, а их дело — воевать. Дергали они по паре человек на хозработы, котлы мыть, да уборную у начальника чистить. Заходил в гараж унтер с двумя автоматчиками и тыкал пальцем в первых попавшихся: «Арбайтен!» Никогда его, суку, не забуду, длинный, худой, ну есть, вылитый глист, на носу очки с сантиметровыми линзами. Те брали бочку двухсотлитровую (пожарную), намертво приваренную к железной двухосной тачке, лопаты совковые и начинали убираться, сначала у начальника, а потом и у нас в гараже — там народ тоже все по углам присрал — в уборную-то нас не водили. А у меня-то какие думки, вот ткнет в меня пальцем этот глист — и конец моей жизни. Ладно, раньше смерти не помирают, а уж коли помирать, так с музыкой. Гляжу я, валяется под верстаком шестеренка, и такая справная да увесистая, килограмм не меньше, достал я её, родимую, приспособил к ней тренчик из брюк и что-то у меня вроде «гибкого вала» получилось, — Антоныч улыбнулся и достал из земляного холодильника бутылку. Остывшая водка не была уже такой противной. Признаться, я проголодался на рыбалке и с жадностью в один присест проглотил бы всю нехитрую нашу закуску, но смущался и «клевал» неспешно, подражая Антонычу, по перышку зеленый лук, макая его в соль.

— Ешь, паря, не стесняйся — твое дело молодое. Как говорится, чтоб спалось, пилось и елось, чтобы баб любить хотелось. На чем я остановился-то? А-а! На гибком вале. Я еще, когда в техникуме учился имени Мосина, раньше он назывался вечерний рабочий механический техникум — задирали нас тульские ребята: «Дерёвня! Дерёвня!» А сами-то, суки, городскими себя считали — Тула и сейчас-то деревня деревней, и если бы Брежнев не приехал в неё город-герой вручать, наверное, и по сей день в резиновых сапогах бы ходили, а тогда и вовсе — коровы по городу ходили, да на телегах ездили. А туда же! А шпаны было, как говна за баней! Время было такое — беспризорщина выросла, ни на что,

кроме поножовщины да воровства непригодные. Потом время всех рассортирует, кого в лагерь, кого в братскую могилу. Эх, жизнь! Вот те ребята, которые послабей, чтобы хоть как-то защититься и придумали этот «гибкий вал» — пружина метровая, на одном конце ручка, как на плетке, а на другом свинцовый набалдашник. Страшное оружие, хотя и простое. Если по руке попал — перелом обеспечен, по голове — венки и белые тапки. Я, правда, таким никогда не пользовался. У меня вот, — Антоныч показал мощный загорелый кулак. — Иной раз как врежу — только ноги из кустов покажутся и зубы, как семечки из перезревшего подсолнуха, посыплются. Я по молодости лихой был, никого не боялся — дерзкий, хлесткий, а подраться любил, медом не корми. . .

Антоныч, раскурив «Беломор», долго молчал, выпуская через нос струйки сизого дыма. То ли так падала тень на его лицо от китайки, то ли это скользили по его челу мрачными призраками темного былого невеселые думы.

Мне уже было давно пора вернуться с рыбалки, но в тоже время страсть как не терпелось дослушать эту историю человеческой жизни. Старик не спешил, а торопить его наводящими вопросами уже подсказывающими ответ, как это делают идиоты-журналисты, заранее подгоняя интервью под свое виденье, изначально втискивая его в рамки своей статьи — главное, чтобы с основной дороги повествования не сбиться. Оно и понятно, человек прожил такую жизнь, по которой по столбовой дороге не проедешь и вот так, за рюмкой, не поведаешь, сколько было в ней и ям, и ухабов, и объездных путей и зла и милосердия.

— Вот и я тогда подумал, как ткнет в меня немец, подлец, свой длинный палец-указку и скажет: «Арбайтен!» тут я его и уработаю, угощу я напоследок своей шестеренкой, только мозги по стенам брызнут, а потом пусть меня калеными щипцами на части рвут, казнят, вешают — хрен один, зато хоть от ног отмучаюсь, от этой боли нестерпимой, от которой все в глазах меркнет и белый свет не мил становится.

А наши ребята ночью нашли на стене гаража лестницу металлическую, скобами прибитую. До самого рассвета они её отрывали, стальные костыли расшатывали — сняли, примерили, как раз до проема, что в потолке, достает. Шу-

стрые, черты, трос сняли с лебедки — это, чтобы на землю спуститься, а там бузина прямо за гаражом и овраг. Слышу, побег замышляют на будущую ночь. Я сижу, молчу. Куда мне с ними, если я даже стоять не могу? Кто меня на горбу на себе потащит — маршал какой. Я же их свяжу по рукам и ногам. Ладно! Была у меня надежда, что наши, может быть, отобьют. Но им, видно, в тот раз так прикурить дали, что ни слуху, ни духу. Так, слышно, что где-то фронт гремит, вроде грозы. Упросил я мужиков, чтобы завтра, когда уборную чистить пойдут, и меня в эту бочку посадили, немцы-чистоплюи к этой бочке и близко не подходили. Так и сказал: «Братцы мои родные, вы завтра убежите, а я ж куда денусь?!» Вот какой наш народ — согласились, хотя попадись они — расстреляли бы вместе со мной.

Ещё когда в бочку сажали, я уже сознание потерял. Сам подумай, сидеть со сломанными ногами на корточках — вышибло из меня сознание начисто. Оно, может, и к лучшему, не стонал, не кочевряжился в бочке, не стошнило меня от фашистского дерьма и голова не закружилась с кручи в овраг кверху задом лететь, — Антоныч засмеялся, как-то по-детски весело и задорно, глаза его заискрились, засияли, паутинки морщин на щеках задергались. Видимо, последняя фраза ему и самому понравилась. Настроение его сменилось, и эта трагическая история ему самому уже показалась, как нелепый страшный сон, над которым теперь уже и самому можно посмеяться. Но постепенно улыбка с его губ сошла, и дальше потекло опять то же ровное повествование:

— Очнулся в овраге, пополз на звуки боя, туда, где вроде как зарница сверкает и погромыхивает гроза. Сколько я полз — убей меня, не помню, два дня, три ли, неделю. Полз по ночам, как дикий зверь, лесами, лощинками: где ягод поем, где на земле гнездо найду птичье, птенцам, как хорек, головы покусываю, грибок какой-нибудь, вроде рыжика или сыроежки. Было у меня с собой два сухаря про запас, но и они изгадились — выбросил. Днем скатывался опять куда-нибудь в низину, найду ручеёк, если повезет, обмажу ноги грязью и мне, вроде как легче становится. Мать сыра земля боль оттягивает.

Ох, а как я ругал свои ноги! Думается, будь у меня хоть перочинный ножик — сам бы их отрезал, да подлому воронью скормил. Но ни-

чего при мне не было, кроме той злосчастной шестеренки. Вот тогда-то я, верно, и накликал сам на себя беду, а нужно было бы ножки свои жалеть, разговаривать с ними ласково, поминать их добрым словом, благодарить за службу. Эх, дурак, я дурак!

А тогда, иной раз нападёт на меня такое отчаяние — зальюсь слезами, разнесчастная моя доля: вот чтобы этому сволочному возчику из медсанбата не по ногам мне, а по горлу бы проехать — сейчас гулял бы по райскому саду, не подыхал бы в чащобе, как проклятый. Веришь ли, несколько раз хотел удавиться, а потом подумал, подумал и сказал себе: «Нет уж, падла, живи до последнего, иначе, зачем ты через такие муки прошел? Чтобы на себя руки наложить?!» Скрипнул зубами и дальше поползу. А потом рад бы был повеситься, да уже не на чем было — потерял я где-то свою шестеренку вместе с ремнем. Впал я в полное беспамятство — ничего не помню: что делал, куда полз, что буровил, что мне грезилось, мерещилось, представлялось. Сработал, какой-то защитный механизм в организме, вроде того, когда выбивает пробки в электропроводке от перенапряжения. Нашел меня, говорят, какой-то старик на лошади, то ли он сено в лесу косил, то ли дрова пилил. Он-то и привез меня к нашим. Эх, жизнь! Наливай, братец, хорошо сидим, душевно!

Это дело-то было в июне 42-го года, земляника только-только в пору входить начала, а очнулся я в госпитале, уже на деревьях листья желтизной подернулись и первое, что увидел — кровавые грозди рябины, дождем омытые, горят на ветру, крупные да сочные, как виноград. Рядом раненые в палате стонут. Ох, и доставалось иным, особенно танкистам. Привозили, черных, как голловешки, все обугленные, и давай с них одежду сдирать вместе с кожей, а они в голос кричат, матерятся, врачей клянут, да судьбу свою бесталанную. А я очнулся и даже обрадовался — ноги не болят. Вот молодцы врачи, как хорошо мне гипс наложили! Тетка какая-то в палате убирается, шваброй по кроватям стучит, с подоконников листья желтые смахивает. Жив, слава тебе, Господи! Дай, думаю, попробую, правильно ли кости срастаются: пошевелил пальцами на ногах — все как один работают, только гипс возле щиколотки трет. У меня прямо-таки какая-то напасть была на обувь, все время возле щиколоток

ноги натирал. Ладно, не велика беда, авось мне не плясать в гипсе. Только чувствую я, что ноги у меня, пятки, как бы из-под одеяла вылезли и холодом тянет на них из окна:

— Женщина, — говорю я уборщице, — не могли бы мне одеялку поправить, уж дюже из окна тянет по пяткам.

Она, бедная, с испуга даже швабру выронила из рук:

— Очнулся, соколик, сейчас поправлю, а мы-то уж не знали, куда тебя приписать, в живые или мертвые, ибо ты был как раз на перепутье.

Вертится она около моей кровати и все что-то возле задницы одеяло конвертом складывает, а мне чудно: «Вот же глупая, баба! Сказано же тебе, пятки у меня мерзнут, что ты к мудям-то прилипла?!» Я с ней собачусь, матерюсь, а она, сердечная, глаза в сторону отводит и только носом хлюпает. Потом и вовсе вышла из палаты. Хочу приподняться на кровати, не могу, словно мне на грудь чугунную плиту положили — ослаб, вытянула из меня болезнь все соки. Кое-как, кое-как приподнялся я на локтях и как глянул на то, что он меня оставили, зарыдал в голос, как бабы на похоронах причитают, только уже иными словами:

— Суки, вы, падлы, эскулапы поганые, коновалы, неужто вам жалко было для меня какой-нибудь отравы?! Укололи бы потихоньку, да и прикопали бы где-нибудь на пустыре, а теперь как я жить-то буду?! Сяду на шею старухе матери?! Так она бы получила бы похороночку, мол, пал ваш сыночек в бою смертью храбрых и не ждите его более... Поплакала бы месяц, другой, да и утешилась — не одна она такая, на то она и война: на миру и погибать легче, и погибших оплакивать. А ей, глядишь, вышло бы за это какое-нибудь послабление, лишнюю бы какую копейку к пенсии кинули, льготу, хоть на те же самые дрова бы дали, или клок сена для коровы. Что же вы наделали, кто вас просил меня выхаживать?

Тут врачи все сбежались, я буйствую, мечусь по кровати и крою их всех матом, что ни есть гаже. И откуда во мне только сила взялась. Они меня к кровати привязывать, не могут руки никак заломить. Навались всей кодлой, придушили, связали, сделали укол в вену, по-

плыло у меня все перед глазами, отяжелели веки, словно на них не чтобы там по пятаку, а по юбилейному рублю положили. Эх, жизнь!

Я для себя твердо решил — не буду я жить на этом свете, но руки на себя наложить и ходить-чому не просто, а безногому каково?! А я тогда только и научился, что утку сам из-под кровати доставать и на место ставить. Как быть? Засела во мне эта мысль, как заноза, я вроде бы и кашу ем, и компот пью из сухофруктов, но опять не для того, чтобы жить, а чтобы силы были свершить задуманное. Ночи не сплю, все думаю, что бы мне над собой сделать. Таблеток наесться? Это можно! Они горстями по тумбочкам лежали, но опять нужно знать каких, а то и помереть не помрешь, а превратишься и во все в овощ — будешь лежать, глазами хлопать и муху-то с морды отогнать не в силах.

И тут мне подвернулся случай: попал к нам летчик — Герой Советского Союза капитан Константин Разбредев. Геройский мужик. Ему правую руку по самое плечо отрезали и легкое, пуля навылет через него прошла. Был у него наградной «ТТ», подаренный лично Климентом Ворошиловым, а с оружием у нас в госпитале лежать было нельзя. Капитан наш заартачился и пистолет сдавать отказался. Ну что врачам было с ним делать? Был бы кто простой, пришли бы архаровцы из комендатуры и разоружили бы, как миленького, а тут такой случай, как говорится, осадил коней. Короче, сдал он лишь одну обойму от пистолета на хранение. Наши койки с ним рядом стояли. Вот я только одного не могу понять, отчего он не лег в офицерскую палату?! Со странностями был мужик! Вот он и показал мне, что у него в планшетке ещё три обоймы к пистолету лежат, посмеялся над наивными врачами и подмигнул мне, дескать, в случае чего — отобьемся. А мне три обоймы-то и не нужны, одной пули достаточно.

Летчик был уже выздоравливающий и любил гулять на свежем воздухе. В обед уйдет после процедур и возвращался лишь спать, придет, бывало, спиртом от него разит и табаком, хотя курить ему строго-настрого запретили, грустный-грустный, глаза уставит в потолок и молчит целыми часами. То затеет письма кому-то писать, а то вздохнет и скажет: «Эх, Степа, как же умирать-то не хочет-

ся...» Видно, чувствовал человек, что недолго ему осталось по земле топтаться. А мне его слова, как острый нож под сердце: тебе умирать неохота, а я бы рад помереть, да не знаю как.

Пистолет он свой, когда брал с собой, когда нет — забывал. Видно, была у него в жизни такая черная полоса, что не до пистолета ему было. Так он и лежал у него под подушкой, а планшетка в тумбочке.

ГЛАВА 2

...Я тогда похудел — болезнь изъела, минус ноги, ещё третья часть веса долой, а руки-то такими же сильными остались, даже, думается, от ног к ним сила передалась: за одну дужку кровати взялся, за другую перехватился — вот и пистолетик, и обоймочка. Прыг-скок, уже на своей койке. Огляделся — всё спокойно: тот на перевязку ушел, этот в бреду мечется, третьему снотворное укололи — спит, как младенец — самое время для душегубства. Обойму вставил, завор передернул и поднес к виску ледяной ствол, осталось только курок нажать и всё — кончатся мои земные муки! Откроется передо мной вечная тайна: есть ли Бог, есть ли душа, или жизнь погасить — как на свечку дунуть, завьётся чад от фитиля в сальной свече и развеется.

И тут отчего-то вспомнил я уборщицу, наверное, невесело ей будет мои мозги со стен отмывать, а 7,62 калибр нешуточный. Нет, надо в сердце стреляться. Приподнял рубашку: вот оно — сердце, бьётся чуть пониже левого соска, кожа на груди от его ударов пульсирует, думается, что не промахнёшься, но пригляделся, оно и здесь стучит и там стучит, бухает, аж вся грудь ходуном ходит. Замешкался. Надо бы какую-нибудь молитву прочесть — так не знаю я никакой молитвы. Стал просто так поминать Господа: помилуй мя, Господи, да прости мя!

Тут открывается дверь и заходит врач — Зинаида Аркадьева Снежинская. Как тебе её описать? Царица! Что ножки, что ручки, что фигурка точёная, волосы золотые по плечам волнами льются — всегда вежливая, гордая, но душевная. Таковую не то что полюбить, а близко-то подойти страшно — чувствуешь себя по сравнению с ней земляным червяком. А чтобы там, как простую девку, подойти да шутейно по заду хлопнуть —

это, как в икону плюнуть. Такая по улице идет — трава ей кланяется, ветер вольный с неё пылинки сдувает, листья под ноги ей ковром стелятся. Не знаю, я уже почти восемьдесят лет на свете живу, но краше её, милее, никого на свете не видел, хотя ей в то время уже 38 лет было. Одно слово — царица! Вошла она, значит, а я притворился, как будто сплю, затаился, и дышу через раз. А она не к кому-нибудь, а именно к моей кровати подходит, слышу, только каблучки стучат: тук, тук, тук. Встала она возле моей кровати и молчит, а у меня сердце от волнения молотит — одеяло волнами ходит:

— Стёпа, полноте, притворяться спящим, я же прекрасно вижу, как у вас дергаются ресницы. Или вы не рады меня видеть?

— Рад, конечно! Извините, задремал малость.

Положила она мне руку на лоб, а с меня пот льёт ручьями. Рука у неё холодная, ласковая, а у меня под одеялом пистолет лежит уже передернутый и палец на спусковом крючке.

— Что-то вы мне не нравитесь. Дайте-ка вашу правую руку, я пульс пощупаю!

Положил я пистолет на грудь и протянул ей руку. Та палец положила на запястье и как будто считает, а потом, как резко откинет с меня одеяло — все, поймала с поличным!

— Значит, стреляться надумал?! Ошиблась я в тебе, Стёпа, я-то думала, ты настоящий мужик — сильный, волевой и из плена убежал со сломанными ногами, и гангрене не сдался. Я же тебе, подлецу, четыре раза кости чистила! Катетеры ставила! Вскрывала и зашивала заново! А ты знаешь, сколько за это время солдат умерло, которые по-настоящему жить хотели, а я с тобой возилась?! Стреляйся, Стёпа, стреляйся, я тебе мешать не стану, сделаю вид, что ничего не видела. Только хочу, чтобы ты напоследок знал, что так только грянет твой выстрел, такого врача, как Зинаида Аркадьева Снежинская, больше не будет — это я тебе торжественно обещаю.

— Как же так?!

— А какой смысл в моей работе, если мои пациенты, после этого стреляются?

— Зинаида Аркадьева, родненькая, да войдите же вы в моё положение, как же мне жить-то без ног?! Петь возле церкви Лазаря? Кому я нужен? Матери только лишняя обуза — горшки за мной выносить. Да за меня, за такого, замуж не пойдет

ни рьяная, ни кривая, ни горбатая, старухи немощные — и те станут морды воротить, — я так ей говорю, а у самого слёзы по щекам катятся.

Та засмеялась, присела ко мне на кровать, бинтик из кармана халатика достала, и слезы мне утирает:

— Вот, оказывается, Стёпа, в чем дело, боишься, что девушки тебя любить не будут безногого? Так женщины любят мужчин не за руки или ноги и даже не за синие глаза и русые кудри (а у меня в то время волосы уже отросли и стали виться крупными такими кольцами), а любят за удаль, за смелость, за силу духа. Да и почём ты знаешь, вдруг тебя уже полюбили? Ты же у нас герой!

— Да кто ж это меня полюбил-то?

Та улыбается, а глаза у самой сияют, как море в солнечную погоду, и столько в них и тепла, и света, и нежности, и мощи:

— А ты сам догадайся, — сама же ласково, так по голове меня гладит, кудряшки на висках пальчиками теревит. — Или я для тебя уже стара?! — улыбается хитро так, лукаво... Ох, бабы — бестии, знают, как нашего брата подцепить на удуду! И продолжает нежным таким голосом: — Сама знаю, что стара — тебе-то ещё и двадцати нет, а мне без малого сорок — бабка! Так ведь сердцу не прикажешь — полюбился ты мне.

— Зинаида Аркадьева, это вы мне шутейно говорите, чтобы я стреляться передумал?

— Ну, если тебе какое иное доказательство нужно, то милости прошу ко мне в гости, живу я тут же, на втором этаже, комнатка у нас с медсестрой Наташей, только для начала коляску освой — я тебя, Стёпа, на себе не донесу...

Вынула она обойму из пистолета, передернула его, патрон с пола подобрала и в обойму назад вставила, предохранителем щёлкнула — словом, спец:

— Говори, куда мне это «хозяйство» вернуть?

— Пистолет под подушку, а обойму в планшетку в тумбочку. Только вы, Зинаида Аркадьева, капитану Разбрееву про это не рассказывайте и не ругайте его, а то мы с ним через это раздружимся.

— Успокойся, Стёпа, я — могила! Ты только больше не дури, дружок, хорошо?

Поцеловала она меня в щеку и вроде бы как даже губы краешком зацепила, руку мне пожала и вышла. Вновь каблучки: тук-тук-тук!

Вот веришь, братец ты мой, ко мне как будто в палату не врач зашел, а сам Господь Бог с неба спустился и сказал: «Нет у тебя, Степа, ног — вот тебе вместо них крылья — летай, сукин ты сын, и не гневи меня более!»

Я эту коляску-каталку на подшипниках за один день освоил, вплоть до фигурного вождения, на руках скакал, как обезьяна, как пойду с дужки на дужку прыгать — иной и на ногах так не пробежит. Перезнакомился со всеми: и с завхозом Кириллычем и с истопником татаринком — Дамиром, заказал им достать материал на новую, первую в моей жизни персональную каталку. Сам лично её собрал. Конечно, не ахти получилось — первый блин вечно комом, но все одно, с казённой не сравнить. Главное — своя, вольная!

Нечасто я гостил у своей голубушки, да и жалел её — умаивалась она, бедненькая. Бывало, чай, на стол ставит, спиртик в колбочке, а сама носом клюет. Ей бы, сердешной, отоспаться бы недельку, а тут я со своей любовью. Редко какую ночь её не вызовут на операцию. Эх, жизнь!

Помню, целоваться меня учила. Я-то, кроме как морды бить, вообще, ничего не умел, а что касалось баб, знал о них только по солдатским рассказам. Ладно, что было промеж нами, то и было — это не для посторонних глаз и ушей. Тебе эти подробности ни к чему и мне они чести не делают. Только я тут сразу на поправку пошел. Чёрт, его знает, откуда во мне столько энергии взялось: и с Кириллычем табуретки чинил, рамы помогал ему вязать, с Дамиром — печки топил.

Госпиталь наш располагался в бывшем пионерском лагере, а до революции это была графская усадьба — двухэтажный дом с колоннами, беседки в парке, липовая аллея, пруд — красивые места. Ну не без коммунистического вмешательства: амурам в беседках носы поотшибали, мраморных львов на входе заменили пионерами с дудками, всяких там гераклов зачем-то в пруд побросали. Я это к чему рассказываю о пионерском лагере? Нашёл я у завхоза стамески для фигурной вырезки по дереву, видно, был тут какой-то кружок. Я, помню, и сам в детстве с удовольствием резал, особенно по липе — хорошее дерево, как пластилин мягкое. А у меня давно такая мысль была: надо что-нибудь моей голубке на память подарить, а тут и случай подвернулся — набор стамесок. Правда, там кое-чего

не хватало, так я старые скальпели заточил на свой лад. А у меня такой характер: если что мне в башку втемяшится — я кровью изойду, поносом, но сделаю! И Шурка у меня, курва, такая же! Иной раз доведёт меня до белого каления. Я в неё чем только не бросал — и топорами, и молотками — дохлый номер, вот хоть убей её, на своём стоять будет.

При упоминании о дочери Антоныч приподнял голову и осмотрелся по сторонам:

— Слушай, приподнимись, спрячься за китайкой и выгляни из-за кустов, как бы и впрямь вражина не объявилась — обгадит нам всю малину. Да куда ты, как слон, встаешь во весь рост прямо с открытого места?! Нырни под крону, где каталка стоит — вот оттуда и смотри, да повнимательней. Чёрта помянешь — он и явится. Нету? Наверно, пошла корову встречать. Эх, мне бы внучка! Я бы его, голубчика, всему обучил. Так бы, думается, и занимался бы с ним целыми днями, как курушка с цыпленком. Нет, чёртов пустоцвет, как заладит: «От кого тут рожать?». Да по мне хоть от кого-нибудь бы родила, хоть от пастуха, хоть от тракториста, хоть от председателя колхоза — такой же дурак, только с образованием! Алан Делон сюда дерьмо месить не приедет. Теперь-то всё — поезд ушел, считай, что сгинул весь род Просвириных! Эх, жизнь! — тяжело вздохнул Антоныч. — Садись, давай ещё по щепоточке выпьем, чтобы складней сказка сказывалась.

Мы выпили. Старик долго молчал и, как кролик, грыз передними зубами мелко и часто зеленое перо лука, отламывая от куска хлеба мякиш. Выкурил одну папиросу и прикурил от неё другую. Чувствовалось, что он настраивает свою душу на продолжение рассказа, как гитарист гитару, осторожно теребя струны памяти и зажимая их на разных ладах. И вот душа зазвучала, не дребезжа, не фальшивя, и неспешно и тихо, как воды могучей реки, вновь потек его печальный рассказ.

— Справил я своей любимой шкатулочку в форме старинного сундучка, без единого гвоздя — на шипах, на запилах. Вырезал на ней спереди с боков Красную площадь, а сзади ВДНХ с фонтаном. Короче, какие картинки нашел, то и вырезал. Морилки не достал, йодом зачернил. Зато петли потайные придумал и хитрый такой замочек-защелку: на часы Спасской башни на-

жимаешь, шкатулочка сама и открывается, пружинка кверху крышку отбрасывает. Вот спроси, кто меня этому учил? Никто! Любовь! Да ночи бессонные. Добрые люди спят, а я до утра разные механизмы придумываю и гадаю, где мне проволоку найти калёную для пружины. Сделал, подарил! Ох, она и рада была, голубка моя! Серёжки свои, колечки, при мне складывать начала в мою шкатулочку. А что я мог ей ещё дать? Иным солдатам, хоть какие-то гроши платили, а меня, как в плен попал, сняли с денежного довольствия, так потом и не поставили.

Между тем, пока я телом креп и душой воскресал, копали под меня злыдни — даже не могилу, а противотанковый ров, и его, братец ты мой, не переползти было, не перепрыгнуть.

Я и знать-то ничего не знал — уже завхоза замещать стал, помогать ему по хозяйству. Как-то раз и говорит мне Зинаида Аркадьевна:

— Напрасно ты, Стёпа, развел такую бурную деятельность, тут по поводу тебя уже не раз интересовался Особый отдел. Сначала я написала, что в крайне тяжелом состоянии, потом в состоянии средней тяжести, а что теперь им писать — поверь, не знаю. Ты же у всех на виду! От смерти я тебя спасла, но как спасти мне тебя от трибунала, если ты ведёшь себя, как пионер на каникулах?

Ах, вот оно что, голубка ты моя?! Ну, всю жизнь под бабьей юбкой не просидишь — пиши, верно, как есть! Наше дело правое!

Дня через три пришел ко мне старлей из НКВД. Ну, может, года на три меня постарше: форма новая, португепя скрипит на ремнях, хромовые сапоги дегтем пахнут — свадебный генерал, и только.

— Вы, такой-то, такой-то?

— Я!

— Нам нужно с вами побеседовать!

— Ради бога! Я за собой никакой вины не чувствую!

Положил он на колени планшетку, форму протокола на ней разгладил, покрутил об наждачку карандашик, жало на нем навел и стал писать.

Как всё было я ему, как на духу рассказываю, а он пишет и ухмыляется:

— Значит, не помните, как в плен попали? Интересно! И как деревня называлась, в которой вас содержали, тоже не помните? Удиви-

тельно! А как ваших однополчан звали? Вячеслав Лазарев и Дмитрий Полежаев — очень интересно! А бежали вы в бочке из-под нечистот? Надо же! А немцы даже не рюхнулись? И документы они ваши не изымали? Бывает же такое! А все говорят, педантичная нация! А потом оврагом, полями, лесами, а дальше провал памяти! Да, видно, у немцев дела обстоят очень плохо! А потом вас старик нашел, на лошади, запряжённой в телегу? Удивительная легенда! И где парашют спрятали, тоже не помните?!

— Какой парашют?!

— Обыкновенный! На котором вас немцы к нам в тыл забросили, под видом солдата Степана Просвинова! Да приземлились вы неудачно — ноги себе переломали! Вы, что нас за дурачков держите?! Погибли в том бою и Вячеслав Родионович Лазарев, и Дмитрий Николаевич Полежаев, и Степан Антоныч Просвинов, а документы их попали к немцам. Вот оттуда и такая нелепая легенда! Что, и дальше будем в кошки-мышки играть?!

Я и не знаю, что сказать. Впору и самому поверить, что меня немцы на парашюте сбросили. Так к стенке припёр, и крыть нечем.

А капитан Разбреев рядом на койке лежал и какой-то журнал листал, и в наш разговор не вмешивался, но как он услышал, куда это дело повернуть хотят, вскочил он с кровати, скулы ходуном заходили, глаза ястребиные кровью налились, как взвился он над ним:

— Прекрати, сукин ты сын, издеваться над солдатом! Ты — крыса тыловая, сидишь тут в пятистах верстах от фронта и рассуждаешь о том, как там могло быть?! Я тебя, суку, в порошок за это сотру! Ты хоть, идиот, у врачей поинтересуйся, какие переломы бывают от падения с большой высоты, а какие от того, что телега по ногам проехала?! Может, и жить мне осталось немного, но побываешь ты у меня лично на передовой, для этого я все свои связи использую.

Тот, вроде бы, поначалу тоже в амбицию.

А капитан, как рывкнет:

— Молчать! Встать! Когда с тобой старший по званию разговаривает, к тому же — Герой Советского Союза! Как фамилия?! Не слышу! Четко говори, по буквам!

Старлей, как услышал про героя, так и подпустил в штаны! Капитанов-то до хрена, а героев — мало! Фамилию назвал — хохляцкая какая-то.

А Разбреев перед ним, как сокол перед индюком. Последний, может, и важен телом, а первый, хоть и невелика птица ростом, а лебедя на лету бьёт, знает, куда клюнуть, за что прихватить.

— Скажи мне, старлей, ты веришь, что я тебя на фронт на передовую отправлю? А там ваш брат живёт до первой атаки и погибает чаще всего от пули в спину. Или нет?

Тот, как телок:

— Верю.

— Тогда собирай свои бумажки и иди на х... отсюда!

Энкаведешник ушел как оплётанный, достал капитан из-под матраса фляжку из нержавейки со спиртом:

— Давай, Стёпа, выпьем! Серьёзная каша вокруг тебя варится. Они под июльский 227-й приказ сейчас всех гребут. Словно работают, суки, денежно-премиально: чем больше посадят, тем больше получают.

— Так я ведь в плен попал в июне, не было ещё тогда такого приказа!

— Это, может, тебе и поможет! И вот ещё прими мой совет: воздержись от визитов к Снежинской, а то они и её сожрут вместе с тобой. Тут, Стёпа, тоже стукачей хватает. Тебе бы защитника хорошего, в смысле, заступника, да где его взять? Я слаб и к тому же пьяница! Не знают врачи, чем меня лечить — только спиртом и спасаюсь. Лёгкие алкоголь любят... в данном случае, лёгкое! Выпью, хоть дышу нормально.

Ай да, капитан! Как я о своей голубушке-то, не подумал?! Я-то ладно, про меня собаки брехали — и те перестали, пропащая моя жизнь, а вот её-то через меня эти суки срубят под самый корень!

Напились мы в тот день с капитаном, как зюзи! У него, оказывается, у Кириллыча целая канистра спирта была спрятана — ребята из эскадрильи подогнали. Сели в каптёрке у Кириллыча: пьём, песни поём, плачем. Была у капитана песня любимая — «Выхожу один я на дорогу». Я тоже в школе Лермонтова учил, слова вспомнил, подпеваю, а как дойдём до слов: «Надо мной, чтоб вечно зеленея, темный дуб качался и шумел», в слёзы и он, и я, и Кириллыч.

У Зинаиды Аркадьевны я за последний месяц был лишь раза три и то, ночью, как вор, на руках на второй этаж поднимался. Ляжешь пузом на

перила и пошел себя тянуть вверх, а там ползком, а в её комнатку дверь уже приоткрыта. Только той радости уже не было. Я за неё боюсь, она за меня обмирает. Обнимемся, поцелуемся и сидим, молчим — каждый о своём!

Осудили меня без меня — дали десять лет поселения, назначили день, когда с вещами на выход. Помню, как раз после «октябрьских» праздников. День был пасмурный, серый, тучи на метель тянуло. Все кругом уже снегом замело, липы вековые стоят стройные и грустные. Приехал за мной мужик на санях, а с ним конвоир с трехлинейкой. Весь госпиталь меня провожать вышел: и врачи, и медсестры, и ходячие больные. Насобирали всего, мама моя дорогая! — Антоныч перекрестился в сторону кладбища. — Царство тебе небесное, но и ты бы меня лучше не собрала. Да и где бы ты чего взяла: три пары нижнего белья, две новые гимнастерки, одну на себя надел, бритв одних, наверное, штук пять, две из них трофейных «Золенген» (одной и по сей день бреюсь), а уже вещмешок собрали неподъемный, с разными там консервами и тушёнками. Я им, говорю:

— Братцы мои родненькие, куда мне столько?! Будь я с ногами, ещё донёс бы как-нибудь, а так — кто за меня этот багаж носить станет? Отберите назад хоть половину!

А народ и слушать ничего не хочет:

— Вези! Мир не без добрых людей, поможет кто-нибудь, дорога дальняя — все сгодится.

Вышел капитан Разбреев с Кириллычем. Кириллыч несёт тулуп. Капитан и говорит:

— Хотели мы тебе, Стёпа, офицерский полшубок подарить, да ведь его всё равно вохровцы-шакалы у тебя отберут. Нашли обычный крестьянский извозничий тулуп. Он, правда, чёрт его знает, какого размера и роста, им целый взвод укрыться может, зато завернёшься ты в него — и будешь ехать в теплушке, как барин, — смеётся, а сам мне свою фляжку со спиртом за пазуху суёт. — Бери, бери! Я себе ещё достану! Вот ещё возьми пакет, в нём бумага, карандаши, черкнёшь мне весточку. Адрес свой я написал на тетрадке... — массивный такой пакет, из оберточной бумаги сделанный, шпагатной бечёвкой крест-накрест перекрученный.

Вышла и моя голубка! Обняла меня за плечи и тоже суёт пакет:

— Это, Стёпа, я тебе справила овчинные рукавицы, береги свои руки, они у тебя золотые!

Чмокнула меня в щёчку, заплакала и убежала. Видно, неумоготу ей это прощание было. Да мы с ней и так всю ночь до самого утра прощались. Я ей говорю, вот вернусь из ссылки — выходи за меня замуж — до гробовой доски тебя любить буду. Та улыбается:

— Стёпа, когда ты вернешься, я уже стану старухой. Тебе нужна молодая девушка, чистая, нежная, способная рожать.

Я ей опять про своё.

— Ладно, Стёпа, время покажет, ты только обещаю мне вернуться живым! Я знаю, ты вернешься, ты сильный! Ты, Стёпа, настоящий!

Поклонился я народу, хотел, было, речь сказать, да слёзы меня задушили. Только и сказал: «Спасибо, вам, люди добрые!» — по загорелым щекам Антоныча покатались две крупные слезы, подбородок его дробно затрясся и голос дрогнул. — Что за люди были?! Последним со мной поделились. Золото, а не люди! Я, как про это вспомню, всегда плачу, словно, что-то в душе у меня оттаивает.

Подняли меня под руки, посадили в сани, в ноги поставили мою каталку. Тронула каурая лошаденка, ёкнула селезёнкой — и покатали санки по графскому парку, завихляли по льду...

И началась у меня другая жизнь...

ГЛАВА 3

Антоныч вновь сделал театральную паузу и принялся разминать пальцами беломорину, потом дунул в папиросную гильзу и, лихо, заломив её как шляпу, закурил. Жара усиливалась. Чудилось, что вызревшая трава под палящими лучами солнца теперь не шуршала от дуновения ветерка, а звенела. Летний звенящий зной. Но все равно, в тени китайки было относительно свежо, даже летали редкие комары. Правда, они уже не кусались, видно, им было уже не до жиру, быть бы живым.

— Вот что сейчас за гадость делают — папиросы?! Ни крепости в них нет, ни аромата! Опилки, суки, закатывают в бумагу! На пачку папирос коробок спичек тратишь. Вот то ли дело была ишимская махорка! Один кто-нибудь закурит, а сто человек уже слюни пускают. Один дух

с ума сводил. Как пыхнешь бывало — пробира-ла до самой задницы! Раньше все было лучше: и карамель вкуснее, и бабы моложе, — Антоныч вопросительно посмотрел на меня, оценю ли его шутку? Я засмеялся. Конечно, если сравнивать тогдашних женщин, даже девушек времен Великой Отечественной и сегодняшних ровесниц Антоныча, то «жизнь» и впрямь дала нездоровый крен: ссутулилась, обеззубела, обзавелась шаркающей походкой и хотя наполнилась житейской мудростью, но впала в старческий маразм. Продолжение своего рассказа он начал, было, улыбаясь, в шутливой форме:

— Раньше и срока давали, не скупясь: «червонец» был, нечто вроде внушения, постановки на вид, «четвертак» уже за определенные заслуги — анекдот нужно было какой рассказать про Сталина или частушку спеть. А мне дали десять лет даже не лагерей, а поселения — подарок судьбы, будто по заднице крапивой стеганули. Спасибо, видно, капитану Разбредеву — не пришили диверсанта!

Наверное, недели две мы на пересылке сидели, прямо при станции, на каком-то железнодорожном складе: солдаты-инвалиды, вроде меня, кто без руки, кто без ноги, попавшие в плен. Гражданский люд, те, что в оккупированных немцами районах трудились на врага дюже рьяно. А что им делать-то оставалось, если наши при отступлении бросили на произвол судьбы стариков со старухами и баб с детишками? Попы, коих ещё не успели за можай загнать, староверы. Короче, «веселая» у нас компашка собралась — человек двести: и мужики, и бабы. Вот так и сидели, бабы в одном углу, мужики в другом. Бетонный пол, каменные стены и две буржуйки, больше для отчетности, нежели чем для тепла. Разве ими такую площадь протопишь, чуть ли не с гектар? Обзавелся я сразу дружками-приятелями, ну и те помогли мне и с тушенкой, и с консервами, — Антоныч криво, как-то зло улыбнулся. — Мой вещмешок изрядно облегчился. Я-то добрый! Ешьте, люди, на здоровье, авось и вы меня чем-нибудь угостите! Ладно! Прицепили-таки наши две теплушки к паровозу — поехали! Проезжали в день, наверное, километров по пятьдесят, бывало, что сутками стояли в каком-нибудь тупике. Что поделаешь — война! С востока день и ночь шли спецэшелоны: танки, пушки, самоходки...

А мы-то кто? Человеческий мусор, непотребный элемент! Ну и кормили нас соответствующе нашему званию: сечка-кирза на воде сваренная, да, мне думается, никто её и не варил-то, а так заливали кипятком прямо из паровоза, уж дюже она шлаком угольным воняла, одна ржавая се-ледка на день и полбуханки хлеба, как будто из грязи испеченного: черный, как деготь, тя-желый. Охранять-то нас особенно не охраняли, мы же не зеки-уголовники: беги, если хочешь! Дали «десять поселения», а получишь «четвер-так» лагерей, а то и вовсе к стенке приставят. Да и куда ты побежишь без документов? Кругом патруль! Конвой у нас был милосердный: и по нужде отпускал, и за кипятком. Видят, что па-ровоз отцепили — пускали народ ноги размять, у кого они есть. Ни один не убежал! Крестьяне местные на станциях приторговывали всякой всячиной: огурцами солеными, капустой, салом, картошкой, пирожками с гороховой начинкой. А что делать-то? В колхозах тогда и вовсе денег не видели, за «палочки» люди работали. Эх, жизнь!

Гляжу, друзья мои, приятели, видят, что у меня продукты кончились, как-то потихоньку от меня отбились, разбились на группировки по два по три человека, разбрелись по углам, раскрыли свои баулы и сидят, жрут потихоньку. И консервы у них откуда-то появились, и сухари, у бабок на станциях картошку вареную в мунди-ре покупают. А мне хоть бы какая-нибудь падла сказала: « Степа, иди, поешь с нами, ты же нас кормил всех!». Ладно, гниды, спасибо за науку, впредь умнее буду!

Один только Немой от меня не отходит. Он, правда, из моего запаса ничего и не ел. Звали его Яков, а у нас все — Немой, Немой! Он из староверов был — кузнец, и в какой-то там пре-стольный праздник работать отказался, вот его и определили на поселение: набраться ума-раз-ума и укрепиться в вере. Мужик был — я су-против его — червяк! Под два метра ростом, в плечах косая сажень, кулак размером с пив-ную кружку, а страшен — боже избавь такому ночью присниться: бородища по грудь, сам весь черный, как цыган. Морда что ни на есть самая разбойничья, а смирен был, как теленок. Ещё когда на пересылке, было, два мужика драку за-теяли, так он взял их обоих за шивороты, одного в одну руку, другого в другую, поднял на вытя-

нутые руки и по углам раскидал, как котят! Он так ни «бе» ни «ме» сказать не мог, а вот «Туля», значит, «Туля» хорошо выговаривал. Это он так меня звал! А ещё называл меня: «Па!», что значит « Степа»! Если я чего-нибудь хорошо сделаю, то показывал мне большой палец: «Туля! Во!», дескать, молодец! Слышать-то он не слышал, а по губам хорошо понимал. Вот он меня угощал, то кусок лепешки отломит, то рыбку даст вяленую, то горсть орехов — мясо-то он вообще не ел.

Провел я ревизию в своем мешочке, осталось у меня две банки тушенки на самый черный день — и все, дальше одно барахло. А тут картошку вареную продают, прежние дружки мои, уже затарились, сидят по углам, жуют. А у меня денег, хоть бы одна копейка, где завалилась.

— Яков, — говорю, — давай чего-нибудь из моих вещей загоним. На хрена мне три пары нижнего белья, если я ни сегодня-завтра сдохну от этой «кирзы»! Голодуем мы, братец ты мой!

Стал я свои тряпки перебирать, глядь, рукавички её, моей голубушки. «Вот, — думаю, — дурень! Человек старался, покупал их, а я даже не примерил! Сунул руку в одну, как по мне сшиты, сунул во вторую, что, за черт, что-то зашуршало и вся рукавица чем-то забита. Я так отвернулся от всех и потихонечку тяну руку-то из рукавицы на свет, может, думаю, письмецо какое! Какое там письмо?! Целая пачка денег резиночкой от женских волос перевязана! Она видно, спасительница моя, все, что у неё самой было, мне в рукавичку положила и отдала её в самый последний момент, чтобы я не обнаружил. Я бы нипочем не взял! Ну а теперь чего уж, назад уже не воротишь. Ладно!

Сам я на свою каталку прыгнул, подъезжаю к дверям, подозвал к себе торговку. Вот цены были! Двадцать рублей стоила одна картошка средней величины, тридцать рублей огурец соленый, двести пятьдесят буханка пшеничного хлеба, а килограмм мяса стоил — пятьсот рублей. Сало, правда, немного подешевле, за триста пятьдесят можно было сторговаться, — Антоныч засмеялся. — А колхозник за трудодни зарабатывал десять тысяч... в год. На двадцать килограмм мяса. Ох, а я тогда злой был на этих сук, что меня от своей компании отшили! Купил себе и сала, и картошки, и огурцов, и ещё бутылку свекольной самогонки.

Сели мы с Яковым, сидим пируем: немой картошку с огурцами трескает, а я самогонкой с салом угощаюсь. А самогонка противная, тухлая и не выговорить как! Глоток сделаешь — все нутро переворачивает! Видно, гнали, суки, на продажу не пойми из чего, и настаивали для крепости на курьяке. Но я виду не подаю! Ножичек у меня был, из полотна для пилки по металлу, вроде перочинного — острый как бритва! Я себе кусочек салыца отрезаю, тоньше газетного листа, на корочку хлеба его, из бутылочки глоток сделаю, причмокну, дескать, вкусно, спасу нет. Сижу, на морде умиление изображаю — барствую. Так дразню, я этих крыс. Они мне: «Степа, откуда же у тебя деньги-то взялись?!» А я уже пьяный в дымину! Что ты хочешь с голодухи-то? Говорю: «Гадаю. Бабка у меня была ведьма, и мне кое-чего от неё передалось. Вот погадал одной бабе, рассказал ей, кто её сынки, и на каких фронтах воюют — и все в «десятку». Вот она меня и угостила и салом, и самогонкой! Хотите, и вам погадаю, кто из вас домой воротится, а кого, как крысу, ещё на этапе зарежут? Позолотите ручку — все поведаю!» Да, если бы не немой Яков меня бы ещё тогда с поезда бы выкинули! Забижал я народ сильно. Так ведь они меня, суки, первые обидели! Я человек незлопамятный, но спуску никому не дам. Я люблю справедливость! «Правильно, — говорю, — что вас, крыс таких, на севера гонят. Нечего вам промеж честных людей делать!» Они мне: «И тебя тоже правильно?!» И меня тоже правильно. Не убил того немца шестеренкой — подлец я! Этот немец, может, теперь три деревни русских сожжет с детьми и с бабами? Моя вина! Я тому попустительствовал!

Антоныч замолчал, а я вдруг воочию увидел и этот «телячий» вагон, и голодную толпу несчастного народа. И сквозь аромат звенящего летнего зноя услышал запах немых тел и терпкий, липкий, как грязь, гнетущий дух неволи. Явственно представились мне и тупики, и перегоны, и запорошенные снегом сортировочные станции, и паровозные гудки, и спецэшелоны с танками, летящие на Запад. Нищая, голодная и озлобленная Россия! Вот она, как потревоженный рогатиной озлобленный медведь, встала на дыбы, налились её озерные голубые глаза кровью, приподнялась во всю свою исполинскую мощь,

и пошла крушить и своих и чужих, и правых и виноватых, и не было во всем мире силы способной противостоять ей!

Антоныч будто понял мое настроение:

— Вот на хрена меня было ссылать?! Дайте мне пулемет и несколько ящиков с патронами и пистолет с одним, чтобы потом самому застрелиться. Я бы любую переправу прикрыл! Меня как смертника и приковывать не надо: куда я без ног убегу?! Видел церковь в Стоянове? Говорят, на колокольне и по сей день скоба в стенке осталась — немцы своего смертника оставили. Шнапса ему, пулемет и патроны! Наши, когда наступали на деревню — он всё поле ими «засадил»! Вот и меня могли бы также. Ох, понавлял бы я сук! Всё бы припомнил гадам: и руки оторванные, и ноги отрезанные! Мою жизнь за щепоткой водки вот так не расскажешь! Если её прописать, да кино по ней снять — люди бы в десять ручьев рыдали. Наш народ любит истории жалостливые:

«По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла.
Ах, зачем я на свет появился?
Ах, зачем меня мать родила?» —

в полголоса запел Антоныч и засмеялся. — А ещё у нас на поселении бабы пели под сырец вот такую песню, про гулящую бабенку:

«Пускай твоя жена конфеты кушает,
Бока широкие себе растит.
Быть может, Бог один меня послушает,
Быть может, Бог один меня простит».

— Эх, жизнь! Яков хороший был мужик, но вот шуток он не понимал: я самогонку пью, матерюсь, а он уши затыкает, сначала себе на глаза, а потом в вагоне на потолок показывает, дескать, Бог всё видит. А я ему на эшелоны с танками показываю — вот наш бог — Сталин! Теперь немцам так влупят, что задница по шву разойдется, до самого Берлина будут лететь и радоваться! Немой указательные пальцы ко лбу приставит и мычит: «Нет, это дьявол!». «А Гитлер тогда кто ж?!» — спрашиваю. «Тоже, — отвечает, — дьявол! Это они промеж себя сговорились, чтобы больше народа погубить». Иной раз так разозлю его, что он зубами скрипит, аж искры летят, и рад бы придушить меня, как котенка,

да вера не позволяет. Один раз... — Антоныч тряхнул головой и засмеялся, как-то по-детски, весело и задорно:

— Читал рассказ «Муму»? Так вот и мой Яков тоже себе где-то кобелька нашел на станции. Я его за продуктами послал, а он мне песика за пазухой несет! Хороший, кобелек был, чуть побольше кошки, ушки торчат, на ушах даже что-то вроде кисточек, мордочка острая, как у лисы. А умен был! Все команды знал: и лежать, и сидеть, и ползи, через голову сальто делал. И окрас у него был необыкновенный. Сам рыжий, уши черные, а на лапках белые чулочки. Сразу видно, что кобелек-то был непростой, а благородных кровей, то ли от цирка от какого отбился, то ли на этапе от семьи некогда зажиточной отстал, или сами ссыльные бросили на милость добрых людей. И бросишь, коли самому жрать нечего. Всю дорогу я с этой собачонкой игрался и немного донимал. Бывало, сядем есть, а песик тут как тут около нас вертится. Немой мне показывает, дескать, обмокни ему корочку хлеба в тушеночный жир и дай песику, а я рожу суровую скрою: «Как бы не так! Сами живем, как собаки, не сегодня-завтра друг друга грызть начнем за кусок чернухи. Вот начнутся леса непролазные, я его выброшу из вагона. Пусть идет на охоту: он будет на мышей охотиться, а лисы и волки на него».

У него от этих слов аж слезы на глазах: «Нет, — мычит, — отдай ему мою долю. Лучше я есть не буду! Нельзя божью тварь обижать, — и показывает мне на песика и на небо. Тут я «оттаю» сменяю гнев на милость, поцелую песика в нос и положу ему в сечку целых пол-ложки тушенки. Яков мой от счастья светится: «Во! — показывает мне большой палец, — Во! Туля!»

Нескоро сказка сказывается, а быстро деньги кончаются. Пошли «севера» за окном, края, войной нетронутые, и дома крепкие, и баньки рубленные по берегам речек, и с харчем стало повольнее: хлебушек белый на станциях у торговков появился, рыбка вяленая, да копченая, а денежек-то — тютю.

Задумал я своей голубке письмишко написать, вспомнил про пакет капитана Разбреева. Достал его, вскрыл и чуть в обморок не упал, а там, братец ты мой, две ученические тетрадки в косую линейку, три карандаша и четыре пачки денег: прямо в банковской упаковке четвертаками —

десять тысяч! Вот люди какие были?! — Антоныч всхлипнул и зашмыгал носом. — Скажи, кто я ему и кто он мне, чтобы так в дорогу снарядить? Может, ему эти деньги за геройство дали или на лечение, не знаю, а он их мне отдал, чувствовал, верно, что долго не протянет! Эх, братец ты мой, я за свою жизнь столько человеческой подлости повидал, что иной раз мне думается, что гаже и подлее человека нет в природе твари-то. А вот вспомню госпиталь: капитана Разбреева, Зинаиду Аркадьевну, Кириллыча — и вроде бы как солнце из-за туч выглядывает — вот Люди, так это из всех людей — Люди, над всеми людьми — Люди! Вот с кого пример-то надо брать, у кого человечности учиться! Написал я в тот день им обоим письма, писал и слезами от благодарности заливался. Пошел Яков на какой-то станции за продуктами и опустил их в ящик. Ни ответа, ни привета. Ем, сплю, с кобельком играюсь...

ГЛАВА 4

Антоныч достал из «холодильника» бутылку, смахнул с неё налипшую землю, и, было, взялся разливать свои традиционные «щепотки», но заметил в стакане саранчу. Вытряхнув саранчу на землю, он принялся за ней наблюдать. Насекомое стояло на передних лапах, выпятив зад, покачиваясь из стороны в сторону. Старик ткнул её пальцем в бок, и саранча завалилась на бок, глупо заперебирала всеми лапками, пытаясь встать. Насилу ей это удалось. Антоныч удивился:

— И скажи ты, всякая тварь на земле водочку любит! Ишь, как наклюкалась! Ноги не держат. Стоит, сучка, только сил и хватает, что усами шевелить, да челюстями своими лошадиными. Гляди, как зад-то приподняла! Кыш отсюда, пропастина! — Антоныч дал ей щелчок под приподнятый зад, и пьяная саранча улетела в траву. — Ничего, к вечеру оклемается, если только какой-нибудь воробей ею не закусит. Воробьи, небось, тоже уважают саранчу, на сибирской водке настоящую — тут тебе и выпивка, и закусон, все сразу.

Мы выпили. Я принялся чистить яйцо, а Антоныч, стал на маленькие квадратики резать сало.

— Вот вернее всего салом подавиться, особенно беззубому! Тут с салом никакое другое мясо не сравнится, кусок непрожеванный сам, как на

санках, по горлу катится — дыхнул ненароком и точно в легких будет. Эх, братец ты мой, тебе рассказать бы, как я сам себе операцию делал — рвал по зиме коренной зуб. Вот смеху-то! И смех и грех! На дворе Новый год, народ пьянствует, гуляет, «Голубой огонек» смотрит, а у меня скулу так разнесло, что, думается, приехал бы кто-нибудь, да пристрелил бы меня, я бы ему за это только в ножки поклонился. Вот какая гадость эти зубы!

Мне на здоровье-то грех жаловаться. Думается, что если бы не пил да не курил бы, да не война проклятая, наверное, лет сто пятьдесят прожил. За всю жизнь ко мне ни одна хворь не привязалась. Ещё когда в школе учился, очень мне было обидно за свое здоровье. У того корь, у этого свинка, у третьего пневмония, у четвертого понос-свистун, а тут хоть что-нибудь, хоть бы температура, что ли, поднялась, грипп бы какой прицепился. Ничего! Иной раз один из всего класса в школу ходил, вот какой у меня иммунитет от природы. А тут зуб коренной одолел и не просто болит, со свету белого меня сволочь сживает. Наверное, трое суток кряду глаз сомкнуть не дал. На что у меня Шурка всяческие пьянки не одобряет, самогонку мне подносила гранеными стаканами, чтобы я хоть поспал часок-другой — бесполезно, даже первак не берет. «Надо, — говорит мне Шурка, — тебя в больницу везти». «Отвези, дочка милая, меня в больницу, только для начала найди во всей округе хоть одного трезвого шофера. Новый год на дворе, дура ты чертова! Ну, привезешь ты меня в Одоев, кто меня на горбу к врачу понесет? К тому же выходные дни! Сидит там, в поликлинике, врач дежурный, какой-нибудь терапевт, или, того хуже, гинеколог — и что он со мной станет делать? Ведь «там» зубов от века не было! Иди, верно, за Сашкой Цаплей — он поросят хорошо кастрирует и зуб как-нибудь мне вырвет. Только, говорю, ты ему про зуб не заикайся, а то не пойдет, скажи, что поросенок захворал»...

— Ты-то, Цаплю, знаешь — Александр Григорьевич Цаплин — мой одноклассник. С самого детства хотел быть ветеринаром. Просек сучок, что работа непыльная, а денежная, прибыльная — и вдохновился этой идеей. А вот учиться в школе не хотел, не давалась ему учеба, особенно химия, а без этой науки, кто ж тебя в техникум примет?

Вот он и ходил по пятам за колхозным ветеринаром Наумом Петровичем Гольцовым: покажи да расскажи! Тот на него матом: «Уйди... мать-перемать... от меня, мелочь пузатая! Выучу я тебя на свою голову, а ты станешь у меня халтуру отбивать. Как бы не так!». Наум Петрович чего-нибудь делает, а Сашка за ним из кустов наблюдает. Тот разозлится, поймает его одной рукой за шиворот, а другой за штаны, раскачает и закинет в самую густую крапиву. Цапля вылезет, почешется — и опять за ним. Потом где-то он себе ветеринарный инструмент раздобыл и стал деревенских котов кастрировать, надо же ему было на ком-то учиться. Вот хочешь верь, хочешь, нет — во всей деревне ни одного кота с яйцами не было, всех облегчил шельма! Кого рыбкой приманит, кого валерьянкой. И мой-то Барсик попал к нему на операцию. Ну, за своего кота я Цапле так клюв начистил, что он синий был, как чугун.

Ох, и задирист я был по молодости! Старшие братья — Иван с Кузьмой меня поначалу-то поколывали, а потом, как в силу вошёл, я им спуска не давал. Они, бывало, вдвоем соберутся, кое-как меня с грехом пополам отлупят, но и я им отметин понаставлю, будь здоров. Жил бы я в городе, меня бы в бокс нужно было отдать, уж дюже у меня мордобойный характер был. Сгинули в войну мои братики, царство им небесное, вечная память! Убили и Наума Петровича, а Цапля и без образования стал ветеринаром, на фронт его не взяли, какую-то болезнь нашли. Эх, жизнь!

В общем, привела Шурка Цаплю. Тот хоть и не пьяный, но с хорошей поправки: глазки блестят, на щеках румянец, а как мою скулу увидел и услышал, что я от него хочу — вмиг протрезвел. «Нет, — кричит, — тебе этот зуб и врач-то рвать не станет, смотри, как тебя разнесло, а это голова, а не поросычьи яйца — гной с кровью разнесет, и через два часа будешь под святыми лежать». Я ему так ласково говорю: «Саша, подойди ко мне, дай тебе на ушко пошепчу один секрет!» Он с дуру-то и подошел! Схватил я его за шею левой рукой, согнул в бараний рог, а правую уже занес над его спиной! «Дергай, — кричу, — суконец, мне зуб, а не заговаривай, или я тебе сейчас хребет перешибу с одного удара! Ты что не видишь, падла, что я с ума схожу от боли?!» Тот: «Ладно, ладно!» и вроде, как за сумкой своей пошел, а сам пальто в охапку и бежать на улицу,

даже шапку свою на столе забыл. Ускользнул, подлец! Вылетела сволочная Цапля из клетки! Ладно. Шурка-то тоже куда-то ушла, не стала смотреть, как меня оперировать будут. Что делать? Взял тогда я плоскогубцы с тонкими и загнутыми концами, налил полный стакан тройного одеколлона, опустил туда плоскогубцы, на стол положил зеркальце для бритья, посидел, покурил, выпил полстакана одеколлона вместо наркоза и стал тянуть зуб. Тяну, а у меня от боли все перед глазами плывет, того и гляди сознание потеряю. Надо, думаю, зуб сначала расшатать. Стал я его раскачивать и такой треск пошел, словно лед на речке в половодье ломается. Пошатаю, потяну опять — пошатаю, потяну. Как ливанула изо рта кровь вместе с гноем и рубаху мне залила и зеркало, не вижу ни хрена, да ещё челюсть верхняя, там и так-то ничего не разглядишь — боль дикая! А мне чем сильнее боль, тем я злее становлюсь, тем яростней рву этот проклятый зуб! Вырвал! Рот прополоскал из чайника водой и вдогонку ещё остаток одеколлона выпил.

Шурка прибежала, а я весь в крови: и морда, и борода, и шея, и грудь. Она думала, что я с горя зарезался, и давай причитать: «Папочка, мой родненький, что же ты наделал?!» «Ничего я не наделал — зуб себе вырвал! Не плачь, дура, а неси самогонки — надо дезинфекцию организма сделать! Лупанул я двухсотграммовый стакан самогона и заснул надвое суток, как в могилу провалился!

— Цапля-то потом за шапкой пришел? — спросил я, вспомнив маленького щупленького мужичка и впрямь похожего на одноименную птицу. С ним я часто сталкивался на рыбалке, любил он, как и я, всякие заповедные водоемы.

— С Цаплей мы уже через неделю опять заружились, раздавили бутылку мировой, песни поорали. Каких только ветеринаров в нашем колхозе не было, и с высшим образованием, и со средним техническим, а как у кого корова растелиться не может, все бегут за недоучкой Цаплей. Тот телогречку скинет, рукава рубахи засучит и пошел плод направлять. Руку в корову засовывает аж по самое плечо! До сердца, сука, скотине достает! А потом этой же рукой лезет с тобой здороваться. Тьфу! Вот тебе и Цапля! Попробуй, обойдись без него, песьего сына! Нашел, подлец, свою нишу в этой жизни!

Опасаясь, что и дальше разговор пойдет про Цаплю, про которого и без Антоныча я был слышан, я решил вернуть старика в русло нужного повествования, не злоупотребляя лирическими отступлениями:

— А на «севера» ты-то хоть доехал?

— Доехал?! Довезли, в лучшем виде в теплячем вагоне, со всем комфортом, как в СВ! Выехали мы в конце ноября, ну и к концу марта были на месте. «Железки» в то время до нашего места назначения ещё не проложили, потому, кто мог идти из ссыльных, гнали пешком, меня же, как барина, везли на подводе. Зековский поселок Потьма... или Потьмы, черт его разберет — кто так, кто этак скажет. Правый берег речки Инты — Коми ССР. Хуже, думается мне, и быть-то ничего на свете не может: кругом лагеря, в кого ни плюнь, все сиделые, крученые, верченые — волки, а не люди, а про меж этих волков шакалы шныряют, доедают тех, кого волки только прикусили. Я оттого и в ад-то не верю, что видел его на земле, видел, как за втоптаные в грязь окурки друг друга убивали.

Мы-то с Яковом почти все деньги капитана Разбреева ещё в пути спустили, остались какие-то копейки — и те я на хранение Немому отдал. А что их было беречь? Все одно или украдут или отберут. А что пропито, пое..но — в дело все произведено! Разлучили нас в поселке с Яковом: меня на пилораму, а его в кузню направили. Дали мне норму, как человеку с ограниченными трудовыми возможностями, сбивать в день по 15 ящиков для снарядов или по 10 для автоматов. Норма шуточная, для баб, к примеру, было — 25 ящиков, для мужиков — 50! Первые дня два я упирался с непривычки, а потом колотил я эти ящики за два часа и целый день дурака валял, то бабенке какой поможешь, а она тебе за это и бельишко постирает, и ужин принесет. Или мужикам кому-нибудь домовину колотил. Сам-то я был не выездной, так и жил на пилораме, в бытовке, как бездомный кобель. У других по субботам баня, а я куда на своей каталке поеду?! Так нагреешь себе воды в ведре на буржуйке: помыл муде и ребра кое-где — вот тебе и вся баня! Ладно! Я и на такую жизнь согласен: и начальство мной довольно, и бабы меня любят, мужики уважают, с куревом проблем нет, спиритиком нет-нет — балуюсь — что ещё надо острожнику?

Нет, примотался ко мне один урка по кличке Чирок — сживает меня, сука, со свету и все! Он-то свое отсидел уже — но куда ехать? В России война, народ нищий, там воровать нечего, а тут дальше «северов» все одно не сошлют. И много таких мразей по северным поселкам осело! Ходили, промышляли, где что плохо лежит, крали у своих же ребят, заключенных. Бывало, он появится из ниоткуда, бац, меня по затылку: «Привет, немецким говночистам!», кепку с головы собьет и бежать. А наши все: «Га-га-га!» Гляжу, наши, суки, глядя на него, тоже на меня стали крыситься, только что в глаза не скажут — немецкий говночист! Ладно бы, если бы меня так капитан Разбреев назвал — он герой, я от него бы и не то стерпел, не поморщился. Но когда тебя таким обидным прозвищем величает всякая шваль, которая даже и пороха-то никогда не нюхала — тут такие струны души в действие приходят, что все внутри тебя содрогается, как от землетрясения. Я сон потерял, покой, об одном только и думал, как бы мне с этим гадом поквитаться, Бога ночами молил, чтобы он свел нас когда-нибудь на узкой дорожке. И что ты думаешь, свел!

Был это июль месяц, только-только температура за «плюс» поползла, солнышко скудное землю пригрело, снег под деревьями таять начал. Меня в то время уже повысили до кладовщика. Обеденный перерыв, наши все ушли на солнышко греться, и я на своей каталке тоже выехал на улицу, но, не помню, что-то я забыл в своей «кондейке», или табак или спички, возвращаюсь, а Чирок мне уже навстречу идет из моей кладовой. В руках у него два кулька из наждачной бумаги свернуты, а в них он уже успел наложить гвозди, сверла, шурупы, в карманах петли, напильники — на базар сучок намылился, чтобы все это оптом сдать и пить чифирь с плюшками на какой-нибудь малине. Я ему: «Погоди-то, братец, а где твой “привет, немецким говночистам”»? Тот хотел, было, мимо молча прошмыгнуть, но у меня по воле случая оказался в каталке гвоздодер — половина лома, весом, наверное, килограмма три. Как дал я ему по одной ноге, чуть повыше колена, аккуратно в подворот урочных сапог, так кость с другой стороны выскочила, думается мне, что даже через брючину. Чирок на здоровой ноге через меня перепрыгнул, но

запнулся и упал, кульки все свои рассыпал и пополз к выходу. Я за ним! Каталка запнулась на чем-то... Падаю с каталки, ползком. Гвоздь один мне со стороны ладони попал, а конец с другой стороны выскочил — насквозь руку пробил. Я даже не замечаю, только бы не ушел, подлец! Настиг я его, перебил и вторую ногу. Правда, не так сильно, как первую — нога на твердой поверхности лежала, не получилось открытого перелома. А сам через него заполз вперед, развернулся к нему лицом и говорю: «Ну, что, мразь, теперь мы с тобой на равных: у меня ног нет и у тебя тоже, давай силами мериться?!» Тот было полез за ножом в голенище, я ему: «Учти, если ты нож сейчас предъявишь, я тебе ещё и все руки переломаю. Начну с мизинца, а закончу ключицей, и так каждую...» Ох, и расписал я его, братец ты мой, морда у него сделалась, как пасхальное яйцо — круглая и гладкая, похожая на зад павиана...

Антонич показал мне руки со сбитыми кентосами¹:

— Ни одного целого пальца не осталось, все изувечил об его морду. Хотел было на голову ему ещё и помойное ведро одеть, было у нас такое — бадья из-под солидола: в него сморкались и бабы свои «месячные отчеты» бросали, иная, какая культурная, бабенка, хоть в промасленную бумагу завернет эту «бухгалтерию», а большинство так швыряли, на всеобщее обозрение. Но тут прибежали на шум наши с пилорамы. Растащили нас по углам. Запрягли лошадь и отправили Чирка в больницу, дескать, бревна раскатились, ну и придавило его и поломало заодно. А у нас только перед этим был такой случай: бабенка одна свое приданное в бревнах ныкала, что-то там ненароком затронула, и раскатали её бревна, каждая в тонну весом, как кошку. Ни суда, ни следствия — прикопали, как собаку!

Вроде бы все нормально, шито-крыто, кто станет смерть такой мрази расследовать — всем от этого только одно облегчение, ан нет, стали наши промеж собой шушукаться, что решили блатные меня прирезать. Ладно бабы! Бывалые вояки, а хуже баб! Я им и говорю: «Мужики, и не стыдно вам?! Немцев не боялись, а какую-то урочную босоту испугались?! Да если бы у меня ноги

¹Кентос — ударная часть кулака (пястно — фаланговые суставы указательного и среднего пальцев).

бы были, нашел бы я себе пару товарищей и за одну ночь их бы всех вырезал, это же не вояки, у них только одни понты!» Молчат мои мужики, суки, как воды в рот набрали! Бригадир ко мне подходит: «Степа, прекрати бунтарские речи произносить, что, захотел 58-ю²?»

Ладно, молчу! Зарежут меня, значит, нарежут — меня смертью не испугаешь, не первый год с ней хороводы вожу. Неделя проходит, другая, все тихо! А потом как-то в обед заезжаю на своей каталке в кладовую, а у меня там «гости»: сам «авторитет» Писанный пожаловал, а с ним дружок метра под два ростом и виду самого что ни на есть душегубского...

ГЛАВА 5

Лицо Антоныча посуровело, желваки на скулах напряглись и задвигались, будто он вновь перед собой увидел авторитета Писанного и его напарника «самого, что ни на есть душегубского вида». Видимо, ему вновь пришлось пережить те неприятные минуты, когда его жизнь на тоненьком волоске повисла над черной пропастью смерти. Старик сплюнул и сказал:

— А наши-то гниды лагерные все как один попрятались. На всей пилораме ни единой души, кто, где схоронился, чтобы, значит, в случае чего в свидетели не идти. Ладно. Мне-то бежать некуда. Подъезжаю на каталке к ним. Вначале я думал, что Писанного так прозвали из-за его наколок — разрисован он был весь, как букварь, а оказалось, нет, ещё по молодости лет с него какой-то богомаз ангелов по церквям писал, уж дюже, говорят, он красив был и благороден ликом. Ему бы по поповской стезе идти, а видишь, какую себе планиду выбрал. В то время Писанному было уже лет за сорок: высокий, худой, бледный как смерть, глаза огнем горят, как у голодного волка, а кадык — острый, огромный, словно кость проглотил и она у него поперек глотки колом встала, ходуном ходит, как челнок в швейной машинке, и зубы все черные от чифирия.

²58-я статья включала в себя преступления против существовавшего государственного строя — «Контрреволюционные преступления». Положения 58-й статьи в целом не затрагивают простую бытовую жизнь человека, являясь перечнем особо тяжких преступлений. Единственное исключение — «ответственность родственников» (Статья 58-1в.)

Сел Писанный на ящик у меня в кладовке, на ногах у него белые валенки ручной работы, чувствуется, что тонкие да мягкие, я напротив него на каталке сижу. Я, еще когда к Писанному подъезжал, сзади себя один ящик, словно ненавроком, на проход выдвинул, чтобы амбал, что у меня за спиной остался, запнулся бы за него, а сам расстояние своей вытянутой руки прикинул — как раз до горла Писанного, даже с запахом. Хорошо. «Ну, — думаю, — хрен вам на нос, господа хорошие, урки, не дам я себя как барана зарезать! Как только нутром почувствую, что дело мое табак, так коброй метнусь, вцеплюсь пальцами в кадык и вырву его со всеми потрохами, с трахеей и со всей прочей гадостью, какая только есть в его гнилом организме. Амбал, конечно, мне в спину ножа пустит, но, может, впопыхах споткнется об ящик, а там, глядишь, и ему успею зубы посчитать». Раньше смерти не хоронят. А физическая подготовка моя в то время была просто великолепная — одни мышцы, как у гончего кобеля, ни грамма лишнего веса. Живота не было, талия была, как у целки — двумя ладонями можно было обхватить. Я на правой руке 20 раз подтягивался, на левой — 17. А если на двух руках — считать уморишься. Бицуха на была такая, что рукам, казалось иной раз, мешала в локтях сгибаться. Словом, я хоть и калека, но такой калека, которого иной раз лучше и за три версты объехать.

Писанный на меня посмотрел внимательно: взгляд умный, цепкий, безжалостный, звериный и говорит:

— Ну, рассказывай, Аника-воин, что за история у тебя с Чирком вышла, а то тут болтают многое, мне бы хотелось, как говорится, из первых уст услышать, что ты скажешь.

Изложил я ему все как есть: и про войну, и про плен, и про «немецкого говночиста», и про обиду, что в моей душе, как гнойный нарыв, зрела и в черную мечь превращалась. «Вины, — говорю, — я за собой не чувствую и будь моя воля, я бы по второму разу эту мразь искрошил».

Смотрю, Писанному мои слова понравились, что я не трепещу перед ним, не егожу, как уж на сковороде, а держу себя с достоинством, на равных, — заулыбался, будто волк, оскалился:

— Поступил ты по понятиям! Молодец, что сам это дело разрулил, без мусоров. Чирок сам

виноват, надо было гниде думать, прежде чем свою пасть на вояк раскрывать. Не бойся, мужик, больше никто тебя в этом поселке не тронет, а если выйдет какая-нибудь лажа¹ с каким-нибудь алюсником², скажешь мне — дам поддержку.

Пьем мы уже с Писанным мировую — настоящую водку магазинную и лососем в масле закусуваем, а тут кобелек Немого в кладовую влетает. Я его ещё на этапе Вьюнком прозвал, и Якову эта кличка понравилась: «Вью!» он хорошо выговаривал. Прибежал Вьюнок и давай лаять, а потом хоп — сальто сначала через голову, а потом обратное через спину — видит, пройда, что мы едим, себе подачку зарабатывает. Потом и сам Яков в дверь входит с ломом в руках. Видно, ему кто-то сказал, что меня блатные резать пошли, поспешил мне на выручку. Вот друг был — Яков! Блатари, как его увидели, так сразу чуть ли не за меня прятаться, — Антоныч засмеялся. — Уродил же Господь такую чудо-юду! От него и на станциях-то иные торговки товар бросали и бежали, куда глаза глядят. Такому, если в разбойники пойти, и кистень не нужен! Ха-ха-ха! Смотрит Яков, что мы сидим, водку пьем и все у нас тихо и мирно: «Во! Туля!» и показывает мне большой палец, дескать, молодец!

После этой истории зауважали меня сильно: и наш народец, и лагерная шушера, и начальство. Зауважать-то зауважали, а рукавички, что мне моя голубка подарила, в бараке сперли. Как я по ним горевал, братец ты мой! Мне словно по второму разу ноги отрезали! Ведь это была последняя память у меня о ней. Сам виноват, нужно было носить их, а не беречь! Кому бы они были нужны грязные да рваные? Помню, привезли меня в барак пьяного на лошади, и столько во мне злости было, что от меня, от безногого, люди через окна прыгали — половину барака разнес гвоздодером. Все крушил, и столы, и табуретки и нары. «Ну, — кричал, — если узнаю, кто мои рукавички украл из-под матраса, собственноручно кишки выпущу и на кулак намотаю». Так я этого и не узнал...

Зато капитан Разбреев мне «весточку» подал. Принесли как-то на пилораму старые газеты и среди них несколько номеров «Красной звезды» за 42-й год попались. Развернул я одну

¹ Лажа — обман, фальшь, непонятная ситуация (жаргон).

² Алюсник — побирушка (жаргон).

газетку, а там его фотография и статья про него, называется «“Сталинские соколы” фашистам не по зубам». О том, как в бытность ещё старшим лейтенантом, Разбредев, защищая санитарный поезд, вступил в неравный бой с пятью «мессершмиттами» и сбил три вражеских самолета. Будучи, тяжело раненым, старший лейтенант Разбредев посадил машину на родной аэродром. Эту газету я и по сей день в сундуке храню, она дороже всех орденов и медалей.

Пять лет я на этой пилораме провел, и чему я только там не научился: и гробы элитные для начальства сбивал, и срубы для офицерских бань рубил, и мебель, разные там столы и серванты на заказ делал, и рамы, и двери, и столы, и сундуки. Работал, как проклятый, но и жил вольно, никто меня больше не притеснял и не обижал. Потом кто-то из начальства прочитал в моем деле, что я механическом техникуме учился до войны, и решили меня оправить в ЦТО, в центр технического обслуживания — мотористом. Я им говорю: «Придурки, я же недоделанный оружейник, а не машиностроитель!» А им хрен один! «Надо, — говорят, — Степа! Напильники с топорами выдавать и дурак сумеет, а техника — дело сурьезное, там без образования никак». Черт с вами, отправляйте, авось и там не пропаду!

С неделю меня старик Акимыч — старый ка-торжанин, что ещё при царе сидеть начал, учил уму разуму. Я же торцового ключа от рожкового по первости отличить не мог, а потом поднаторел. Память у меня оказалась феноменальная, все налету схватывал: где какой болт, откуда. Где мелкая резьба, где крупная, какой каленый, какой сыромятина, где шайба стояла, где гровер — все помнил. Потом Акимыч «осерчал» на всех и запил недели на две. Я один моторы перебирал. Через месяц меня уже мастером поставили, а через полгода — старшим. А старший мастер — это, братец ты мой, первый зам. начальника ЦТО по производству. Один зам был замполит, другой по снабжению, а на мне все и держалась. Словом, поперла моя карьера в гору! Я к себе и Немого перетащил. У нас помимо аккумуляторной, покрасочной камеры, токарного и фрезеровального цеха, была ещё и своя кузня, даже пресс был. Кобелек его, Вьюнок, оглох от кузнечного грохота и ослеп. Видно,

окалина от металла летела и попадала ему в глаза. Пострадал песик за свою преданность Якову, ни на шаг от него не отходил и никого к нему не подпускал, последнее время даже меня. Вот какие они «севера-то», что даже милую собачонку в лютого зверя превратили!

Я поначалу, почему не хотел в мотористы-то идти? Думал, что голодно мне там будет: какой навар с болтов да гаек? А там халтуры оказалось выше крыши! Какой-нибудь начальник машину на охоте заперет или, того хуже, перевернет — сразу к нам: «Ребята, отчините, за ради Христа, а то, как бы мне не снять свой полковничий мундир и не надеть вместо него арестантскую робу...» При Сталине с чинами и званьями не считались! А чтобы нас задобрить, и водки нам, и денег, и тушенки. Оказалось, с железяк-то навару даже поболее, чем с дерева.

Оклад мне хороший положили, паек дополнительный стали давать. Ну а с хорошей жизни потянуло меня на баб! А что делать-то, природа требует свое, а мне было-то двадцать пять! В то время написал я Зинаиде Аркадьевне уже восемь писем, почти шесть лет прошло, война проклятая кончилась, а от неё ни слуху, ни духу — чего ещё ждать? Я тогда в госпитале все как-то боялся у неё спросить, замужем ли она, есть ли дети? Боялся я ответа, что-де замужем, муж воюет: и кто бы она для меня была бы после этого? Знаю это слово, да в её адрес оно неуместно. Знаю также, что не по мне была эта птица: у неё образование, звание, перспектива в жизни, а у меня что? Дранные портки на заднице с пустыми штанинами? А может, она и погибла давно, разбомбили, где-нибудь санитарный эшелон, а я письма ей шлю «на деревню дедушке».

— Но ты бы мог, Антоныч, после ссылки запрос послать в госпиталь, где лежал, или в военный архив, наверняка, там есть какой-то след её, — наивно предложил я.

— Мог бы! Мог бы! — грустно согласился Антоныч. — И ответили бы мне, что такая-то-какая-то погибла там-то и там-то или живет по такому-то адресу... и что мне, письмо ей написать, чтобы муж её прочитал, как его жена во время войны крутила любовь с безногим солдатиком? Вот была бы мужику радость! Да и ей тоже... Не

знаю я ничего о ней, видно, и знать мне не дано, так Господь рассудил. Эх, жизнь!

Баб-то у нас в ссылке хватало, только все они были с какой-то червоточиной — место, знать, было такое поганое, эта вечная мерзлота из людей не только здоровье вытягивала, но и души калечила. Набирались, дуры, «ума» друг от друга. Иную какую пригонят бабенку — чистая, как детская слеза, а смотришь, уже через полгода начинает махорку курить, чтобы жрать особенно не хотелось, и спирт-сырец пить гранеными стаканами, чтобы хоть спьяну забыться, ибо никакой иной радости у них и не было.

Бабы-то меня любили! На санках к себе возили, на руках в барак заносили, особенно, после того, как я начальником стал! Вот сучки! — улыбнулся Антоныч. — Я-то их не осуждаю! Каждой бабенке хочется опереться на кого-нибудь, хоть на безрукого, хоть на безногого. Счастья бабьего хочется, ласки, любви. Что они видели-то, кроме скудного пайка, кирки да лопаты?! Бывало, я тоже «осерчаю», как Акимыч, на весь белый свет и неделю кряду возят меня по разным «малинам». Начальство мое к этому делу относилось с пониманием — сам подумай, пять лет трудиться, как проклятому, без выходных и проходных — тут лом стальной и то трижды узлом завяжется. Только от всех этих любовных утех чувствовал я себя самой последней скотиной, не было в душе ни света, ни радости, как тогда в госпитале. Эх, Зинаида Аркадьевна, была ты в моей жизни первой и последней любовью! Только делать-то нечего. Говорю я себе: «Надо тебе, Степа, жениться, пока ты и вовсе душой не испоганился».

Девушка у меня на примете была, хорошая, скромная, не набалованная, ещё не успела её бабё лагерное испортить. Сама-то она была из Владимирского детского дома: ни отца, ни матери своей не помнит. Нашли её на вокзале в трехлетнем возрасте 6 июня, на День Святой Ксении Блаженной, оттого и назвали — Ксенией, а отчество дали Владимировна в честь города. Окончила она школу, началась война и оставили её при детском доме: слабенькая она здоровьем была.

Стала Ксюша на лошади с молокозавода продукты возить по детским домам, по госпиталам, по яслям, по больницам. Ну, ты парень деревен-

ский, представляешь себе фургон — длинную такую телегу с двумя разъемными бортами?

Я утвердительно кивнул.

— Так вот. Какая-то «светлая голова»... — чтоб ему, гаду, и на том свете покоя не было, гореть ему в аду вечным пламенем! — взял и сделал в Ксюшином фургоне двойной пол с небольшим покатом. Визуально это даже незаметно, а в это двойное дно входило восемь банок сгущенки и так по мелочам: масло, сыр. Она приедет на завод, пока за накладными пойдет — то да сё, кто-то подойдет, поднимет второе дно в фургоне и загрузит туда ворованные на заводе продукты, а вечером остается только забрать их из телеги. Ксюха-то и знать ничего не знала, пока однажды не прищучили её с этими банками на проходных! Восемь банок сгущенного молока! А сгущенка в то время была стратегическим продуктом и поставлялась, только раненым и летчикам полярникам — козырней чем черная икра была. И получила семнадцатилетняя девочка Ксюша — и правда, Ксения Великомученица — восемь лет лагерей: за каждую банку по году.

Четыре года отсидела и освободили её по УДО¹, заменив лагерь поселением. Я её ещё по пилораме знал! Жаль мне её было до слез — тихая такая, забитая, верующая. Бывало, возьмется ящики сбивать, обязательно палец себе отобьет, повезет доски на лошади — лошадь её не слушается, или распряжется или телегу перевернет. Бабы наши, курвы, все над ней подшучивали да посмеивались! У нас завсегда так, выберут самого слабого и беззащитного, и давай клевать! Я за неё постоянно заступался. Бабам говорю: «Будете Ксюху задирать, даром, что я безног, а в один день передую всех, как хорек кур, прямо на пилораме! И тут же в опилки закопаю. Вы, паскуды, мой характер знаете!». При мне они её вроде не трогали! А потом, как я в ЦТО перешел, не стало у неё заступы, и началась у неё жизнь — впору вешайся!

Вот и получается: я в «малинах» пропадаю, а она там, от людской жестокости и хамства погибает! Сговорились мы с ней быстро, оказывается, что и я ей давно приглянулся. Сошлись мы. Даже что-то вроде небольшой свадебки сыграли. И с её стороны начальство было, и с моей. Поси-

¹ УДО — условно-досрочное освобождение.

дели, песни поиграли, водки попили, всякие там добрые пожелания выслушали. Я сразу её к себе перевел в ЦТО: вначале уборщицей, потом кладовщицей. Только жить-то нам вместе негде: она к одному бараку приписана, а я к другому. А я-то продумал, — засмеялся Антоныч, — уже давно под жильё приглядел себе душевую комнату. Наш-то ЦТО строили в 42-м году зеки по какому-то там южному проекту: и с туалетом внутри, и с душевой комнатой, и со столовой... словом, как на курорте — сто одно удовольствие. Только проектировщики не учли вечную мерзлоту — мороз как жажнул, и все к чертовой матери разморозилось: и водопровод, и канализация.

Подошел я к своему начальнику: «Так и так, Пал Яковлевич, разреши мне из душевой комнаты весь навоз и хлам вывезти и под жильё её себе приспособить, все одно — пропадает помещение, мыться там все равно никто не будет, только загадят ещё больше». Тот и дал мне добро. Взял я Немого и ещё трех товарищей из наших мотористов, за неделю мы из душевой комнаты такую келью соорудили — приходи кума любоваться! Стены утеплили, сделали гидроизоляцию и досками обшили, полы дубовые положили, потолок двойной сделали тоже из досок, дверь поставили с реечным замком. Хорошая такая комнатенка получилось 2 на 3: с одной стороны у нас кровать односпальная стояла и стол, а с другой — буржуйка. И я для себя лавку сколотил, наподобие как в поездах — верх приподнимался, а вниз можно было всякое барахло класть.

Бывало, «придешь» домой с работы уморенный, как собака, а тебя жена ждет. На столе стоит жареная картошка, хлебушек, квашеная капуста, графин со спиртом. Сядешь, выпьешь рюмку другую, супруга чай подает горячий с рафинадом — сидим, беседуем. Спали-то мы поврозь: она на кровати, а я на лавке. Куда вдвоем на односпальную кровать ляжешь? Ксения быстро засыпала, помолится Богу — и все, уже засопела носиком, а я лежу и от счастья плачу! Первый раз за шесть лет своим углом обзавелся. На улице метель воеет, словно кто-то гигантскую паяльную лампу развел в коридоре, а у меня буржуйка от жара, от угля-кокса цветет малиновым цветом — тепло, уютно! У меня-то первый своей угол за шесть лет, а у Ксении своего угла отродясь не было. Эх, жизнь!

Всем Ксения взяла: и лицом, и характером, и ростом, и фигурой, вот только походка у неё была вразвалочку, как у пьяного боцмана, идет, как на снегу проваливается, то на одну сторону её накренит, то на другую. Бывало затею её учить: «Ксюш, да ходи ты ровно-то, вроде бы и ноги у тебя не кривые, а даже очень красивые — что ты ими кренделя-то всякие выписываешь? Вот показал бы я тебе, как ходить надо, да у самого ног нет». Та, бывало, начнет ходить правильно, а потом забудется и пошла болтанка, снова-здорово. И плюнул я на её походку: пусть какая есть! Главное, что человек хороший, да и мне глупо, безногому инвалиду, себе в пару балерину требовать.

Антоныч, что-то увидев боковым зрением, вдруг насторожился:

— Ложись! — скомандовал он мне и сам смешно ничком завалился в траву. Я рухнул рядом с ним и хотел было приподнять голову, но старик мощной ладонью придавил меня к земле. — Шурка объявилась, меня ищет! — зашептал мне в ухо Антоныч. — Лежи, не шевелись! Вот, сучка, не было печали. Хорошо, я заметил её вовремя. Ползи по-пластунски под китайку, проследи за ней.

Шурка, женщина лет пятидесяти, стояла посредине скошенной Антонычем делянки и рассеянно смотрела по сторонам: сад был пуст. Она взяла в руку скошенную траву, помяла её пальцами, ещё раз осмотрелась вокруг и, так и никого не увидев, пошла в сторону дома, как бы сказал её отец, походкой пьяного боцмана. Эта походка досталась ей в наследство от матери. Как говорится, от рода ни в воду!

ГЛАВА 6

Антоныч грустно посмотрел вслед удаляющейся дочери. Потом взглянул на меня — я, спрятав набежавшую на лицо ухмылку, сидел напротив него, как каменный истукан, с застывшим холодным взором. Чисто, по-человечески мне было жаль Шурку, вспомнились слова песни из репертуара Надежды Кадышевой: «Я ж хорошая, я ж пригожая, просто доля такая...»

— Теперь к магазину побежит, — сделал умо- заключение Антоныч. — Начнет продащицу

выпытывать: кто, сегодня сколько водки покупал. Не бойсь, про тебя она и не подумает — бутылка «Сибирской» не мой масштаб! Эх, жизнь!

А я люблю праздники! Думается, будь моя воля, каждую бы неделю гостей в доме собирал. Пусть люди гуляют: едят, пьют, песни играют, подтрунивают друг над другом. Люблю беседы! Видно, жизнь моя волчья вопреки моей натуры выпала! А Шурка у меня экономка — копеечка к копеечке, за три рубля воробья в поле загоняет. Вот откуда в ней это? Ксения, покойница, та с себя последнюю рубаху снимет — отдаст. Детдомовское воспитание — там не приведи Господь что-нибудь зажилить!

Мой-то срок ещё в 52-м закончился — отмотал я его на всю катушку, до самой древесины. У Ксении вольная вышла в 53-е году. Тут и Иосиф Виссарионович приказал долго жить. Тетка Груня мне из деревни отписала, что братья мои погибли, а мать ещё в 43-м схоронили, что-де домишко мой пришел в полное запустение, что есть у меня смысл поискать счастья на чужой сторонке, ибо дома меня никто не ждет — врага и предателя! Ну и куда мне деться?! Жить дальше на «северах» у Ксении здоровье не позволяло — чахла моя бабенка, вытягивала из неё вечная мерзлота жизненные соки. Я хоть и молока ей покупал козьего по литру в день, а молоко в наших краях дороже коньяка стоило — пей, мое золотце! Но сам понимал, что молоком тут дело не поправить — нужно климат менять. «Ксюша, — говорю я ей, — родненькая, моя ты пташка беззащитная, потерпи ещё хотя бы годик, соберем деньжонок и поедем ко мне на родину, там все-таки двоюродные, троюродные — а все родня, а на чужой стороне кому мы, на хрен, нужны будем?». «Хорошо, Степа, как скажешь! Я за тобой, как за иголкой нитка!»

Что тут думать? Снилось по ночам мне моя деревня, грезилась. Бывало, глаза закроешь, и все, как на картинке, видишь: и леса, и луга, и где какой камень на дороге лежит, каждый покосившийся плетень, как живой, передо мной стоит, каждую яблоньку вспомнишь. Зовет меня домой родина, тянет родная земля, и куда ты поперешь супротив этой силы? Куда денешься от этого зова?

Тронулись мы домой аж в 55-м году. На трех вокзалах меня милиция сразу же и забрала.

Они, оказывается, с калекками войны ещё в 52-м году управились, сослали их в «профилакторий» на остров Валаам. Слышал про такой? — Я отрицательно мотнул головой. — Так вот, по сравнению с ними, мои «севера» — курорт! А там безрукие с колокольни от безнадеги на землю бросались. Мне в милиции сказали: «Бери себе, мужик, такси до ближайшей станции: Гривны, Красный строитель, Чехов и катись, чем дальше от Москвы, тем лучше...»

Ладно! Приехал я домой. А от дома только остов русской печки остался и стены с худой крышей: ни забора, ни сарая, ни двора, ни террасы, ни окон, ни дверей — всё соседи на дрова и прочие нужды за войну растащили. В доме же шаром покати — ни икон, ни сундуков, ни ржавого гвоздя! Вот такой у нас народ — российский! А ведь тоже, гады, в Господа веруют, молятся, на Пасху свечи по церквам держат, куличи светят, а тут даже рогачом копеечным, и то прельстились.

Тетка Груня от моего приезда не в восторге была, губки поджала, смотрит на меня осуждающе и только головой покачивает. Ясное дело, у самой семеро по лавкам — голь перекатная, а тут племянничек — инвалид да враг народа объявился да ещё с больной бабой. Ксюха-то моя уже кровью харкала, надломили её «севера». Нужно было срочно лечить.

Я-то приехал, как министр, на такси к самому дому с подарками: кому платок, кому портки, кому конфеты. Достал я из кармана пачку денег и на стол положил тете Груне. Тогда в деревне таких денег и в глаза не видели. «Не серчай, — говорю, — милая моя тетушка, поживу я у тебя от силы до осени, и то в амбаре. До первых морозов свой дом поставлю!» И так я уверенно это сказал, что и сам в это поверил, а сам и ума не приложу, с чего начинать. Будь у меня ноги, я бы с таким капиталом и терем бы себе резной срубил, а так — где чего брать? Кто чего делать станет? Деньги-то сами в венцы и в окна не превратятся. Эх, жизнь!

Но видно угоден я Богу. К вечеру подъезжает рессорка к дому — председатель колхоза подкатил знакомиться — тоже бывший вояка, одна нога на протезе. Он не наш был, не деревенский — одоевский — Александр Терентьевич

Сморозин и сразу обнял меня, прослезился. А как узнал, что я в ссылке старшим мастером был в ЦТО — засветился весь, как юбилейная медаль:

— Дорогой ты мой человек, у нас целый «музей под открытым небом» поломанной колхозной техники, а работать людям не на чем, на быках, как при царе, сено возим и поля скородим. Если ты мне хоть из четырех тракторов один соберешь — я тебе и лесу на дом выпишу, и гвоздей, и шифера, и всего, чего только твоя душа пожелает.

— Мотор-то, — говорю, — я тебе любой переберу — и то, на земле, клапана притереть, топливный насос перетряхнуть, масляный ли, а вот в ходовую часть, в навесное устройство не залезу — там без ног делать нечего.

— Не печалься, Антоныч! На это у тебя помощники будут. Молодежь у нас смышленная, только учить их некому до тебя было.

Так и сошлись мы с ним: одноногий и безногий! Эх, жизнь!

Кончилась у меня одна каторга, началась другая. Только вторая каторга радостней получилась — сам на себя хребет гнул, знал, за что из себя жилы тяну. Смородин человеком слова оказался: лесом завалил меня. И лес-то какой! Строевая сосна, лиственница, липа, дуб! В те годы колхозы отстраивали сызнова свинарники, коровники, конюшни. Лес гнали с «северов» эшелонами, из моих «родных» мест.

Поднял я свой домишко, как и обещал тетке, до первых морозов. Она потом до самой смерти мной гордилась и своим детям все в пример ставила. А как поднимал-то? Приеду из гаража домой на лошади (а меня и возили, и привозили, как генерала) грязный, весь в мазуте, схватил, как кобель, кусок черного хлеба с луком и салом, запил квасом, и топор в руки. «Пошел» лес шкурить до самой поздней ночи. Сядешь покурить: папироска в зубах, коробок со спичками в руках, а я уже сплю, даже прикурить силы не осталось. Подойдет ко мне Ксения, постелет мой ссыльный тулуп и толкнет меня легонько — я кувырк на бок, словно меня из винтовки застрелили. Накроет меня Ксюха овчинкой, и благодать.

Восемь лет за свой домишко в гараже я батрачил, без выходных и проходных. Одна только радость и была, что запьешь иной раз на неделю к ряду и валяешься, как пес, в саду под своей любимой грушей. Тогда хоть война начнись — всё, выбыл я из профессии!

Ксения всем отвечает:

— Захворал мой хозяин.

С новым председателем у меня отношения не сложились, да и не было уже в моих услугах острой необходимости. Тут уже Шурка в школу пошла. Пенсию мне положили хорошую, скотиной обзавелись: корова, овцы, пара кабанчиков. Я в пчеловодство ударился! Вот тварь божья пчела! Ничего ей не нужно: ни комбикорма, ни сена, приглядывай только за ней, да не жадничай, оставляй ей мед на зиму, а самое главное — не мешай ей трудиться.

Я вот как думаю, что человек не от обезьяны произошел, а от насекомого. Хорошие люди — от пчёл, а плохие — дармоеды, от всяких там мух, ос, слепней, шершней и прочей гадости вышли. Меня когда пчелы кусают, я плачу. Говорю ей: «Пчелка моя милая, и зачем же ты себя жизни лишила? Моя шкура так этой жизнью дубленая, что её и шилом-то не проколешь, не то что твоим жальцем. Я-то, что, почесался, и будто ничего не было. Меня хоть в губу укуси, хоть в глаз, даже не припухну. Я в улей даже без маски залезаю. Шурка — та нарядится, как на Северный полюс: и пять перчаток на себя надеет и шарф повяжет — и все равно искусают её пчелы, как собаку, а мне хоть бы хны.

Хорошо мы зажили! Ксения моя прямо-таки расцвела! Первые годы я ей барсучий жир доставал, а когда не было барсуков, то собачий, но она об этом не знала. Нужно только, чтоб собака была домашняя, здоровая и сытая. Зря ты такую морду делаешь брезгливую! Жить захочешь — и не то съешь и выпьешь! А где их было, барсуков-то, набраться на всех послевоенных, да послелагерных туберкулезников? Собаку-то путную, и то по блату. Починишь кому-нибудь мотоцикл — попросишь банку жира!

— Эх, вы ручки мои золотые! Нет, думается, такой работы, которую бы вы не знали или не умели, или, того хуже, боялись, — по-бабьи, нараспев, запричитал Антоныч и со звонким

причмокиванием поцеловал свои руки. — Вы жё у меня и по сантехнике, и по плотничьей, и по столярной, и по слесарной части. Вам что мастеров, что напильник, что рубанок — все едино, со всем вы справлялись и никогда не знали усталости, мои вы верные слуги! Эх, жизнь!

Вот благодаря этим ручкам золотым, и дожила моя Ксения до семидесяти лет. Чистая у неё душа была, как божья роса. Уж очень она любила цветы выращивать, весь дом был в цветах. Каких там только сортов не было — цвел мой палисадник и сад до самых морозов. Розы всех видов, гладиолусы, георгины, разные там фиалки ночные, хмель по забору вьется и шапками свисает. Думается, дай ей волю, не было бы у нас ни картошки, ни огурцов, ни капусты, а были бы только одни цветы. Видно, только цветы и могли вывести из её памяти северную стужу.

Антоныч вновь достал бутылку и прикинул остаток водки:

— Ещё на разок, грамм по пятьдесят осталось. Давай, братец ты мой, верно, закругляться! Засиделись мы с тобой! Пора и честь знать! Ну вот и все! Положи эту посудину ко мне в каталку — хорошая бутылка, с пробкой винтовой, сгодится в хозяйстве, и стакан туда же, — старик собрал в газету все наши окурки, яичную скорлупу и положил мусор в земляную ямку, плотно привалив её дерном. Потом утрамбовал землю руками, заботливо разгладил траву на срезе от ножа, приподнял её за стебли и заулыбался: — Ну, вот и порядок! Будто ничего и не было!

Я уже посадил его в коляску, но тут вспомнил про свой садок с рыбой и удочки:

— Антоныч, рыбки-то возьми!

— Вот спасибо, братец! А я уж думал, что ты мне не предложишь.

— Забыл про рыбу с твоим рассказом, прости!

Я стал выбирать ему из садка самых крупных карасей.

— Не-е! — запротестовал Антоныч, — этих домой неси — похвалишься, а мне вот этих набери с десятка «сковородников», мелочевки, с ладонь. Приеду, прикажу Шурке жарить! Их, если хорошо на чугунной сковороде прожарить до хрустящей корочки, то в них ни одной кости не остается, все развариваются. Просто

бери, ложи на хлеб, как колбасу, делай бутерброд и ешь. А сладки, а вкусны! Ты, гляди, они ещё, суки, живы! С меня пример берут, паршивцы! Живут не благодаря чему-то там, а вопреки всему. Уважаю таких! За рыбку спасибо, удружил! Бывай, братец!

Он лихо покатил по барскому саду, налегая по очереди на рычаги своей каталки, словно взялся за весла, только выцветшая на солнце кепка замелькала между деревьев. Я долго смотрел ему в след, на удаляющуюся от меня в сторону кладбища спину: может, оглянется? Нет, не оглянулся! Нырнул в густую деревенскую зелень и пропал.

Я сорвал с китайки несколько зеленых яблок, посмотрел на них, но так и не решившись отведать невызревшей кислятины, бросил на землю и зашагал в противоположную сторону.

Около моего дома тоже был пруд — Тарелка! Говорят, что в прежние времена, «до исторического материализма», Тарелка была выложена мрамором и имела идеально круглую форму. Потом «графское отродье» было выведено за скобки рода человеческого и на берегу пруда построили кузницу. Тарелка заросла лозами и заполнилась всякими отходами «кузнечного дела»: кабинками от машин, конными греблями, сенокосилками, возможно, теми до которых не успели дойти «золотые ручки» Антоныча. Разумеется, что никаким мрамором здесь больше и пахло. Караси в этом пруду были, но шли в основном в вершу, и то зараженные рыбьим клещом.

Я решил «взбодрить» своих карасей и опустил их с берега в воду, как раз со стороны бывшей кузницы. Выждав с минуту, я поднял садок — караси в садке зашевелились. Я опустил садок глубже и подержал дольше в воде. Рыба моя ожила, забилась, забрызгалась водой. Потом я погрузил в воду весь свой улов на всю длину шнурка, сделал несколько полоскательных движений и хотел было заканчивать реанимационную работу, как вдруг почувствовал, что мой капроновый садок за что-то зацепился. Я потянул — вправо, потом — влево — эффект был нулевой.

Меньше всего в тот день мне хотелось раздеться и залезать в воду, помня о том, что все дно этого пруда было усеяно, боронами,

косами, обрезками арматуры. Я дернул садок на себя, и он легко пошел вверх, и чем выше, тем легче. Когда я достал его, то с удивлением обнаружил, что в нем расплозлось по шву дно, и кроме крапивы Антоныча в садке ничего не было. Откуда-то из зеленой мути пруда всплыли несколько дохлых карасиков, видимо, им была не судьба пережить тяготы этого путешествия. Остальные же караси просто переменили место жительства из лесного водоема (провинции) переехали в графский пруд.

Что тут скажешь? Ничего! Мне оставалось только грустно вздохнуть и вымолвить с печальной укоризной неизвестно кому: «Эх, жизнь!»

ЭПИЛОГ

Весна в тот год выдалась как на заказ. Она сразу же пересилила зиму, положила на обе лопатки и взяла окончательный верх. Уже в середине апреля на дорогах пыль стояла, а в начале мая крестьяне начали огороды под картошку пахать и культивировать. Взорвалась уставшая от долгой зимы земля буйным цветом. Как-то все сразу зацвело: и черемуха, и сирень, и яблони с вишнями. Теплынь несказанная!

Сажать в тот год картошку решили по старинке, артелью, под соху. В прошлом году сажали трактором. Ничего не скажешь, быстро, но то ли «сажалка» была плохо отрегулирована, то ли тракторист недотепа — насажал, где густо, где пусто. На иной грядке картошка как морковь вышла, впору продергивать, на другой же приходилось брать лопату да вручную подсаживать. Вот и решили вспомнить добрую старину, когда собирались дворов пять-семь, чьи огороды соседствуют, высыпали все бабы из дворов с ведрами и становились вдоль борозды в интервале метрах 10—15 друг от друга. Лошадка борозду нарезала, бабы раз-раз — и закидали каждая свой отрезок — да быстро и весело, сея картофельные клубни через 30—40 сантиметров: шутки, прибаутки. А потом шли гулять у кого-нибудь в доме — надо же это дело отметить, чтобы картошка росла и чтобы жуки колорадские ботвой подавились.

На каталке на резиновом ходу, отталкиваясь деревянными «утюжками», Антоныч выехал в сад. Дорога до самого его огорода была накатана ещё с осени. Приехав на свежевспаханное

поле, он взял в ладонь землю, помял её и остался доволен — земля рассыпалась как пепел и даже к пальцам не липла.

— Хороша в этот год земляца, — улыбаясь, пробормотал он. — И навозили её вроде по осени, а всё впиталось с дождями да с талым снегом. Как пух земляца! Уроди, Господь, теперь картошечку!

Солнце уже поднялось над верхушками берез и выплыло на простор синего неба, зазолотило, засверкало над тучными деревенскими садами, заискрилось радужно над кронами вековых лип и принялось наращивать свои светосилы. С каждой минутой становилось всё жарче и жарче.

— Как же, чертова артель, посадят они картошку по холодку, — заворчал Антоныч. — Уже время, поди, десятый час, а ещё ни одна собака не почесалась! Будут теперь, паразиты, в самое пекло спотыкаться по пахоте.

Старик развернул каталку в сторону дома и тут услышал в своем саду голоса, заулыбался:

— Почесались, суки!

Навстречу ему шли гуськом по тропинке зять его соседки — Васька Нечаев, мужик лет пятидесяти, и сын племянницы Веры, двоюродный внук — Федор Курлыгин с двенадцатилетним сыном Мишкой.

Старший брат Антоныча, Иван, женился осенью 1940 года на школьной учительнице Татьяне Нестеровой — дочь же Вера родилась у них в феврале 1942 года. Иван так и не увидел дочери, погиб 7 ноября, как раз на «октябрьскую», в 43-м году, освобождая Киев. Татьяна с дочерью ушла жить в родительский дом. За муж она так и не вышла, растила дочь одна, учительствовала, вдовствовала. Верка вышла замуж за Павла Курлыгина и родила Федора в 67-м году. Таким образом из рода Просвириных вышла параллельная ветвь. Федор задался в Курлыгинскую породу: высокий, длинноязыкий, неуклюжий... а вот сын его Мишка... В Мишке Антоныч души не чаял!

С мужиками Антоныч поздоровался по-своему, сдавливая их ладони, как тисками, а ручку Мишки взял бережно, словно пойманную птичку, подержал чуть-чуть и выпустил на волю.

— Что там, артель «Напрасный труд» проснулась?

— Проснулась! Уже семена на телегу погрузили. Славка Круглов повез, — сказал Федор, закуривая.

— Это хорошо! Значит, две лошади будет?

— Две! Одна на пяти огородах взопреет!

— А ты, Мишка, значит, в школу сегодня не пошел?

— Не-а! — мальчуган улыбнулся открытым ртом, обнажая ряд ровных и красивых зубов, некоторые из них, вероятно, только в этом году выросли. — Я буду лошадь водить! — с гордостью сказал он.

— Правильно! — с нескрываемой иронией резюмировал Антоныч. — Нечего дело на безделье менять — сейчас день год кормит, а двоек нахватать ты и завтра успеешь. Есть двойки-то?

— Есть малясь!

— «Есть малясь!» — передразнил его старик. — Слушай, отдай его мне на воспитание, — обратился он к Федору. — Я через год из него человека сделаю.

— Бери! — улыбнулся Федор. — Про него жена и так говорит «Антоныч номер два»! Он же целыми днями у тебя пропадает — все твои повадки и манеры перенял.

Антоныч заулыбался:

— Дура твоя жена и ты от неё недалеко ушел! Мишка, чему я тебя за эту зиму научил, ну-ка перечисли, загибай пальцы, братец ты мой! Пилу точить научил? Научил! Разводить пилу научил? Валенки подшивать крючковым шилом, Мишка, умеешь? Так! Как топоры, молотки насаживаются показал? Показал! А как колун? Расскажи своему батяне, а то он, небось, не знает.

— Снизу ручки вверх!

— А из какого дерева ручка делается?

— Из дуба!

— А на молотки и топоры?

— Из березы!

— А насаживаются как?

— Сверху и расклиниваются!

— Молодец! Знаешь, что это такое? — Антоныч указал мальчику на молодые побеги сливы: тонкие и ровные, как стрела, метровой длины.

— Слива-дикушка! — ответил Мишка.

— А она, братец ты мой, по твердости дубу не уступает! Ты гляди, какие хворостины ровные! Раньше дворяне своих недорослей драли розгами, и называлось это «березовая каша», но ты-

то, Мишка, у нас крестьянской закалки — тебя береза не проймет, я тебя буду «сливянкой» потчевать. Как получил «двойку» — пять горячих, будь любезен! Ох, и выдеру! Ох-ха-ха-ха!

— А я тебе, как напьешься пьяный — пятнадцать! — заулыбался Мишка.

— Годится! Давай, замашем! Я-то пьяный бываю от силы раз в месяц, а ты «двойки», поди, каждый день таскаешь, и ни по одной! Ох-ха-ха-ха! Ну и на чей стороне перевес будет?

Мишка спрятал за спину руку, задумался, и вдруг, захохотал:

— А у меня каникулы через две недели! А, съел! А я тебя драть целых три месяца буду в одни ворота! — и показал деду язык.

— Мишка, — Федор хотел дать ему подзатыльник, но мальчонка вовремя пригнулся, и рука родителя лишь скользнула по вихрастой макушке. — Ты с кем разговариваешь?! Ровесника что ли нашел?

— С кем разговариваю... с Антонычем!

— Правильно, Мишка! А ты, Федя, брось свое воспитание! Нужно было учить, пока он поперек лавки лежал, а когда лег вдоль, уже поздно! Я для всех — Антоныч, нет у меня ни имени, ни возраста. Думается, назови меня кто Степаном, и не откликнусь, привык к Антонычу! А мы с Мишкой друзья! Подловил ты меня, Мишка! Сколько месяцев в год-то не учишься? А? Я уже все подсчитал — четыре, плюс выходные — пять, а на семь месяцев в году — у меня столько и «сливянки» не найдется, придется по соседям идти. Ох-ха-ха-ха!

Мишка загрустил, задумался. В очередной раз Антоныч провел его!

— Мишка, — не унимался Антоныч, — как ты, думаешь, почему я не боюсь, что ты меня драть будешь?

— Не знаю, наверное, потому что не выдеру — старость надо уважать!

— Глупость какая! — возмутился Антоныч. — Это за что же её уважать?! Прожил человек сто лет: ел, пил, кислород потреблял, гадил целый век, где попало — был ни Богу свечка, ни черту кочерга и что, его за это уважать нужно?! Нет, Мишка, братец ты мой, уважать нужно за дела, а не за возраст! Прожить сто лет и дурак может, только кому от этого польза? А не боюсь я твоей

порки, Мишка, потому что мою шкуру так жизнь выдубила, что её теперь даже черти не возьмут себе на барабаны. Знаешь, почему?

Мишка пожал плечами.

— Барабанные палочки об неё крошиться станут! Вот гляди! — Антоныч вынул папиросу изо рта, последний раз затянулся, чтобы мальчик явственно видел жаркий малиновый огонек горящего табака и, вкручивая окурочок, погасил о свою ладонь. — Так-то, друг мой, Мишка! Ты лучше расскажи дяде Васе, какой мы с тобой в этом году скворечник построили. Он, небось, таких у себя в Туле-то и не видел никогда.

— Без единого гвоздя в форме купеческого терема, резной, с балконом, с водостоком, оцинковкой покрытый!

— Балкон-то зачем? — удивился Василий.

— А как же? — в голосе Мишки послышались интонации голоса Антоныча. — Вечером в доме душно, детки спят, а скворец со скворчихой выйдут на балкон, сядут и будут чай пить на свежем воздухе. Или скворец, когда с друзьями загуляет, пропустит пару-тройку «щепоток», а жена его домой не пускает. И где ему ночевать? С дерева он пьяный свалится, под деревом кошки съедят, а так, лег на балкон, проспался, а утром, как огурец!

Василий засмеялся:

— И сколько же вы его делали?

— Ну, недели две колупались, наверное! Там одни балясины на балкон чего стоят — одна к одной 24 штуки! Мне учитель по труду за этот скворечник «пятерку» поставил с тремя плюсами и на выставку областную возил — первое место! Антоныч, расскажи, какой мы с тобой скворечник на следующий год изобразим?

— Какой-какой, знамо дело, какой! Теперь пятикомнатный, чтобы он вокруг всего дерева шел и был там и зал, и детская, и спальня, и...

— Ну-ну, скажи, что ещё?

— И сральня!

— Ох-ха-ха-ха! — Мишка переломился пополам от смеха и из его глаз синими искрами брызнули слезы восторга. Захохотал и Антоныч. Мишка был на голову уже выше безногого деда, но со стороны, казалось, что между собой разговаривают два ребенка, только один вдруг внезапно отчего-то постарел, у него выпали зубы и лицо вдоль и поперек избороздили морщины — но его душа так и осталась детской!

Странное дело, братья Антоныча не были похожи на него. Ему от каких-то далеких предков передался непонятный ген: веселости, забубенной русской удали, бесстрашия и непоколебимой стойкости, а вместе с тем и широты русской души. Потом этот ген затерялся, затаился, выжидая благоприятную для него почву. Он не передался ни его дочери Александре, ни племяннице Вере Ивановне, отдохнул он и на её сыне Федоре, а вот Мишка каким-то чудом поймал его. Почему? А Бог его знает!

Почему, иной раз в глухих лощинах, густо поросших сорным лесом: ивняком, лозинками, орешником, вдруг неизвестно откуда, вопреки всякому здравому смыслу, из бурьяна приподнимает голову молоденький дубок? Как могло попасть в эту чащобу его семя, если тут и дубрав-то по близости нет? Принесло ли желудь половодье или обронила его какая-нибудь птица, или он приклеился с грязью на сапог грибника? Этого мы никогда не узнаем — да и зачем нам это? Пусть растёт этот молоденький дубок, возьмется он за силу, раскинет свои могучие ветви и станет затенять и вытеснять сорный лес, а придет время — уронит свои семена в землю, а там, глядишь, подарит миру новую дубраву.

На лошади на огород приехал Славка Круглов, внук бабки Мани, и принялся разгружать мешки с картошкой, ставя их на соседской меже, на расстоянии 10—15 метров друг от друга.

— Вот и десантура пожаловала! Говорят, в этом году ему капитана дали, — сказал Федор. — Теперь дело только за бабами.

Антоныч залюбовался на бравого десантника. Тот даже на поле приехал в тельняшке. Круглов брал одной рукой мешок за завязку, а второй за низ и, видимо, чтобы не измазать тельняшку носил мешки, чуть ли не вытянутых руках:

— Здоров бугай! — Антонычу всегда нравились сильные и ловкие люди. Он и передачи любил по телевизору смотреть спортивные: бокс, тяжелую атлетику, борьбу. — Ты гляди, он же их, как снопы поднимает, без всякого напряжения, а в каждом мешке килограмм — 50! Орел!

— Антоныч! — Мишка тронул старика за плечо.

— Чего тебе?

— А ванна в скворечнике будет?

— Будет, будет! Все там будет! — рассеянно произнес Антоныч, все ещё наблюдая за десант-

ником. — Иди, пошепчемся! Ты, когда лошадь поведешь, Мишка, держи ориентир вон на тот столб и четко у тебя ровная борозда выйдет. А для верности глаз левый закрой, вроде бы ты целишься. Понял меня?

— Понял! Ты шепчись, а не плюй мне в ухо!

— Экий неженка! Я что виноват, что у меня зубов нет! Сызмальства, Мишка, привыкай все делать на совесть. Иные дураки думают: а здесь можно и кое-как сделать, работа пустяковая, а вот настоящие дело я сделаю хорошо. Нет, братец ты мой, шалишь, как войдет это в привычку, тяп-ляп делать, так всю жизнь и будешь один только брак гнать! Вот так и тут, проведешь первую борозду ровно, и все остальные пойдут, как по струнке. А проведешь, как бык поссал, и все лягут сикось-накось.

— Не бойсь, Антоныч, сделаю от души! — лицо мальчика сделалась серьезным, и он по-мужски хлопнул деда по плечу.

Славка Круглов разгрузил мешки, распряг лошадь, разнуздал её и пустил пастись, привязанную за вожжи к телеге, а сам подошел к мужикам в саду.

— Привет крылатой пехоте! Видал, видал, брат, тебя в деле, здоров — ничего не скажешь. Слышал, как ты песни пел всю ночь под гитару, как там у кого-то парашют не раскрылся — хорошая песня, жалостливая! Я выехал из дома соловьев послушать, а тут вы бражничаете! Дело хорошее — песни петь завсегда лучше, чем морды бить. Голова-то, чай, болит?

— Чего ей болеть? Меня бабка Маня с утра похмелила.

— Бабка у тебя старуха правильная, с понятием. Славка, а помнишь, как я тебе мопед чинил?

— Помню!

— Вы же все, черти, в моем сарае выросли со своими мотоциклами и мопедами. Хорошо иной сразу прикатит свою сломанную таратайку, а ведь были дураки — сначала сам залезет, потом ещё друзьям-«умельцам» даст покурочить, а только потом ко мне катят: мотоцикл отдельно, а мотор сам по себе весь разобранный в мешке: «Антоныч, выручай!» Отказал ли я кому хоть раз? Взял ли с кого хоть копейку? Зато и вы меня выручали: стоило мне только свиснуть: «Сивка Бурка, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой. . . » — и готов гонец в любой

конец и за живой водой, и за мертвой, и за огненной. — Антоныч хитро подмигнул Мишке, не спускающему с него глаз: дескать, смотри, что дальше будет:

— Славка, вот ты здоровый мужик — рост под два метра (у меня, к примеру, был — метр семьдесят пять, тоже по тем временам немаленький), говорят, ты уже до капитана дослужился.

— Дослужился. . . — как-то равнодушно подтвердил эту информацию Круглов.

— У тебя, гляди, и шея, как у быка, и бицепсы и трицепсы. А вот, давай, замажем на литруху, что я тебя на руках перетяну. А?

Славка внимательно посмотрел на Антоныча и грустно улыбнулся:

— Ты что, дед, «кукушку» на солнце перегрел сегодня?

— Ох-ха-ха-ха! «Кукушку» перегрел, — Мишка, вновь схватившись за живот, согнулся, как былинка от ветра, от приступа смеха. Заржали и мужики. Антоныч обиженно поджал губы:

— Давайте, гогочите! А как заломаю я его, посмотрим, кто смеяться будет! Вот тогда и выясним, кто перегрел «кукушку», а кто застудил. Славка, давай силами меряться: сегодняшней десант против сталинской пехоты. Проиграю — литр магазинной водки, как с куста.

— А что, — загалдели мужики, — ещё не было такого случая, чтобы Антоныч кому-нибудь на руках поддался. Давай, Славка, уважь деда!

— Да вы что, мужики, с дуба рухнули или самогонки на карбиде опились? Вы от скуки тут хоть чем меряйтесь, а меня в ваши игрушки не впрягайте.

Круглов хотел, было, идти к лошади, но Антоныч лихо свалился с каталки, кувыркнувшись набок, успев даже прихватить телогрейку, что была постелена у него под задницу, лег ему поперек дороги:

— Ложись, суконец, напротив меня и зубы не заговаривай — это дело минутное. Ссыкуны в русском десанте не служат!

Славка неохотно лег на траву напротив Антоныча:

— Ноги не скрещивать, левой рукой о землю не опираться и локоть чуть отодвинь, чтобы ладони на одном уровне были. Так! Готов! Поехали!

Антоныч, хотел, было, применить свою любимую тактику — стремительного натиска, но не

тут-то было, его рука, будто уперлась в дубовый столб, глубоко врытый в землю. Он застонал, напрягая силы, на загоревшей шее, покрытой старческой гусиной кожей вздулись вены и ходуном заходили жилы. Круглов смотрел на него и лишь улыбался, но улыбался десантник не зло, а скорее, сочувственно, чувствовалось, что он особенно и не напрягается. Потом ему, видимо, надоело это противостояние двух родов войск, двух поколений — и рука Антоныча стала крепниться к земле: десять градусов, двадцать... Антоныч взвыл, высунул и закусил язык, закрыл глаза и, что было силы, стал давить в противоположную сторону. В его плече что-то хрустнуло и грудь с правой стороны обожгло огнем. Руки противников вернулись на исходные позиции. Потом рука Круглова медленно легла на землю!

— Молодец, Антоныч, победил-таки, — обрадовались мужики, — вот тебе и старик — измором взял. Что ты хочешь, старая гвардия!

Антоныч, тяжело дыша и рассеянно улыбаясь, с трудом взобрался на свою каталку, ломая спички трясущею правой рукой, насилу прикурил, закашлялся.

На огород пришли бабы и принялись насыпать картошку в ведра из мешков. Мужики пошли запрягать лошадь в соху. Антоныч остановил проходящего мимо него Славку Круглова, поймав того за ремень на брюках:

— Спасибо тебе, братец..

— Мне-то за что спасибо? Ты, Антоныч, победил — радуйся!

— Я же знаю, что ты мне поддался, не стал старого дурака позорить перед людьми. Спасибо! Видно, укатали Сивку крутые горки. Эх, жизнь!

Славка Круглов ушел на огород помогать мужикам. Бабы выстроились вдоль борозды. Мишка повел лошадь точно на столб, как и учил его Антоныч. Ровная получилась борозда, как по линейке.

Старик грустно посмотрел на кипящую на поле работу, смахнул набежавшую слезу, потом, увидев, что Шурка стоит в самом конце огорода, ухмыльнулся. Видимо, что-то решил для себя, и, отталкиваясь от земли «утюжками», поехал в сторону дома.

Огородную каталку он оставил у покатога порога дома, переполз на руках через порог недавно отстроенной кирпичной террасы —

просторной и светлой, сел в домашнюю каталку с колесами обтянутыми войлоком, чтобы не гремели по полу, и проехал к столу.

На террасе бабка Маня, та самая бабка Славки Круглова, с которым он сегодня мерился силой, готовила винегрет. В данный момент она резала на мелкие дольки соленые огурцы и сыпала их с деревянной доски в эмалированный таз. Гулять «артель» решила на этот раз на террасе Антоныча. С кухни даже через закрытую дверь доносился запах чего-то жаренного, кто там хозяйничал из старух, Антоныч смотреть не стал.

— Какие там, Антоныч, вести на трудовом фронте? — спросила бабка Маня.

— Там, матушка, полный порядок: пока ни павших, ни раненных нет. Землица-то в этом году — пух лебяжий!

— Дай теперь, Бог, дождичка!

Старуха вновь увлеклась огурцами, а Антоныч, потихоньку подъехав к ней, дернул её за юбку:

— Ты что, дурак! Чуть было юбка не соскочила!

— А хоть бы и соскочила, на тебе ещё пять штук надето.

— Твоя правда! — улыбнулась старуха и тотчас напустила на себя серьезность. — А ты почему знаешь?

— Так и на мне самом двое кальсон! Знаешь такую поговорку, что шелудивый поросенок и в мае месяце замерзает?

— Знаю, как не знать!

Антоныч уже давно заметил на столе две трехлитровых банки самогона, ряд пустых бутылок и зеленую лейку рядом с ними. После борьбы с молодым десантником — глупой и позорной, напрасной и бессмысленной, он почувствовал, как в его груди будто, что-то с треском оборвалось, и теперь внутри полыхал жар, нечто вроде лавы, и была непонятна природа этой огненной лавы. Вот он и подумал: выпью пару «щепоток», авось и погаснет этот пожар в груди, разыграет кровь от огненной самогонки и смоет недуг — клин клином вышибают.

— Мань, раз ты тут самогоном заведешь, плесни мне немного!

— Ты что, потерпеть не можешь, вот кончат люди работу, и выпьешь вместе со всеми, тогда пей, сколько твоя душа пожелает. Посидим компанией, песни поиграем!

— Тогда — это тогда, а сейчас — это сейчас! Дорого яичко к Христову дню. Налей, Мань, не кочевряжься!

— Да мне не жалко, пей. Только с чего это? Голова что ли болит?

— Душа у меня, Маня, болит!

— А-а, — с пониманием протянула старуха, взяла стопку, и принялась, было, наливать самогон.

— Не-е! — остановил её Антоныч. — Не мой калибр, лей «губастого», — и указал старухе на граненый двухсотграммовый стакан. — Вот из этой банки — рябиновки! Хороша зараза!

— Это Шурка тебя не видит, сейчас дала бы она тебе «губастого» и мне бы перепало!

— Да, испугала ежа голам задом! Меня, Маня, пугать, что небо красить!

— Сколько лить-то, неушто, до краев?!

— Лей, сам скажу, когда хватит! Полный я одним духом сегодня не вытяну, а две трети — самый раз!

Антоныч выпил самогонку — пил легко, большими и крупными глотками, жадно! Взял со стола тарелку с капустой. Ел руками, захватывал капусту щепотками и оправлял в рот. Глотал, не прожевывая, словно куда-то торопился.

— Погоди ты! Она ещё даже не масленая, без лука! Давай я тебе котлетки с кухни принесу, окорочок куриный!

— Не надо, Маня, спасибо, сыт! Дай лучше тряпку руки вытереть!

Бабка подала ему марлевую тряпку. Антоныч вытер руки, положил тряпку на стол, потом поймал старухин фартук и сделал вид, что хочет в него высморкаться.

— И-и-и! — взвизгнула старуха и ударила Антоныча по спине костлявым кулаком.

— Ох-ха-ха-ха!

Бабка Маня поняла, что её разыграли, и тоже засмеялась:

— А что, с тебя, дурака, станется — напрудынишь целый фартук соплей! Всю руку об тебя, черта, отбила, спина-то, что есть каменная! Как был ты с молоду шкодник, так верно и помрешь таким!

— Да уж теперь исправляться поздно — горбатого могила исправит. Я вот чего, Маня, боюсь — помру, сэкономят, суки, на досках и собьют мне вместо гроба ящик. Ты-то меня ещё

с ногами помнишь, я же рослый был — метр семьдесят пять!

— С чегой-то тебе помирать-то! Ты и не хворал-то ни разу! Ксюха твоя болящая была, а ты, как из брони отлит. Тебя, думается, собака-то укусит — и та все зубы переломает... «Губастого» ему подавай, придумает же!

Антоныч уже не слушал старуху, а подъехал к двери, переменял каталку и отправился в сад.

В саду щебетали птички, порхали, радуясь весеннему солнцу, бабочки, трудились пчелы. Он подъехал к своей любимой груше, слез с каталки и постелил на землю телогрейку. Груша уже отцветала, и вся земля была под ней усеяна бледно-розовыми лепестками, а весь сад горел золотом от цветущих одуванчиков. На траве, как на зеленой воде, отразились мириады солнечных бликов. С огорода доносились бабьи голоса, смех, фыркание сдуваемой мошкеры из ноздрей лошади. Но это все было не то, главным была божественная суeta весны, суeta жизни!

Странно, но под грушей отчего-то постоянно дул ветер, даже в самую безветренную погоду, под ней и трава всегда ложилась каким-то кругом. Наверное, под этой грушей жил сам ветер, оттого и не было под ней никогда ни мух, ни комаров, они не могли подлететь к ней — ветер сдувал их.

Почему так, Антоныч не знал, да и никто не знал!

На него упала пчела. На её задние лапки приклеились комочки золотой пыльцы. Пчела совсем немного не дотянула до родного улья.

— Пчелка, милая, отдохни родная, и зачем ты так нагрузилась?

Пчела проползла по рукаву Антоныча, на сгибе возле локтя вскарабкалась на складку рубахи — и взлетела, тяжело, с надрывом. Эх, жизнь!

Антоныч размечтался: сейчас у него было двадцать ульев, в этом году можно пустить двадцать пять! Три улья есть уже готовых в сарае, нужно только достать их и просушить, чтобы солнце убило всех паразитов, а два придется сделать — материал есть! Эх, не показал он Мишке, как собираются ульи. А может ещё покажет?

Глаза налились сладкой дремой, такой, что не было сил с ней бороться. Дрема давила, подхва-

тивала и уносила, как речное течение, быстрое, ласковое, обволакивающее. Мысли в голове стали путаться: «Мишка... Славка Круглов... бабка Маня — славно он над ней сегодня подшутил, а тяжелая у неё рука! А жар и впрямь от самогонки прошел, теперь даже холодно как-то, но в жару это хорошо...»

И Антоныч уснул.

Просто уснул!

Чтобы уже никогда не проснуться...

Гроб ему сделали, как он и просил — под рост метр семьдесят пять! Два свернутые в трубочку одеяла имитировали ноги, а из-под тюлевого покрывала торчали даже ботинки. Покойник носил сорок третий размер...

Речей было много, но самым красноречивым оказался Цапля. Он подошел к гробу с красными воспаленными глазами, часто моргая и шмыгая носом, и сказал всего три слова: «Отдыхают золотые ручки!». После чего ткнулся своим птичьим носом в желтые руки покойника и залился слезами. Все же прочее было обыденно: строго, печально-торжественно, жутко. Разве что из военкомата приехал какой-то хмырь и принялся, было, руководить всем похоронным процессом, зачитывать сочувствующие письма каких-то важных чиновников, некрологи из газет, сыпал дешевыми и затасканными казенными фразами. Вначале его несколько раз одернули, а после поминок набили морду. Говорят, что не обошлось без участия Славки Круглова, и все согласились, что покойный это бы одобрил. Так и слышался его голос: «Спохватились, суки!»

* * *

Поздней осенью этого же года я возвращался домой с полной корзинкой грибов: белые, подосиновики, подберезовики, опята — прочий низкий класс я не брал. Осень была сиротская — стоял уже ноябрь месяц, а ни одного заморозка и всем на диво грибы высыпали. Правда, выскочить-то они выскочили, но для их роста не хватало уже тепла, и грибы замерли в своем развитии: вылезли из земли и застыли. Зато ни одного червивого! Зря я ходил в Мохнатово — в лес, в пяти километрах от моей деревни. Точно такой же урожай я мог

бы собрать и в роще возле клуба, в двухстах метрах от дома. Но кто это знал?

Меня встречала голая уже роща и облетевший, осыпавшийся барский сад. Я шел по колхозной роще с полной корзиной грибов, и то тут, то сям замечал темно-коричневые шляпки белых и подберезовиков, поляны мясистых осенних свиных — но девать их мне уже было некуда, я и с набранными грибами не знал, что делать.

Устав от вида грибов, я вышел в барский сад, и тут мне на глаза попалась, одна единственная, как царица в багряной порфире среди пустого сада, та самая яблонька-китайка, под которой мы с Антонычем выпивали полтора года назад. Я поставил корзинку под березу и подошел к китайке. Листья с дерева уже облетели, но обливные, рубиновые, как застывшая кровь, плоды мелких яблочек клонили ветки к долу. Вот и то место, где был наш «холодильник». Вспомнилось, как старик тщательно маскировал здесь следы нашего пребывания, как поправлял нежно траву, разглаживая её и распрямляя примятые стебли... Как будто ничего и не было!

И впрямь, как будто ничего и не было, и все приснилось мне в страшном похмельном сне, пуганном и странном, но красочном и правдивом.

Ах, китайка! Если бы знать, зачем ты вступаешь в неутомимую борьбу? И ладно бы с осенью, — с седой зимой! Как же при твоей парусности, где между ветвей не просунешь и руку, ветер до сих пор не сломал тебя? Много ли тебе надо? Что ты для него? Если он, как спички, ломает вековые дубы? Похоже, заужавал тебя ветер, заужавала студеная зима. Да, сбросишь ты свои яблочки, сморщенные, убитые морозом! Всю зиму они будут опадать, одно за другим, но последнее отвалится вместе с плодоножкой — и то для того лишь, чтобы дать место новой жизни.

Низко и скучно плыли над землей облака: серые, застиранные, в синих пятнах, как чье-то ветхое и не очень чистое исподнее. Время от времени сыпал, как сквозь сито, мелкий дождь и от него тяжелел мой бушлат, то и дело тухла папироса: будто ничего и не было...

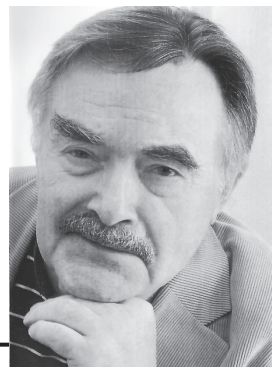
Господи!

Антоныч, как же пусто и холодно на земле без тебя стало!

© Владимир МИЛОВ

Сергей ГАЛКИН

Старейший тульский писатель, автор около 20 книг стихов и прозы, составитель многих сборников поэзии и прозы, лауреат премий имени Л. Н. Толстого и «Золотое перо Тулы». Более двадцати лет вел Тульское городское молодежное литературное объединение. За это его наградили впоследствии Большой золотой медалью Международной педагогической академии Я. А. Коменского.

Как странно вертится земля

Пока сердца для чести живы...

А. С. Пушкин

* * *

... И вломилась беда — наркота
В дом, откуда ушла доброта.
Наркота! Раскрывай ворота!
Собирает барыш сволота.
Малый мечется,
бьётся башкой об углы.
— Где вы, люди,
иль вправду повсюду козлы?
Превратилась в урода невеста.
Приучал, приучил...
Соскочить бы с иглы,
Да смертельно натянута леска.
Кайф сжигает,
сжирает мозги,
Оставляет прокисшее тесто.
Дурь в башке.
Кто сказал про сердца?
Где б добыть хоть щепотку сырца.
Ни души, хоть души... Ни лица...
Непонятное нечто и вместо...
И сказал отупевший от вечных зевот,
Пену с пива сдувая в буфете:
— Не до Пушкина завтра,
не до свобод,
Если будут отравлены дети.
И лениво надел мешковатый пиджак.
И хотелось поверить,
что будет не так.
Но чего не бывает на свете!

* * *

Куда ни рвись — в пучину ль, в облака,
Какое веку ни давай названиее,
Средь человеческих ценностей пока
Одна из самых ценных —
состраданье.
Немногое, как будто,
посчитать —
Улыбка, взгляд, два слова,
коль найдётся.
Немногое!
Но где его достать?
Но где достать?
Оно не продаётся.

* * *

«Плохо всё...
Нет в истории света...
Преступленья,
предательство, зло...»

Как свинчаткой наотмашь газета
Бьёт по чутким сердцам тяжело.
«Всюду чёрные дыры и контра,
Спасу нет от воров и проныр...»
Но на ком-то,
на ком-то,
на ком-то
Вот он — дышит и держится мир.
В той вон Богом забытой деревне,
В том посёлке, где грязь и разврат,
Чьи-то руки сажают деревья,
Без отцов поднимают ребят.

Жар-птица, над лесом взлетая,
В закат обронила перо.

Весь мир красотой ослепила,
На царственный пир позвала
И пахаря душу смутила:
Забыл он и дом, и дела.

А сумрак ползёт над холмами...
Но, тяжкой работе не брат,
В полнеба, в полнеба цветами
Вовсю полыхает закат.

* * *

От тяжести сопя, идут вдвоём.
Верёвка режет пальцы...
— Всуньте палку!

Ой, сколько книг!
— Да вот едва несём.
— Куда?
— Куда ж ещё теперь несут?
На свалку.

Дед с бабкой накопили. Нету их.
И дом теперь без них неузнаваем.
Уж обойдёмся как-нибудь без книг.
Когда читать?
Мы жить на что не знаем.

... Прощайте, Пушкин, Лермонтов, Толстой.
Культура, ты в какие лезешь двери?
На свалку книги?
Кто же скажет — стой!
Вы что, ребята, вправду озверели?
Осталось только позабыть язык.
Уже не надо шерстью покрываться...
И слышу следом:
— Проходи, мужик.
Язык забыть!..
Нашёл чего бояться...

ЧТО Я ХОЧУ

Страницы жизни день за днём листая,
Хочу прочесть...
И очень жаль, когда

Страница обнаружится пустая:
Ни встречи интересной, ни труда,
А каждый день воистину даренье.
Не пустословие, но мысль, стихотворенье,
Которое согрело бы друзей...
Мы в прах уйдём, оно уйдёт в музей
И будет там скучать под слоем пыли.
Что я хочу? И рвусь куда? Зачем?
Чтоб люди не забыли
Бред в рифму? Тонкий томик тем?
Как будто им одно лишь развлеченье —
Твоих трудов довольно нудных чтение.
Как будто нет великих земляков.
Хоть их ещё читали б. Не читают.
Живут себе. Подолгу спят. Мечтают,
Играют в карты — в разных дураков.
Мошенничают, радуются жизни,
Воруют, пьют... Да мало ли всего
Занятого в любимейшей отчизне.
А мы — люби! И больше ничего.
Страницы жизни...

Что за чудо книга?

Какой тебе готовит добрый том?
Вот в чём наиглавнейшая интрига.
А выйдет ли —
узнается потом.

ВСЮ ЖИЗНЬ ИСКАЛ

Всю жизнь как будто умирал от жажды,
Всю жизнь искал, всю жизнь напрасно ждал
И вдруг внезапно ощутил однажды —
Опустошён! Всё, что не мог, сказал.
Дополз, болтун? Ну, вот твоя и точка,
А сколько было жажды и огня!
Когда не шло, казалось, что отсрочка,
Вот завтра всё начнётся у меня...
А что начнётся? Для кого? О чём я?
Меняются, проходят времена.
И всё пройдёт. Живи, Серега, скромно.
Нам всё равно ни светит ни хрена...

© Сергей ГАЛКИН

Олег ХАФИЗОВ

Научный сотрудник музея-заповедника «Куликово поле». Живет в Туле. Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Москва», других российских и зарубежных изданиях. Автор множества сценариев документальных фильмов на военно-исторические темы и четырех книг, в том числе дилогии о Ф. И. Толстом-Американце «Дикий американец», «Дуэлист».

КИТОВРАС

Вдруг откуда-то шакал на кобыле прискакал...

К. И. Чуковский

Областное правительство озаботилось тем, чтобы наш регион сделался не только центром оборонной промышленности, но и вторым Золотым кольцом, модным туристическим маршрутом международного уровня. Для этого кто-то из культурных деятелей додумался позвать в город делегацию столичных блогеров. Идея, видимо, заключалась в том, что эти люди, имеющие огромное количество подписчиков, создадут вокруг нас рекламную шумиху. И если эта шумиха даже будет иметь несколько скандальный характер, она все же пойдет на пользу туризму и привлечет сюда молодежь, не читающую газет.

Блогеры понаехали. Их встретили честь честью и повезли с экскурсией по классическим достопримечательностям: в кремль, музеи оружия и самоваров, картинную галерею и, конечно же, в Ясную Поляну. Повсюду гости делали свои селфи (автопортреты) и к ним — самые издевательские приписки, на какие только способен их мозг. Суть их публикаций сводилась к тому, что все эти музеи, памятники, библиотеки и прочее краеведение нужны одним заплесневелым старикам, а молодого, креативного человека в них палкой не загонишь. Если же мы действительно хотим заманить в свою дыру хоть кого-то, то мы должны отказаться от смакования ВОВ, Толстого, Левши с его блохой и прочих допотопных глупостей, но миксовать эту информацию с чем-то современным и привлекательным.

Очевидно, с целью такого миксования самый развязный из гостей, пранкер по прозвищу Ловджой, явился в детский центр народных промыслов и приобрел там китовраса — расписной

глиняный свисток в виде славянского кентавра с крыльями. Затем Ловджой засунул китовраса себе в задний проход на фоне собора в кремле, заржал по-лошадиному и даже умудрился испустить из себя свист. Разумеется, все это было записано на видео, опубликовано в интернете и сопровождалось многочисленными откликами. Через несколько дней об этой глупости забыли. Мне же проделка Ловджоя напомнила одно событие 8 сентября 1980 года.

В тот год я поступил на исторический факультет Государственного педагогического института. Наш курс послали на картошку, а бригаду из нескольких студентов оставили в городе, чтобы доделывать новый учебный корпус в преддверии 600-летнего юбилея Куликовской битвы и посвященной этому событию научно-практической конференции.

Нас было в бригаде пятеро. Теперь, припоминая моих товарищей, я удивляюсь, насколько широко они представляли советскую страну в таком мелком масштабе. У чернявого долговязого Бяло в паспорте значилось «Росіянин», но он происходил с западной Украины и, подпив, хвалился, что его папа, бандеровец, участвовал в убийстве известного украинского поэта-антифашиста. Лемке был русский немец, типичный маленький Фриц с соломенными волосами, ярко-голубыми глазами навывкате и острым клювом. Несмотря на его мирный и даже трусоватый характер, ему бы пошла форма цвета грюн-блау с засученными рукавами. Они снимали с Бяло одну комнату на двоих. Бяло отдавал Лемке на хранение полученное от бабушки месячное содержание и брал с соседа клятву, что тот не будет отдавать ему эти деньги в пьяном виде, несмотря ни на какие уговоры, даже под пыткой. И, в тот

же вечер, обожравшись, хохол колачивал немца, отбирал у него деньги и тут же их пропивал.

Муминов говорил, что он черкес. У него было детское лицо с добрыми бараными глазами, он был мощный, как медведь, занимался борьбой и охотно участвовал во всех спортивных мероприятиях. Его абрекскую сущность выдавала одна неприятная привычка. Во время перемены, когда мы набивались в курилку, Муминов имел обыкновение незаметно запалить какую-нибудь самодельную бомбочку и ни с того, ни с сего шандарахнуть у тебя за плечом, так что очки соскакивали на кафель, а он радовался. Однажды его кавказский темперамент прорвался во время гулянки в общежитии. За столом один малый, как все, просто для связки, помянул неприличным словом его мать. Муминов гонялся за этим типом с кухонным ножом по коридору. Глаза его были красные и недобрые.

Был, конечно, и русский, остроумный гитарист Минеев. И я, пишущий эти правдивые строки.

С утра мы передевались в свои рубища в строительном вагончике. Женщина АХЧ отмечала нас в журнале и влекла куда-то за собой. Затем нам давали какое-нибудь задание, каждый раз новое. Мы грузили битый строительный мусор в гулкой самосвал, подносили раствор бойким круглым штукатурицам, таскали парты на третий этаж, красили ограду институтского двора и так далее. Иногда мы часами ждали работы, курили, ошивались по двору и умудрялись выпить. Сама работа, как правило, была нетрудная и недолгая, и часам к трем все бывало кончено. Мы перемещались в пивную, которую называли пятым корпусом, поскольку в нашем институте было всего четыре корпуса.

В тот день мы не успели еще переодеться, как нас вызвали к проректору. Накануне мы принаглели и, не дождавсь санкции женщины АХЧ, сбежали с работы ранее обычного. Мы побаивались, что наше образование может закончиться, едва начавшись. Но дело оказалось не в этом.

Оторвавшись от электрической долбежки, секретарша велела нам пройти в кабинет. Проректора на месте не оказалось. Мы расселись, держась подальше от головы Т-образного стола. На стенах висели портреты Л. И. Брежнева, Л. Н. Толстого и пейзаж с изображением башенок Ясной Поляны. На книжной полке — полное

собрание сочинений В. И. Ленина и еще несколько разнородных книг: «Малая земля», «Наши земляки — герои Советского Союза», словарь Ожегова, голубоватые справочники и папки. На столе стоял письменный прибор в виде латунного кузнеца с занесенным молотом в левой руке, на сейфе — новый цветной телевизор «Рубин».

Дверь распахнулась, и с ветром ворвался энергичный мужчина в костюме и зеркальных очках. Если вы заглядывали в его серебристые линзы, то вместо глаз собеседника видели собственное выпученное отражение, как в елочной игрушке. Это был не проректор.

— Здорово, парни! — подбодрил нас мужчина. — Кто знает, как сыграл «Спартак»?

Я не разбирался в футболе, но слышал, что «Спартак» проиграл. Мужчина закручинился.

— Когда же, наконец, наш футбол догонит наш хоккей? — спросил он. — Как думаете, парни, доживем мы до этого дня?

— Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе, — дерзко пошутил Минеев.

Мужчина потрепал Минеева по плечу и представился:

— Меня зовут Валентин Игоревич. Я сотрудник комитета государственной безопасности.

Мы не то что испугались, а как-то поджались. Валентин Игоревич взглянул на часы и стал кратко вводить нас в курс дела.

Как известно, сегодня на Красном Холме начинаются торжества в честь 600-летия Куликовской битвы. Это событие огромного культурно-исторического значения, о котором не стоит напоминать нам, студентам-историкам. И хотя его масштаб несопоставим с недавней московской Олимпиадой, все же в этих двух мероприятиях много общего. Огромное стечение народа не только из близлежащих областей, но и от Москвы до самых до окраин, и из-за рубежа. Высшее областное начальство, министр культуры РСФСР, космонавты, народная артистка Ольга Воронец, чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов, даже сам легендарный летчик Алексей Маресьев пожалуют.

— «Как закалялась сталь»! — догадался Муминов.

— «Повесть о настоящем человеке»! — поправил его Бяло.

Все по-доброму засмеялись.

— Насколько мне известно, там будут давать дефицит, — конфиденциально сообщил Валентин Игоревич.

— И джинсы? — уточнил Минеев.

— Захватите на всякий случай деньги, может, и выкинут итальянский «райфл».

— Может, еще и «Битлз» приедет? — поддел Лемке.

— Группа «Битлз» давно распалась, молодой человек, — парировал Валентин Игоревич. Оказывается, он и в этом разбирался не хуже любого современного студента.

По имеющимся данным, огромным скоплением народа, присутствием журналистов и высокопоставленных лиц могли воспользоваться так называемые инакомыслящие. Это люди, которые выискивают самые крошечные изъяны нашего общества, чтобы раздуть их до слона и раструбить по всему свету. Или, если изъянов не имеется, фальсифицируют их. Валентин Игоревич обратился к притче:

— Представьте себе, что у вас дружная семья, вас любят соседи и ценят на работе. Но ваш сосед, бездельник, пьяница и дебошир, ничего этого не имеет, завидует вам и ненавидит вас всеми печенками. И вот, вы отмечаете семейный юбилей, а он является к вам, чтобы испортить настроение. Ему предлагают место за столом, а он хамит, бьет посуду и гадит на половичок.

— Сволочь какой! — удивился Бяло, который на днях именно так, вплоть до половичка, и обошелся со старостой нашей группы.

— Когда же его вышвыривают, он идет в судебную экспертизу, свидетельствует шишку на голове и подает на вас заявление в суд, что вы напали и жестоко избили его без всякой причины. Это и есть инакомыслящий.

Группа таких лиц собирается проникнуть на территорию Куликова поля, развернуть антисоветские плакаты, раздавать подрывные издания, выкрикивать провокационные лозунги и, возможно, приковать себя к памятнику, чтобы хоть один журналист хоть что-нибудь написал о них в зарубежной прессе. Если их задержат сотрудники правоохранительных органов, то они начнут хныкать и жаловаться везде, где только можно, на жестокое обращение властей. Если же им сделают замечание обычные граждане,

которым они мешают отдыхать, то крыть им, в общем-то, нечем.

— Вы и есть такие простые отдыхающие, студенты, члены добровольной народной дружины. Задача ясна?

Не знаю, мог ли я тогда отказаться от роли советского опричника. Я, как и большинство моих знакомых, что называется, прослушивал передачи вражеских голосов, горячо обсуждал их с друзьями и сочувствовал борцам за свободу, бросившим вызов всемогущей советской системе. Но побывать на престижном представлении, куда все так рвутся, вместо того, чтобы ворочать кирпичи, было слишком соблазнительно. А главное, Валентин Игоревич и не требовал от нас никаких репрессий. Напротив, он предупредил нас, и особенно Муминова, чтобы мы не смели распускать руки и отрабатывать на диссидентах приемы дзюдо и карате. Если увидим что-то антиобщественное, нам следует просто подойти и сделать замечание нарушителям порядка. Если же это не поможет, обратиться к ближайшему сотруднику милиции.

— Спокойствие и выдержка, спокойствие и выдержка, — повторял Валентин Игоревич, раздавая нам кумачовые повязки.

Так я впервые попал на Куликово поле.

Одной из неприятностей изображаемой эпохи было то, что, как только где-то происходило что-то поинтереснее, туда обязательно ограничивали доступ, и все пытались пролезть именно туда. Так было с какими-нибудь соревнованиями по карате, на которых сегодня не увидишь никого, кроме участников, так было с показами московского кинофестиваля, спектаклем «История лошади», фильмом «Зеркало», московской Олимпиадой и даже с представлением на стадионе во время проноса олимпийского огня через наш городок. Всюду требовались пригласительные билеты, которые распространялись через парткомы, профкомы, комитеты комсомола, на предприятиях, в институтах и, одним словом, по благу.

Так было и на Куликовом поле. Проезд транспорта без специальных пропусков был запрещен, рейсовое движение временно отменили, а вход в огороженную зону, где проходил праздничный концерт, был разрешен только участникам и зрителям с пригласительными билетами. И, несмотря на все эти ограничительные меры

(или благодаря им), на Куликовом поле собралось столько народу, сколько я до этого еще не видел.

В «Сказании» говорится, что во время Мамаева побоища на поле была ужасающая теснота, и люди погибали не столько от оружия, сколько от давки. Охотно верю в это, вспоминая, как толпа, сгущаясь, медленно вползала на площадь перед храмом Сергия Радонежского и текла вверх, к Куликовскому столпу. Попадая в эту лаву, ты тек вместе с нею, и, лишь изловчившись и извернувшись, мог изменить направление своего движения назад или в сторону. Что же было бы, если бы этим людям раздали оружие, и они начали с яростью резать и колоть друг друга, как в суровом 1380-м?

Говорят, что на поле в тот день собралось около двадцати тысяч человек. Я не встречал данных о количестве милиции, охранявшей эту толпу, но на первый взгляд мне показалось, что милиционеров здесь едва ли не больше, чем зрителей. Конечно, это было не так, — ведь человека в форме всегда кажется «больше», чем человека в штатском. И все-таки: если с двух сторон дороги длиной в километр, через каждый метр поставить по милиционеру, то это будет уже две тысячи, не так ли? А милиционеры и солдаты внутренних войск опоясывали живую цепью по периметру всю территорию поля. Так что, не ошибусь, если скажу, что блюстителей порядка здесь были тысячи. Между прочим, среди них я впервые увидел столь привычное ныне зрелище — кинологов с собаками, вынюхивающими взрывчатку. И меня удивило то, что этим ответственным делом занимаются собаки вовсе не благородного вида, похожие на самых обыкновенных дворняжек.

Праздничный концерт еще не начался, на сцене перед колонной настраивали аппаратуру, а на огороженной площадке, которую сегодня бы назвали VIP-зоной, расставляли скамейки. Зато на площади у храма веселье шло уже во всю, и оно, на мой взгляд, было ничем не хуже престижного концерта по ту сторону веревки. Повсюду галдели, бренчали и плясали скоморохи, выгибались гимнастки, пели дети, ловчили жонглеры, расхаживали красны девицы и шастали клоуны на ходулях. Люди медленно двигались по кругу вдоль торговых палаток, как матрешки по конвейеру. Иной уже ел шашлык, но никто не орал и не шатался, поскольку спиртное не продавали.

Наши алые повязки оказывали на стражу такое же магическое действие, как и самые почетные пригласительные. «И почему это никто не додумался просто нацепить повязку и проникать повсюду?» — думалось мне. И еще: «Почему ни у кого из охранников не возникает ни малейшего сомнения в нашей подлинности?»

Мы напустили на себя самый важный вид, какой только может быть у сбивающихся с ног блюстителей порядка и, минуя очередь, проникли в храм, где открылась новая экспозиция. Вахтерша посмотрела сквозь нас, как сквозь стаю человеконевидимок. Однако внутренняя музейщица поубавила нашу спесь, приказав надеть поверх обуви особого рода кожаные хлопанцы с тесемками, издающие во время ходьбы громкое шарканье и заглушающие поставленный голос экскурсовода. Все доводы Минеева насчет того, что его кроссовки «Адидас» стерильны и могут даже запачкаться от музейных плит, остались без снисхождения. Эта суровая хранительница времени, пожалуй, заставила бы переобуться самого дорогого Леонида Ильича.

Люблю музеи, особенно музеи про войнушку. Все эти бердыши, алебарды, эспонтоны, арбалеты, аркебузы и прочие мушкетоны. Так что даже если бы нам и не удалось обезвредить ни одного диссидента, я бы считал, что день удался.

В фойе магнитофон приветствовал нас на разных языках. Полчища на табло были не просто изображены цветными квадратиками и стрелками, а передвигались и мигали под дикторский комментарий. Огромный план-панно Куликова поля был выполнен из пергамента, весь такой тисненный, плетеный и рельефный, что его хотелось пощупать. Я прилип к макету побоища из сотен скачущих, дерущихся и лежащих оловянных солдатиков. Минеев — к витрине с новейшим изобретением — голографией. На этой последней были представлены объемные снимки древних монет, крестиков и стрел, такие выпуклые и похожие, что почти не отличишь от настоящих.

— Зачем вообще что-то настоящее, если есть такая голограмма? — размышлял Бяло.

— Так скоро и от женщин откажутся, а смысл? — опередил историю Лемке.

Вдруг смотрительница возопила:

— Положите меч на место, здесь вам не универмаг!

Муминов настолько возбудился видом монгольского доспеха, что извлек из ножен саблю и взмахнул ею в воздухе. Сабля была отточенной, как бритва, а доспехи тяжелыми, грубыми и толстыми, хотя и небольшого размера.

— У моего деда был такой шашка, — сказал Муминов, сверкая глазами, но покорился старушке и вложил клинок в ножны.

С холма раздались трескучие хлопки, как будто в воздухе разрываются сырые простыни. Это был салют автоматчиков Тульской десантной дивизии. Гулко, торопливо забормотал громкоговоритель. Начиналось торжественное открытие.

В 1980-м году у меня было такое же плохое зрение, как и сегодня, но очков я не носил для пущей красоты. Наверное, на сцене передо мною действительно теснились и легендарный летчик Маресьев, и модный художник Глазунов, и храбрый космонавт Севастьянов, и всемогущий секретарь Юнак, но мне они все казались каким-то живым серым забором. Только чемпиона мира по шахматам Анатолия Карпова я узнал по тонкому, скрипучему голосу.

Рупор торжественно произнес: «Как замечательный патриотический подвиг, как вдохновляющий пример беззаветного служения Родине навсегда вошла в сознание нашего народа героическая битва на Поле Куликовом, на Непрядве-реке».

Грянули балалайки. Началось выступление Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской армии имени Александрова. И, как ни странно, эти народные песни и пляски, от которых положено было кривиться поклоннику хард-рока, заморозили меня на свежем воздухе, среди березок и полей, где они были к месту.

— Во вылупился! Можно подумать, что перед ним, по крайней мере, “Deer Purple”, — услышал я знакомый баритон за плечом.

То было некий Вандер, человек, чья фамилия соответствовала прозвищу, прозвище — породе, а порода — натуре. Мог ли он предположить, что через некоторое время нам предстоит попасть на концерт самых настоящих, живых, хотя и потасканных “Deer Purple”, — и мы найдем его скучноватым?

— Как ты сюда просочился? — удивился я.

— Прошел по билету участницы из детской юношеской спортивной школы художественной гимнастики, — отвечал Вандер совершенно серьезно.

Он действительно раздобыл такой билет участницы через свою знакомую, тренера спортивной школы, добрался рейсовым автобусом до села Красные Буйцы, оттуда буераками, проселочными дорогами пришел на Куликово поле и здесь преодолел все препоны и рогатки.

— Если ты кайфуешь от Ольги Воронец, то я тебе достану ее последний альбом «Издаю, долго...», — паясничал Вандер. — А пока следуй за мной.

— Куда следовать? Я балдею, как пляшут матросы.

— Ты сейчас сам будешь плясать. Я нашел, где есть ВСЁ!

Оказывается, Вандер успел прочесать Куликово поле и обнаружил где-то на его задворках такую торговую точку, где продается и покупается буквально всё, как в мире чистогана Соединенных Штатах Америки.

— Ну, уж всё... — противился я, слабей.

— Когда Вандер говорит «всё», то это означает ВСЁ! — пучился он. — Но для того, чтобы завладеть этим всем, мне понадобится помощь твоих красноповязочников. Категорически: собирай свою дружинишку хоробрую и веди ее за мной. Дело будет жаркое.

Если Вандер вцепился, он все равно вытянет из тебя то, что ему нужно, и сопротивлением ты только напрасно доводишь себя до изнеможения. Не без сожаления мы покинули VIP-зону, в которую так стремились попасть простые смертные, и против течения толпы полезли обратно, в сторону автостоянки.

Перед въездом на трассе стояли два высоких деревянных сооружения — то ли шатры, то ли шапито, то ли индейские вигвамы. На одном из них значилось «Кафе «Куликово поле», на другом, таинственно — ОРС. Выглядели эти заведения слишком помпезно. Ничего хорошего от таких ожидать не приходилось, и заходить туда как-то не тянуло. Но, как выяснилось, напрасно.

Как только Вандер распахнул перед нами стеклянные ворота ОРСа, мы испытали чувство, похожее на то, что испытал темник Мамай, когда из леса, только что казавшегося необитаемым, на него вдруг выскочили целые тучи конницы. Весь просторный зал ОРСа был буквально напичкан возбужденными людьми, и все эти люди одновременно стремились к одной точке

на противоположной стороне помещения, где находились прилавки.

— Очередь, как в мавзолее. Как мы туда пролезем? — произнес я, заранее отказываясь от борьбы.

— Вот за этим мне и понадобились ваши красивые повязки! — отвечал Вандер. — А теперь, по порядку номеров, морды кирпичом и... — он удивительным образом повторил формулировку Валентина Игоревича: — ... спокойствие и поддержка!

Вандер извлек из кармана спортивный свисток и издал им оглушительную, противную трель. Люди вздрогнули, осмотрелись и — о чудо! — стали расступаться перед нашими повязками, как вампиры в кино расступаются перед животворящим крестом. Когда кто-то из них не слишком проворно сторонился или ворчал, Вандер громогласно произносил:

— Контрольная закупка!

И это было равносильно тому, как если бы к действию креста добавить «Отче наш».

Мы очутились у прилавка первыми, но когда мы стали отовариваться и наше мошенничество сделалось очевидным, очередь, как ни странно, отнеслась к этому вполне терпимо — если не одобрительно. Наглость впечатляет.

Шикарно была представлена на витрине историческая литература. И хотя я уже перерос этот подростковый жанр, из меня как-то само собою вырвалось:

— «Чингисхан» есть?

Была вся трилогия Яна: «Чингисхан», «Батый» и «К «последнему морю». Я наскреб на «Батыя».

Бяло урвал шмот какого-то редкостного сала, при виде которого он чуть не прослезился.

Уверенный в отказе Минеев справился, есть ли в ассортименте сигареты «Мальборо», и ему принесли — один блок в руки.

Муминов застенчиво поинтересовался, бьют ли в продаже кинжалы. Ему тут же продали здоровенный кинжал.

Я понял, что означает ВСЁ применительно к отечественной торговле, когда из Лемке, возможно, и в качестве шутки, вырвалось:

— Может, у вас найдется и немецкая каска?

Продавец предложил ему примерить позолоченную немецкую каску со штырьком, как у кайзера Вильгельма. Каска оказалась впору, и Лемке увильнул от этой дорогой покупки лишь под предлогом того, что забыл бумажник на роале.

Вандер завершил этот аттракцион поступком, развеивающим один из наиболее устойчивых мифов об его нации. Он купил на собственный счет целую упаковку настоящего чешского пива, которое мы и распили неподалеку, под раскидистым дубом.

Чешское пиво оказалось терпким и густым, гораздо вкуснее того «жигулевского» за двадцать четыре копейки, которое мы хлебали в «пятом корпусе». Смакуя этот европейский напиток, я невольно предавался крамольным размышлениям насчет того, как должен чувствовать себя человек, который пьет такое пиво, когда ему вздумается, без очереди и страданий. И как это отражается на его характере. Это диковинное пиво было разлито в необычные бутылки — несколько менее полулитра, но более четвертинки. Возле нашего кружка стали останавливаться знакомые, с которыми приходилось делиться. И скоро с упаковкой было кончено.

От легкого опьянения словно пелена спала с глаз, и стало заметно, что «сухой закон» на поле носит довольно относительный характер. Ко второй половине дня, очевидно, вышло какое-то послабление, в киосках стали кое-что наливать, зазвучали сиплые выкрики, запылали носы и щеки мужчин. А милиция, получившая распоряжение не придирается к народу без крайности, смотрела на эти отталкивающие явления толерантно. Мы заметили, что на барных столиках возле шашлычных мужики целомудренно, изпод полы, разливают нечто более действенное, чем пиво или вино, имеющееся в ассортименте. Вандер легко сблизился с одним из обитателей Куликова поля, и через несколько минут он обладал всей необходимой информацией — от точного маршрута движения до явок наиболее искусных самогонщиц. Скинувшись, мы разделились на две группы. Бяло, Лемке, Муминов и Минеев продолжали демонстративное патрулирование, чтобы прикрыть мое отсутствие в случае явления Валентина Игоревича. Мы же с Вандером отправлялись в ближайший населенный пункт, с тем, чтобы приобрести то, на что только хватит наших скудных средств, оставшихся после ОРСа.

Опуская описание прекрасного осеннего пейзажа в местности сражения, скажу лишь, что мы нашли избушку самогонщицы без затруднений. Вандер так огорошил, очаровал и замучил самогонщицу своим шармом, что она позволила

нам продегустировать напиток, отдала бутылку чуть не вдвое ниже стартовой цены, а затем еще и угостила яблоками.

Я сунул бутылку с первачом в левый рукав моей джинсовой куртки, обвязав ее сверху для прочности повязкой, и мы беспечно отправились в обратный путь. Как вдруг, навстречу нам из-за палисадника выбежала девушка в пончо. Это была популярная студентка пятого курса Венглинская, которая отлично разбиралась в творчестве Тарковского — хоть Андрея, хоть Арсения — и могла без запинки объяснить, что означает свеча в руке героя в одном фильме, и почему героиня другого фильма пять минут подряд молча бросает камушки в лужу. Венглинская подхватила нас под руки, словно мы встретились на вернисаже, и повлекла с собой.

— Там мужик рассказывает про Солженицына — заслушаешься, — тараторила она. — Лично знал Солженицына. Только сними свою бычью тряпку, а то он подумает, что ты пришел его вязать.

Во дворе сидел дед в кепке. Перед ним на лужайке раскинулись три дамы: одна в расписной шали с кистями, другая — в ажурной шляпе, третья — лысая. У ног деда работал магнитофончик. Сутулый мужчина с бородой принес нам скамейку и удалился задом наперед, на цыпочках, приложив палец к губам в знак благоговения. Дед прервал выступление и строго глядел на нас до тех пор, пока мы не устроились.

— А какой он, вообще? — дама в шали обрисовала руками в воздухе обобщающую окружность.

Дед задумался, продувая папиросу.

— Обыкновенный, — отвечал он наконец. — На брюках прищепки, чтобы на педаль не намотался, говорливый, во франчке...

— Он что, был во фраке? — вырвалось у меня.

Слушатели посмотрели на меня неодобрительно.

— Зачем во фраке? — отвечал дед с досадой. — В пинжаке военном, как у Сталина.

— Во френчике! — подсказала ему дама в шляпе.

— Ну да. А на шее такая борода, вроде голшкперская.

— Голкиперская? — удивился Вандер.

— Зачем голкиперская? — удивился, в свою очередь, дед. — Морского голшкпера.

— Шкиперская борода. Что вы, ей-богу, не видели портретов Александра Исаевича? — возмутилась лысая.

— Ну вот, значить, — продолжал дед свое повествование, прерванное нашим явлением. — Подъехали они к колонне, послезали с велосипедов и сели на травку, вот как вы сейчас. Сидят, курят, придуряются. А я подошел из-за куста и стою незаметно, слушаю. Я-то решил, что это жулики городские, опять приехали тырить буквы с памятника. Смотрю: ёшь твою мать, Солженицын!

— Как же вы его узнали? Вы уже были знакомы с его творчеством? Или вы его видели раньше? — допытывался сутулый.

— Я и Ленина не видал, — отвечал дед, покачивая ногой в глянцевом сапожке. — А знаю.

— Вот что значит народный ум! — воскликнула Венглинская, которая стояла у нас за спиной и курила так жадно, словно прошла всю войну.

— Я и говорю Солженицыну: предъявите ваши документы. По какому праву мнете газон? А он мне: предъявите ваш документ, по какому праву требуете предъявления документа. Я ему: предъявите ваши документы. А он мне: предъявите ваши. И так до ста раз. Чувствую: не перебрехать мне его — больно каверзный. Ну, я смягчился и говорю: бутылки пустые имеются? Если да, то можете находиться. Забрал у них бутылки, разговорились.

— Что же он вам рассказывал? Может, о своих лагерных годах? — спросила дама в шали.

— О лагерных гадах он не рассказывал, — отвечал дед. — А все больше интересовался, в каком году происходило стражение, и как ему это поточнее узнать. «Знаете, — говорит, — в каких примерно годах точно происходило стражение?» «Я-то знаю», — говорю, и показываю ему запись в моей тетрадке: 1848. Я ее лично списал с памятника, до того, как с него буквы стырили.

— Кто же их стырил? — спрашивает Солженицын.

— Наши, деревенские, кто же еще?

— Вы знаете их фамилии, адреса, и молчите, вы — хранитель памятника?

— Молчу. А что вы думаете, я давно по харе не получал?

— Вы должны их задержать. Где ваше вооружение? Вам надо написать прошение министру культуры, чтобы она выдала вам табельное ору-

жие. Я помогу вам составить петицию. Другие, тоже, кудахчут: «Это безобразие, мы соберем тысячу подписей в вашу защиту».

— Ага, говорю, чтобы мне харю начистили, да еще и винтовку отобрали?

— Ну, так значит, вы сами виноваты, что не наблюдаете свои человеческие права.

Дали три сигареты и уехали.

— Что же было потом? Вы следили за творчеством Солженицына? Может, вы переписывались?

В это время кассета на магнитофоне кончилась, и лента захлопала по панели. Венглинская, пользуясь паузой, подбежала к деду и подсунула ему экземпляр журнала «Новый мир» за 1965 год. Дед небрежно оставил на журнале свой автограф. Я был заинтригован.

— Неужели он печатался в «Новом мире»? — шепотом спросил я Венглинскую, когда она вернулась.

— Нет, конечно. Здесь рассказ Солженицына, посвященный этому деду, гениальная вещь.

Вандер ущипнул меня за бок.

— Хватит, пойдем уже бухать!

Мы отправились обратно, переходя со скорого шага на бег. Ребята, наверное, нас уже проклинали, подозревая в самом страшном вероломстве. Перед тем как подойти к кордонам, которые, впрочем, уже не действовали, я вновь привязал свою заветную повязку — и, как оказалось, очень кстати.

У входа в храм стояло все мое воинство во главе с Валентином Игоревичем. Валентин Игоревич поглядывал на часы.

— Ну, где вы гуляете? — упрекнул он меня. — Мы уже хотели начинать операцию без вас.

— Я же говорил, что он в туалете! — подмигнул мне Бяло.

— Ага, у него, как у плохого солдата... — подтвердил Минеев.

— Отставить шутки, — приказал Валентин Игоревич. — Значит, повторяю задачу. Просто идете за мной, молча, но внушительно. Действовать по обстоятельствам, но без рукоприкладства.

— Подсечку хоть можно? — Муминов шаркнул перед собою ногой в виде подсечки.

— Ни в коем случае. Помните, чему вас учили в школе: все споры надо решать словами. И не трусить, — они сами боятся.

Мы поплелись за Валентином Игоревичем. Только теперь я заметил, что Вандера среди нас нет, словно и не было. В нужный момент он имел обыкновение являться, как из-под земли, и под землю же проваливаться.

Инакомыслящие стояли на перекрестке, где больше всего народу поднималось к монументу и спускалось от него. Их было трое: девушка, парень нашего возраста и матерый мужик. Девушка была худая, в пестрой юбке до пят, из-под которой виднелись кеды, и плетеном шнурке на голове. Ее длинные, русые, прямые волосы наминали водоросли, глаза были зеленые, лицо тоже зеленоватое. На парне были заплатанные джинсы клеш с бахромой, через плечо — брезентовая сумка от противогаса. Мужик был сивый, бородатый, с жуткими глазами. На груди мужика висела картонная табличка, наподобие тех, что носят нищие, с надписью «СВОБОДУ ПРОТУБЕРАНЦУ». На парне была другая табличка, с надписью «СБОР ПОДПИСЕЙ». Девушка держала в руках папку с прищипленным листом бумаги и авторучку для подписей. Люди сторонились чудной компании и обтекали ее, боязливо косясь, как бывает, когда на улице лежит мертвец. Валентин Игоревич остановился напротив главного нарушителя, мы хмурились за его спиной. Юные диссиденты жалась за спиной своего лидера.

«Какому протуберанцу? Зачем свободу?» — подумалось мне. Я еще не знал, что Протуберанц (а не протуберанец) — это фамилия диссидента, находящегося на принудительном лечении в психиатрической больнице, и решил было, что передо мной разыгрывается какое-то поэтическое действие в защиту солнца, что-то вроде творческих причуд поэта Вознесенского.

До этого я, как все, много раз слышал про диссидентов по радио, но никогда не видел их живьем. В нашем городе когда-то проживала всего одна такая знаменитость, о которой рассказывали вражьи голоса. Говорят, он был образцовым советским писателем, но потом прозрел и написал книгу о еврействе. Эту книгу не печатали, он издал ее на Западе, его выгнали из союза писателей, и он бежал за границу. Когда он жил у нас, я был ребенком, и меня больше интересовал д'Артаньян, чем Солженицын. К тому же я еще не пил, и наше знакомство было исключено. И вот передо мной стояли настоящие борцы с преступ-

ным режимом, и это было не менее любопытное зрелище, чем хор имени Пятницкого.

Диссиденты кого-то напоминали, но кого? У всех троих были какие-то очумелые глаза, которые смотрели прямо на тебя, но видели не тебя, а что-то как бы находящееся у тебя за спиной. Такие глаза бывают у обкуренных людей, а также у зомбированных сектантов и торговцев, которые пристают к прохожим на улице. Люди с такими взглядами не боятся, если их обзывают, плюют на них и даже бьют, напротив, они как будто этого только и добиваются. Чернышевский? «Земля и воля»? «Арест пропагандиста»? Вдруг предводитель диссидентов так повел жилистой шеей, так мотнул гривой, так взбрыкнул ногой, что ответ пришел сам собой: КИТОВРАС. Передо мной китоврас и его слуги: кикимора и леший.

Затем разыгралась сцена, знакомая каждому любителю кошек. Нечто подобное происходит, когда сходятся два воинственных кота. Если это примерно равные соперники, то они садятся друг против друга и, не начиная потасовки, заводят длительный психологический поединок. Они принимают угрожающие позы, выгибают шею, топорщат шерсть, увеличивая таким образом свои габариты, шипят, как змеи, и, что самое главное, вопят самым истошным образом. Такая борьба характеров может продолжаться очень долго, ни один, ни другой не решается атаковать, но и не отступает ни на шаг.

Диссидент прожигал чекиста своим гипнотическим взглядом, но видел в его очках лишь собственное выпученное отражение.

— Что вы делаете на территории музея? — спросил Валентин Игоревич.

— Не ваше дело, — был ответ.

— Вы мешаете отдыхающим своим поведением.

— А вы мешаете мне.

— Ваше поведение носит антиобщественный характер. Вы неоправданно одеты и ведете себя неадекватно.

— А вы ненормальны.

«Интересно, кто из них победит, если начнется драка?» — гадал я. Сотрудников КГБ, наверное, обучают какой-то секретной борьбе. Но и диссидент, если он сотрудник ЦРУ, знает что-то не менее секретное. Мне вспомнился старый фильм про пограничников, в котором у шпиона

из ботинка выползал ядовитый шип, и этим шипом он убивал всех неугодных. И действительно, башмаки китовраса были такие громоздкие, грубые и толстые, что в них уместился бы миниатюрный пулемет из тульского музея оружия.

— Мы не мешаем отдыхающим. Мы мешаем вам творить беззаконие, — продолжал, между тем, предводитель диссидентов.

— Вот со мной отдыхающие, студенты, и они требуют, чтобы вы прекратили безобразие.

Валентин Игоревич указал рукой в нашу сторону, мы отводили глаза.

— А мы, — китоврас указал на лешего с кикиморой, — требуем, чтобы вы прекратили безобразия карательной психиатрии.

Такой обмен словесными ударами ни к чему не вел и только привлекал лишнее внимание. Валентин Игоревич решил нанести более мощный хук, который действовал на слабонервных.

— Ваши документы! — прикрикнул он, глядя на противника своими фарами.

После такого обращения граждане переставали куражиться и поджимали хвосты. Этот прием Валентин Игоревич опробовал не раз на самых отъявленных склочниках, и всегда он действовал. Всегда, но не сегодня. Китоврас оказался тем еще субчиком, из тех, что сами любят страшить.

— Кто вы такой, чтобы требовать мои документы? Предъявите сначала ваши, а я предъявлю свои.

— Нет, вы предъявите ваши, а я свои.

— Сначала вы, а потом — я.

— Нет, вы: ваши документы!

— Ваши документы!

— Ваши документы!

— Ваши документы!

Это напоминало уже не психологическую битву котов, а схватку двух теток перед кабинетом поликлиники. Каждая хочет пролезть без очереди, каждая знает, что не имеет на это права, и совершенно справедливо обвиняет в том же свою противницу. Обе они мерзавки, и они совершенно правы, доказывая это друг другу. И все же, наблюдать эту сцену очень неприятно. Хочется, чтобы это скорее прекратилось, хотя бы и ценой победы одной из них. А лучше: чтобы обе они исчезли, перестали существовать в этом прекраснейшем из миров.

Наконец, на скандал явилась милиция. Валентин Игоревич и начальник патруля обменялись

многозначительными взглядами. Леший и кикимора затосковали при виде погон. Китоврас же, напротив, только пуще расходился.

— В чем дело? — спросил милиционер.

Я впервые увидел не по телевизору, а наяву, как милиционер, обращаясь к гражданам, отдает честь.

— Эти люди проникли на территорию музея без пригласительных билетов. Во всяком случае, они отказываются их предъявить, — жалился Валентин Игоревич, совсем как ябеда в детском саду. — Они находятся в состоянии наркотического опьянения, неопрятно одеты и мешают отдыхающим своим вызывающим поведением. Члены добровольной народной дружины сделали им замечание, но они отвечают вызывающе...

— Вы сделали нам замечание? Что-то не припомню, — обратился китоврас лично ко мне.

Я пожал плечами.

— Прошу покинуть территорию, — сказал милиционер.

— По какому праву?

— Если не уйдете по-хорошему, мы доставим вас на наркологическую экспертизу.

— Мы уходим, — высказался, наконец, и младший диссидент.

— Мы подчиняемся силе, — отвечал китоврас совершенно спокойно, как будто был готов к такому развитию событий, и оно его устраивало. — Но я хочу вам заявить одну вещь.

— Хоть две вещи, — отвечал Валентин Игоревич иронически.

— Вы не человек. Вы пародия на человека.

— Я вам тоже кое-что заявлю. Вы не Солженицын, вы пародия на Солженицына.

Валентин Игоревич распорядился, чтобы мы проводили незваных гостей до трассы. Если же они пожелают вернуться на праздник и пакоstitь, то их увезут с Куликова поля на казенной машине, и очень далеко. Диссиденты больше не ерепенились. Очевидно, они, как и Валентин Игоревич, выполнили свою работу и могли спокойно возвращаться восвояси, туда, где обитают такие фантастические существа.

Мы сопровождали их на отдалении, как стайка деревенских ухажеров сопровождает компанию заезжих студенток, не решаясь приблизиться и заговорить, но и не отставая. Леший и кики-

мора издевательски хихикали, поглядывая на нас через плечо. Длинное платье кикиморы насквозь просвечивалось заходящим солнцем, и мы, как сквозь кальку, могли разглядывать ее худые ноги и трусы.

— А ничего так шпионка, только грязненькая, — заметил Минеев.

— Это, смотря сколько выпить, — отвечал Вандер, щелкая меня пальцем по спрятанной в рукаве бутылке.

Я и не заметил, в какой момент Вандер снова появился среди нас.

Мы продолжали наблюдение за трусами иначекомыслящей, когда нас отвлекло от задания более грандиозное зрелище. Это картину я видел множество раз, на рассвете и на закате, по пути на работу и обратно. Тучи птиц, которых обобщенно называют «воронами», утром летят откуда-то в город, а вечером улетают куда-то из города. Возможно, они прилетают с городской свалки, где ищут пропитание, в центральный парк, где спят. Или с шумных городских улиц и площадей, где днюют, на тихое кладбище, где ночуют. Эта жутковатая картина всегда меня тревожила. Ворон были тысячи, миллионы, они заслоняли все небо, и мне приходило в голову, что если души мертвых людей с кладбища все-таки превращаются во что-то материальное, то их должно быть примерно столько же.

Подобная сцена описана и в «Сказании о Мамаевом побоище». Там, в ночь накануне сражения, то есть сегодня, на поле, в предвкушении мертвечины, сбежалось множество волков и слетелось множество птиц — галок и орлов от устья Дона. Волки выюще грозно, вызывая трепет у слабонервных, галки своею речию говорили, а орлы клекотали, по аеру летаючи.

И вот когда начало смеркаться, от полей в сторону храма, за которым находился погост, полетели армады галок. Их было так много, что на площади стемнело. Их карканье раздавалось не отдельными вскриками, а сплошным гвалтом. Шуршание крыльев слилось в ровный гул, напоминающий сход каменной лавины. Мы задрали головы, Лемке торопливо очищал плечо платком от удачного попадания птичьего снаряда.

В это время солдат-регулирующий с красным флажком остановил движение толпы, и через площадь к машинам на дороге пошел целый

полк солдат, возвращающихся с парада. Солдаты шли, и шли, и шли, и перейти им дорогу было также немислимо, как перейти дорогу товарному поезду. Издали, во время парадов, когда десантники в своих знаменитых тельняшках и голубых беретах маршировали по улицам, мне приходила в голову детская мысль. У нас на гражданке карате запрещено, а в десантных войсках его изучают все, и некоторые мои знакомые даже просились в ВДВ, чтобы научиться там драться. Предположим, в Тульской дивизии служит десять тысяч человек, и все они изучили карате. Значит ли это, что каждый из этих десяти тысяч сильнее меня?

Впрочем, вблизи эти десантники не казались такими уж воинственными. Некоторые были явно ниже и слабее меня, на некоторых форма сидела мешком, совсем не по-военному, и все они не маршировали, а брели, как бредут обычные усталые люди, проголодавшись после тяжелого дня.

И вдруг со мной произошло так называемое дежавю: все эти летающие по аеру тучи стервятников, Дон, Непрядва, молодые усталые парни куда-то бредут на закате. .. Вдруг меня пробил, что это не просто ребята, напоминающие тех, что шли в этом месте, в этот день 600 лет назад, а именно те самые и есть. Пробило на долю секунды и исчезло, как бывает при дежавю. Солдаты прошли.

Не дождавшись, когда мы продолжим наблюдение, инакомыслящие куда-то смылись. И в их появлении на народном гулянье, и в их исчезновении, было что-то сверхъестественное, как будто они нам померещились. На том месте, на пригорке, где мы их видели в последний раз, стоял, обмахиваясь хвостом, пожилой облезлый конь. Возле него прогуливалась на веревке коза и прыгала ворона.

Для очистки совести мы поднялись на пригорок и увидели в траве горку сухого помета в виде лошадки с человеческой головой. Эта шутка природы была похожа на ту самую фигурку китовраса, которую использовал блогер Ловджой для своей творческой акции. Только свистулька народного мастера была вылеплена искуснее, обожжена, раскрашена и, главное, слеплена из другого материала.

© Олег ХАФИЗОВ

Светлана КРЫЛОВА

ОСЕНЬ

Астры, георгины, гладиолусы,
Поздних флоксов сладкий аромат...
А на круглом разноцветном глобусе
Есть и моя Родина — грибы в росе!
Дождь осенний, облетевший сад!
А рассвет! Какой рассвет над чащею!
И нежней и слаще всех повидл!
Словно райский кок в Небесной Чаше
Звёздной клюквы тонну раздавил!
День короткий... Разговор с соседками,
То да сё... за хвост его лови!
Полоснёт закат багровой меткою...
Будто старый клён нагими ветками
Небо расцарапал до крови.

НЕБО

Синеет — синего синей!
Не надыхаться летним Небом!
Июньский иней тополей,
Прохлада ночи, жар от хлеба —
— Всё это Счастьем назови!
Другого счастья нет на свете.
В Надежде, Вере и Любви
родится Будущее — Дети!
Но вечно — синего синей —
Да будет небо, Небо, Небо!...
Июньский иней тополей,
Прохлада ночи, жар от хлеба.

МУЗЫКА

Мажорное — лето, минорная — осень,
Весна — уже в марте — сплошные дизезы!
О чём-то душа моя просит и просит...
И ей угодить — не мечтай! — Бесплезно.
Она ведь — по Млечным путям
да в Туманность
Какой-то непознанной там Андромеды...
... А я — по плетям прошлогодней усталости
Хожу да ишу — áзы, б́уки да вéди...
... Бемоль, септаккорд —
получи недосказанность...
А ворон — с бельмом на глазу —
глянь, уставился!
... Господи, или мы мало наказаны?...
Музыка звёздная — марши и вальсы —

Светлана Крылова родилась в посёлке Одоев Тульской области, училась в Тульском педагогическом университете на факультете иностранных языков, а затем окончила и Литературный институт имени Горького. Долгое время работала в Москве журналистом и редактором в крупных издательских домах («Мир новостей», «Аргументы и факты», «АСТ» и др.) В 2010 году вернулась на малую родину. Член Союза журналистов России. Член Союза российских писателей. Автор нескольких книг стихотворений и прозы, соавтор коллективных сборников поэзии, литературных международных журналов и антологий.

Музыка

С неба бескрайнего — в сердце вливается —
И не услышать её — невозможно!
Мажорное лето берёт модуляцию —
в пропасть тоски!
... Так и ходишь — без кожи.

* * *

Только тот, кто доволен малым,
Лицезреет покой высокий.
Месяц в небо вонзился жалом
И парит запоздалый сокол...

И идёт мужичок усталый
И незнамо чему смеётся,
И лицо протрёт снегом талым.
И луна на него прольётся.

Стой-постой, в суете постылой
Можно Вечности не заметить.
Ты доволен семейным тылом,
А доволен ли миром этим?!

...Над водою закаты алы,
Берега поросли осокой...
Только тот, кто доволен малым,
Лицезреет покой высокий.

* * *

*«И в чередѣ трагедии и чуда
Не утомилась странницей в пути»*

Ольга Шилова

Уйдѣм — куда? Пришли — из ниоткуда.
О Боже! Карусель свою крути!
Я в чередѣ трагедии и чуда
Не утомилась странницей в пути.

Из шторма выбиралась — и на траву
На сладкую я падала без сил.

Но нет, не обзывала жизнь — отравой,
А слушала, как ветер Твой басил,

И косы — гладил, и судьбу — баюкал,
И уносил бессилие и грусть,
То как котёнок жалобно мяукал,
То осыпал небесной манной Русь...

... И, прикоснувшись к полю с васильками,
Вставали мы — опять богатыри!
И нынче, с поседевшими висками,
Мы заключаем с Вечностью пари:

Ты веру дал нам? Мы же не Иуды.
За веру в воскрешение — держусь.
И в чередѣ трагедии и чуда
Я странницей идти не утомлюсь.

* * *

Теперь уже нужна мне тишина.
По горлышко нужны покой и воля.
И местность, где нас было только двое,
И я сама, как свет, была нужна!
Там в родниках — звенящая вода
В своих камнях, как в жёлтом хрустале.
Там цапли приглашают на балет,
И не беда — беда! И не беда..
Туда — пешком, по пояс лебеда.
И по болоту помню твёрдый след.
Туда, куда не ходят поезда,
И где меня не помнят сотни лет..
Мне эту пристань надо позарез
На свете разыскать, простившись с болью.
Её приметы: непролазный лес,
Ещё — река, ещё — покой и воля.

Там двое нас: Господь и я сама,
 Любимое дитя его смешное.
 ... Теперь опять нужна мне тишина
 И лодочка усидчивого Ноя!
 И старая, забытая мной доля,
 Когда и я Ему была нужна.
 О Боже, нет улады в немоте!
 О том, о чём мы знаем только двое,
 Шепни! Я помню — небо не немое.
 Я не забыла, вспомни обо мне! —
 И одноногой цаплей на воде,
 И гордой, ввысь стремящейся секвойей!
 В ларцах скупых не спрячу от людей
 Всё то, о чём мы знаем только двое.
 ... Привычной суетой оглушена,
 Слеплена столичными огнями...
 Моим спасеньем станет тишина.
 Пусть служит Муза жизни оправданьем,
 Любым — прошедшей жизни —
 оправданьем!

* * *

Иль старость подошла? И по утрам не спится,
 Как бабушке моей в преклонные года!
 И больше не манит роскошная столица.
 Мне дикие места милей, чем города.

Но только иногда... такое вдруг приснится...
 И юность... и в огнях прекрасная Москва...
 И детские черты... друзей любимых лица...
 И радостный покой, что Жизнь —
 всегда права.

* * *

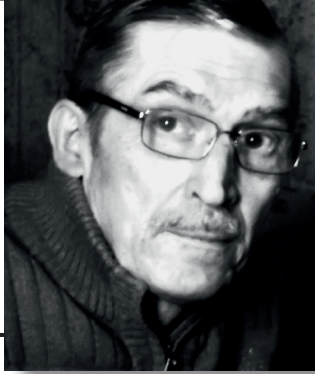
Он — случайный в моём доме...
 Он — связать двух слов не может...
 Он — одет не по погоде...
 То молчит, а то — мычит...
 что контрактником собрался —
 умереть в каком-то взводе —
 за Россию, за «не знаю»,
 за бесплатные харчи...
 за надежду — жить на свете:
 «а куда ещё деваться?»
 и за боль: «что, девку эту,
 позабыть или убить?»..
 И дрожат большие руки
 с заусенцами на пальцах...

И он просит как страдалец:
 «Можно мне себе налить?»
 «Наливай». И отвращенье —
 первый шок при виде «мачо» —
 вдруг во мне сменился дикой,
 дикой жалостью немой.
 Я не знаю, как случилось,
 я сказала ему: «Мальчик!»
 И тридцатилетний мальчик
 разрыдался предо мной...
 Вся никчёмность, вся бездомность,
 подноготная, какую
 мы скрываем — обнажилась
 в его бритой голове.
 И я плакала с ним вместе,
 я рыдала с ним — не скрою...
 ... Ни о чём. О ветре в поле.
 О кузнечиках в траве.

КОСТЮМ

Я помню маму... Тёмно-синий
 Костюм и белый воротник —
 Как будто голубь над Россией
 Крылами острыми приник
 К тревожной сини ледяной...
 Я причитала: «Мама, ой!
 Сними костюм, надень другой —
 Юбочку до коленочек,
 И блузочку из ленточек!
 Ты в том наряде — юная,
 Не строгая-угрюмая!»
 Но отвечала мама: «Нет!
 Придёшь из школы — съешь обед.
 Я буду в семь, не ранее.
 Сегодня партсобрание».
 ...Мне сорок лет. Я не расту.
 Мне впору стал её костюм —
 Иссине-чёрный, шерстяной —
 На мне сошёлся — как влитой.
 И я надела... И лицо
 В момент утратило беспечность.
 И мой горящий взгляд свинцом
 Бесстрастно устремился в вечность!
 По радио запели гимн —
 Я молча поднялась со стула
 И враз — движением одним —
 Все пуговицы — застегнула.

© С.ветлана КРЫЛОВА

Константин ШЕСТАКОВ

Тульский литератор, журналист, краевед. Работал корреспондентом и обозревателем в областной газете «Молодой коммунар», собственным корреспондентом газеты «Тульские известия», специальным корреспондентом газеты «Тула», консультантом губернатора по областным средствам массовой информации, научным сотрудником, этнографом и руководителем пресс-службы Тульской епархиальной археологической экспедиции. Произведения включены в коллективные сборники «Тульские губернаторы» (2014), «Пироговские имена графов Толстых XVIII—XXI вв» (2015) и др.

Тульские короли «Мальцовской империи»

ИСТОКИ

«Мальцовской империей» еще в девятнадцатом веке назывался обширный промышленный округ, который усилиями нескольких поколений создали предприниматели из рода Мальцовых.

Округ располагался на площади 215 тысяч гектаров в смежных уездах Орловской, Калужской и Смоленской губерний. Протяжённость его с севера на юг составляла 120 километров, с запада на восток — 80 километров. На этой территории действовало 25 крупных заводов и 130 мелких предприятий. Это был крупнейший в европейской России производственный комплекс, оснащённый новейшим по тем временам оборудованием и передовыми технологиями.

Начиналась «Мальцовская империя» не на пустом месте. Первенство в промышленном освоении земель знаменитого округа принадлежит тульским заводчикам Мосоловым и Демидовым.

В 1752 году братья Мосоловы построили в Брянском уезде доменный и молотовый завод, а в 1756 году Н. Н. Демидов пустил металлургический завод в Жиздринском уезде Калужской губернии. Но постепенно Мальцовы сумели занять доминирующее положение. Приобретая действующие и открывая новые предприятия, они создавали единый механизм, где одно промышленное звено взаимодействовало с другим.

О древности рода Мальцовых судить трудно. Хотя и говорится в «Гербовнике»: «Предок рода Мальцовых, Богдан Афанасьев сын Мальцов, в 1635 году писан в десятне в числе дворян...», сама родос-

ловная была утверждена лишь 150 лет спустя. Тогда же появился и герб: «В щите, имеющем красное поле, крестообразно положены две шпаги острыми концами вверх и над оными изображена осьмиугольная серебряная звезда. Щит увенчан дворянским шлемом и короною со страусовыми перьями. Намёт на щите красный, подложен серебром».

Мальцовы добивались дворянства, думается, не только ради того, чтобы утвердиться в высших слоях общества. Им это было нужно, прежде всего, для расширения дела. Ведь приобретать в собственность землю вместе с крепостными крестьянами могли только дворяне.

Основы «Мальцовской империи» заложил Иван Акимович Мальцов (1774—1853). Он построил несколько стекольных фабрик, Дятковский хрустальный завод, купил у Демидовых Людиновский и Су-кременский чугунолитейные заводы.

Постоянное развитие металлургического и машиностроительного производств, внедрение и освоение передовых технологий и оборудования позволило Мальцовым наладить выпуск первых в России паровозов, паровозов и вагонов. Для Санкт-Петербургского арсенала и Тульского Императорского оружейного завода изготавливались паровые машины, а для Николаевской железной дороги — первые отечественные рельсы. И первый русский винтовой движитель также вышел «от Мальцова».

Но сердцевиной, изюминкой мальцовского дела оставалось производство стекла и хрустала. Мальцовы добились того, что хрусталь с их эмблемой стал таким же символом отечественных художественных изделий, как хрусталь «Баккара» для французского стеклоделия и стекло «Мурано» для итальянского.

В 1829 году состоялась Первая публичная выставка российских мануфактурных изделий, за участие в которой Иван Акимович Мальцов был удостоен главной награды — Большой золотой медали. Эта награда дала владельцу право изображать на своей продукции государственный герб, а на вывесках магазинов надпись: «Поставщик Императорского Двора». В официальных документах выставки подчёркивалось, что «... ни на каком заводе России так чисто, аккуратно и искусно изделия не вырабатывались, и она фабрика — первая, которая довела до такой степени отделку, что ежедневно употребляемые вещи не уступают и аглицким, а потому принадлежат к первому разряду».

На следующий год прошла Вторая выставка, более внушительная по объёму и ассортименту. И вновь И. А. Мальцов увёз Большую золотую медаль в свои владения.

Он и в дальнейшем получал на различных выставках заслуженные награды и даже был удостоен ордена Св. Владимира IV степени «За отличные гранёные хрустальные изделия и огромное производство оных».

«На любой вкус» — являлось девизом Мальцовского производства. Наряду с дорогими, изящными сервизами, шедеврами ручной работы, деталями архитектурного убранства для дворцов и храмов, также изготавливалось много недорогой стеклянной посуды широкого и разнообразного ассортимента. Мальцовым тогда принадлежала половина выпуска всей российской стекольной промышленности!

Следует отметить, что Мальцовы, обустроивая свою «империю», подчас несли значительные убытки. Об этом свидетельствуют официальные отзывы: «Мальцовские заводы возникли не в виде спекуляции, а в силу действительной потребности и ради благосостояния местного населения, не могущего по скудности и бедности почвы пропитывать и содержать себя исключительно хлебопашеством».

Сын Ивана Акимовича — Сергей Иванович Мальцов — в несколько раз увеличил владения, оставленные отцом, после чего известный писатель и публицист В. И. Немирович-Данченко назвал мальцовский промышленный район «Америкой в России».

На территории округа помимо основных стекольных предприятий работали кирпичные, лесопильные и смолокурные заводы, столярные мастерские, писчебумажная фабрика. Они почти не приносили доходов, но позволяли снабжать население нужными и недорогими товарами.

Для рабочих С. И. Мальцов строил добротные каменные и деревянные дома, выделял землю под огороды и выгон скота.

В сёлах содержались на средства хозяина школы, больницы и богадельни. Имелось техническое училище, готовившее мастеров стеклоделия и металлообработки.

Все предприятия Мальцова были соединены телеграфной и телефонной связью. Для сообщения внутри своего промышленного округа Сергей Иванович построил узкоколейную железную дорогу, общей протяжённостью свыше 200 вёрст, стоившую ему два миллиона рублей. Узкоколейка помимо промышленных потребностей имела еще и стратегическое значение — она соединила реку Болву из Днепровского бассейна с рекой Жиздрой из бассейна реки Волги.

Многое из того, что делал С. И. Мальцов, можно перечислять только с обязательной прибавкой слова «впервые». Внутри «Мальцовской империи», например, ходили даже свои деньги — «мальцовки». За их оборотом постоянно следило министерство финансов и за двадцать лет ни разу не отметило никаких злоупотреблений. Поэтому «мальцовки» принимались в виде оплаты за товары и услуги даже в соседних губерниях.

М. П. Межецкий, работавший у Мальцова в шестидесятых годах XIX века, оставил о нем такие строки: «Много на Руси богатых вельмож, состояние которых превосходит мальцовское: многие из них основали и поддерживали разного рода фабрики и заводы, но не думаю, чтобы кого-либо из них можно было поставить рядом с Сергеем Ивановичем по живому непосредственному участию в деле и служению ему с забвением собственных выгод».

О С. И. Мальцове написано много и хвалебных, и ругательных воспоминаний. Разумеется, Сергей Иванович был далеко не идеален, но его, как, впрочем, и большинство представителей мальцовского рода, отличало одно важное качество: любое дело, за которое брался, выполнял на полном накале. Это и детям передал.

«МЕЛКОПОМЕСТНЫЙ ДВОРЯНИН»

Удивительно переплетены известные российские фамилии во времени и географическом пространстве. Когда летом 2001 года в Дубенском районе Тульской области вели свои исследования работники епархиальной археологической экспедиции (начальник — Г. Л. Опарин, научный руководитель — кандидат исторических наук А. В. Ше-

ков, ученый-этнограф М. В. Ермоленко), никто не подозревал, что с этими местами связано имя одного из богатейших людей России, владельца значительной части предприятий знаменитого «Мальцовского промышленного округа» Николая Сергеевича Мальцова (1849—1939).

Дубенцы гордятся, что из их краёв, из села Ново-Павшино вышел кузнец Демид Антюфеев — родоначальник знаменитых промышленников Демидовых; что в селе Протасово находилось родовое гнездо других известных российских предпринимателей — Мосоловых, построивших несколько столетий назад в Дубне свой чугунолитейный завод. Теперь выясняется, что и Мальцовы дубенцам не чужие.

Научный сотрудник епархиальной археологической экспедиции М. В. Ермоленко обнаружила любопытные воспоминания старожила села Воскресенское Георгия Игнатовича Гришина, написанные в 1988 году. Вот несколько фрагментов из них:

«В годы моего детства (75 лет назад) в нашей волости возле дороги Тула-Одоев стоял щит с надписью: «Село Воскресенское на реке Упе: дворов 364, душ 798, едоков 2169». Дома селян стояли по обе стороны булыжного шоссе, начинающегося в Туле от Кремля — Одоевской башни — и проходившего через с. Воскресенское до уездного г. Одоева. По этой дороге из Одоева, Белёва, Ханина, Дубны шли конные возки с зерном, картошкой, воском, мёдом, дровами и древесным углем в губернский город Тулу, а оттуда везли ситец, промтовары, керосин и т. п.

...Убогие крестьянские избёнки ютились по окраинам села, а в центре стояли добротные дома богатых — священника, дьяка, пономарей и звонарей. На высоком месте стоял дом князя Урусова. Сам князь часто уезжал в Москву и Петербург, а вместо себя оставлял управляющего.

После отмены крепостного права имение и земли вокруг него князь Урусов подарил на день рождения родственнику Мальцеву. Мелкопоместный дворянин, тот уловил пульс времени — развитие капитализма в России — и малооходный урожай полей стал перерабатывать на месте: построил небольшой винокурный завод, стал откармливать бычков на мясо.

Построил возле леса свой кирпичный завод. Все хозяйственные постройки, здание винзавода, риги, воловни, конюшни строились из своего кирпича.

Рядом с домиком (подарком Урусова) возвёл большой дворец с балконами, мансардами, веран-

дами. Вокруг разбил три фруктовых сада и большой парк. Деревья возил из всех уголков России: дуб, клён, липу, вяз, сосну, лиственницу, пихту, грецкий и маньчжурский орех. Вокруг дома на клумбах и вдоль дорожек посадил цветы.

По оврагу был запружен пруд с беседками, причалами для лодок. Летом вечерами и в праздники барин с гостями катались под музыку на лодках, в лесу охотились на зверя.

Наступил октябрь 1917 года. Имение барское народ не стал грабить и жечь. Сам барин, забрав ценности, эмигрировал в Германию. В большом доме его открыли приют для детей-сирот гражданской войны. Спиртзавод стал работать на народную власть. Земли, леса, луга, пастбища перешли в собственность народа. Теперь на этих землях совхоз «Воскресенский» с животноводческим уклоном.

Насколько легенда близка к реальности? Научный сотрудник Тульской епархиальной археологической экспедиции, журналист Марина Ермоленко попыталась установить это. Оказалось, отдельные факты о деятельности Николая Сергеевича Мальцова на тульской земле в воспоминаниях старожилов села Воскресенское сильно искажены. «Мелкопоместный дворянин» на самом деле был одним из богатейших людей России. Крупный земельный надел и дворец он получил, вероятнее всего, в наследство от матери, урождённой Урусовой.

В Воскресенском в полной мере проявился фамильный «мальцовский» характер Николая Сергеевича. Он преобразовал село, определил его экономическое развитие на далёкую перспективу. До конца XX века работал спиртзавод (модернизированный, конечно). Местное коллективное хозяйство, как и при Мальцове, успешно занималось откормом крупного рогатого скота, используя дешёвые отходы спиртового производства — барду.

В бывшем мальцовском дворце долгое время была школа и историко-краеведческий музей села.

Н. С. Мальцов всерьёз занимался астрономией, был избран почетным членом Российской академии наук. На средства Николая Сергеевича была построена и оснащена Симеизская обсерватория, которая стала отделением знаменитой Пулковской обсерватории. Одна из первых малых планет, открытых в Крыму, в честь Н. С. Мальцова названа «Мальцовой».

Хорошо известен Н. С. Мальцов сотрудникам федерального музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Ведь писатель общался со многими представителями этого рода.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И МАЛЬЦОВЫ

В село Воскресенское Одоевского уезда из Тулы приезжала родная сестра Н. С. Мальцова — Мария Сергеевна с мужем, тульским вице-губернатором, князем Леонидом Дмитриевичем Урусовым.

Л. Д. Урусов был дружен с Л. Н. Толстым. Через него и Николай Сергеевич Мальцов познакомился с писателем.

Толстой часто говорил жене: «Я понимаю, что ты любишь Урусова, и ничего не имею против этого, потому что я сам его люблю!» По свидетельству Сергея Львовича Толстого, его мать иногда предполагала, что причиной холодности Льва Николаевича к ней является необоснованная ревность к Л. Д. Урусову. Тем не менее отношения между князем и Л. Н. Толстым были тёплые, дружеские.

Когда Толстой написал свой скандально известный трактат «В чём моя вера?», сразу же запрещённый в России, Л. Д. Урусов перевёл его на французский язык и способствовал распространению за границей.

Сын Льва Николаевича — Сергей Львович считал, что Л. Д. Урусова «... можно назвать первым последователем отца, первым толстовцем». По описанию Сергея Львовича, Урусов «... был всегда безукоризненно одет, щепетильно учтив и прекрасно говорил по-французски. Он старался в пределах возможного смягчить свои административные функции».

Последние годы Л. Д. Урусова омрачала болезнь. По рекомендации медиков он должен был ехать в Крым, но никто из родственников не мог или не хотел сопровождать смертельно больного человека. Проводить друга решил Л. Н. Толстой, о чём написал жене 24 февраля 1885 года: «У меня составил план о том, что когда ты вернёшься, поехать с Урусовым проводить его до Крыма... Я нынче написал ему это как проект. Если я не застаю его в Туле, я могу взять его в Дятькове».

Писатель приехал в Дятьково 8 марта и в тот же день сообщал жене Софье Андреевне: «Приехал я нынче утром в Дятьково — очень усталый от бессонной ночи. Урусов медленно, но равномерно опускается. Очень был рад моему приезду. Он собирается ехать 11-го.

Он предложил мне ехать раньше, но так как ему, видимо, хотелось 11-го, я согласился, тем более что здесь много нового для меня и интересно <... > Из Мальцовых здесь один Николай, очень гостеприимный и добрый и хорошо к народу расположенный человек. Дом старинный, анфилада комнат в 10, зимний сад и старинная мебель <... >

Мальцов приглашает на медведя. У него несколько обложенных. Он убил уже несколько».

Днём Л. Н. Толстой познакомился с производством стекла и хрусталя, а вечера проводил в обществе Н. С. Мальцова и Л. Д. Урусова. 11 марта Лев Николаевич написал жене: «... Вечером попросил Мальцова играть на фортепьяно. Он мило играет. Вообще он дикой вполне, но очень деликатный, тонкий по чувству человек...»

В эпистолярном наследии великого писателя можно найти много тёплых строк о Мальцовых и их родственниках. Проводив Л. Д. Урусова в Крым, Лев Николаевич возвратился в Ясную Поляну, где в июле принимал приехавшую в гости Марию Сергеевну Урусову (урождённую Мальцову) с детьми Марией, Ириной и Анастасией. Об этом он сообщал большому другу:

«Пишу вам, милый друг, хоть несколько слов под больше чем приятным впечатлением, которое оставляют нам ваши <... > Стасю я разобрал меньше всех, но она по внешности очень мила; но больше всех мне полюбилась Мери. Она серьёзный, хороший человек будет, бог даст. Очень мила и характерна Ира. С княгиней мы много говорили и очень хорошо. Она так всё хорошо понимает и нового для меня, сердечного, я в ней нашёл много».

В семнадцатилетней Мери — Марии Урусовой — писатель прозорливо определил самобытность, талант. Впоследствии она стала известной по всей Европе пианисткой, игру которой высоко ценили Лист и Рубинштейн.

Князь Л. Д. Урусов скончался 23 сентября 1885 года, но дружеские отношения с его семьёй не прервались.

В 1901 году в полное распоряжение Льва Николаевича Толстого и его семьи было предоставлено крымское имение Гаспра, принадлежавшее графине С. В. Паниной — племяннице Николая Сергеевича Мальцова и Марии Сергеевны Урусовой (Мальцовой). Там, по совету, врачей, писатель прожил около года.

Как сложилась судьба семьи князя Урусова и потомственного тульского дворянина Н. С. Мальцова?

Все три девочки были фрейлинами императорского двора, после революции жили за границей. Единственный сын Леонида Дмитриевича закончил Морской корпус, в 1912 году стал коллежским секретарём, затем секретарём российского посольства в Афинах, статским советником. Умер в Монте-Карло в 1948 году. Семейные традиции продолжил внук Л. Д. Урусова — Леонид Сергеевич, который долгое время возглавлял Толстовское общество в Америке.

Николай Сергеевич Мальцов тоже после 1917 года оказался за границей. Он скончался в Лигоне, в доме для престарелых.

Род Мальцовых на многие десятилетия был вычеркнут из отечественной истории. Хотя и в «Мальцовском промышленном округе», и в селе Воскресенском Дубенского района Тульской области из поколения в поколение передавались легенды об этих одарённых, энергичных предпринимателях и благотворителях, немало сделавших для прославления Отечества.

В XXI веке Мальцовы возвращаются. По инициативе Ассоциации музеев России (президент В. И. Толстой) в выставочном зале дома-музея Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» была развернута экспозиция Дятковского музея хрусталя, рассказывающая о Мальцовых, их взаимоотношениях с великим писателем, а также знаменитом мальцовском стекольном и хрустальном производстве. Выставка эта имела огромный успех! В дальнейшем планируется расширять контакты. Возможно, когда-нибудь появится и музей Мальцовых. Ведь туляки могут также гордиться этими талантливыми предпринимателями, как знаменитыми земляками Демидовыми и Мосоловыми.

БЛАГОТВОРИТЕЛИ ИЗ КУЛИКОВКИ

Рассказ о «тульских королях» Мальцовых будет неполным, если не вспомнить об еще одном представителе этого рода — Юрии Степановиче Нечаеве-Мальцове (1834—1913). Его мать Софья Сергеевна приходилась двоюродной сестрой отцу тульского потомственного дворянина Николая Сергеевича Мальцова, о котором говорилось выше.

Софья Сергеевна, урождённая Мальцова, вышла замуж за Степана Дмитриевича Нечаева, владевшего землями по обе стороны Дона: в Данковском уезде Рязанской губернии (ныне Липецкая область) и Епифанском уезде Тульской губернии.

Нечаевская родословная берёт начало от бояр Плещеевых. Но Нечаевы, отпочковавшись от знатного рода, долгое время пребывали в тени. Выдвинулись они, когда один из Нечаевых в составе лейб-кампанской роты помог дочери Петра I Елизавете Петровне свергнуть правительницу Анну Леопольдовну и занять прародительский престол. После этого в нечаевский дворянский герб были включены лейб-кампанские знаки и девиз «За верность и ревность». Получили Нечаевы в награду и обширные поместья, в том числе и в Тульской губернии.

Степану Дмитриевичу, как и большинству дворянских детей того времени, дали прекрасное домашнее образование. Потом он окончил университет. Благодаря своим большим и разносторонним способностям, сумел сделать блестящую карьеру: от чиновника Государственной коллегии иностранных дел (самого низкого чина, 14-го класса «Табеля о рангах») до тайного советника (3-го класса «Табеля...»), равного воинскому званию генерал-лейтенанта).

Вот наиболее заметные служебные посты С. Д. Нечаева: почётный смотритель скопинских училищ в Рязанской губернии (1814—1817), директор училищ Тульской губернии (1817—1823), чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе (1824—1827), обер-прокурор Священного Синода (1833—1836), сенатор (1836—1857). Впечатляющий взлёт. Причём, без чьей-либо помощи, протекции.

В Тульской губернии Степан Дмитриевич «будучи ревностным любителем наук и просвещения», занимался расширением образовательной сети и улучшением системы образования. При его непосредственном участии открылись приходские и уездные училища в Ефремове, Белёве и Новосиле. По его инициативе было создано два учебных заведения для крестьян в Богородицком уезде: училище для крепостных в имении графов Бобринских и школа для государственных крестьян в деревне Красный Осётрик.

Была и другая сторона жизни у С. Д. Нечаева. Под влиянием «Истории государства Российского» Карамзина он много времени уделял изучению Куликовской битвы по древнерусским и зарубежным источникам. Владея «дачей сельца Куликовки», впервые описал предметы, найденные крестьянами при распахке земли и связанные с Мамаевым побоищем; пытался определить точное место сражения.

С. Д. Нечаевым написано много статей о Куликовом поле и битве 1380 года: «Некоторые замечания о месте Мамаева побоища», «Описание вещей, найденных на Куликовом поле», «О найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях», «Историческое обозрение Куликова поля».

Коллекцию вещей, найденных на Куликовом поле, Степан Дмитриевич хранил в своем имении Сторужево (ныне Полибино Липецкой области), где создал настоящий археологический музей.

Еще в 1820 году С. Д. Нечаев заговорил о сооружении памятника «знаменующего то место, на котором освобождена и прославлена Россия». Но эта идея осуществилась лишь спустя тридцать лет, когда на

Красном холме, где находилась ставка Мама, был торжественно открыт монументальный обелиск по проекту А. П. Брюллова. В последующие годы Нечаев занимался сбором средств на постройку каменного храма «над прахом воинов, убиенных на Куликовом поле». Храм-памятник во имя Сергия Радонежского был возведен вчерне в 1914 году.

До конца жизни С. Д. Нечаев не прекращал заниматься историей великой битвы. Назначенный в Сенат, он продолжал председательствовать в «Обществе истории и древностей Российских», за что получил прозвище «сенатора Куликова поля».

Женившись на Софье Сергеевне, урожденной Мальцовой, он и сыновей назвал со значением. Старшего в честь великого князя московского Дмитрия Донского, разгромившего татаро-монгольские орды хана Мама, младшего — в честь основателя Москвы Юрия Долгорукого.

После смерти отца 5 сентября 1860 года его дело продолжил сын Юрий Степанович Нечаев.

Впрочем, до 46 лет он вел жизнь не обременённого большими заботами дипломата. Все круто изменилось, когда скончался родной брат матери Иван Сергеевич Мальцов, камергер двора, владелец стекольных заводов, в том числе в Гусь-Хрустальном. В завещании бездетный миллионер написал: «Любезный племянник, Юрий Степанович, поручаю Вам главное заведование всеми моими делами». Далее следовали пункты по которым, (наряду, с передачей наследства над всем движимым и недвижимым имуществом) Ю. С. Нечаеву надлежало носить двойную фамилию: Нечаев-Мальцов.

Отец Юрия Степановича оставил ярчайший след в отечественной истории. Оставил след и дядя Иван Сергеевич Мальцов (1807—1880). До 1827 года он работал в архиве Министерства иностранных дел. В 1828—1829 годах был первым секретарём российского посольства в Тегеране. Во время разгрома русской миссии и убийства посланника А. С. Грибоедова оказался единственным, кому удалось спастись. После этой трагедии некоторое время служил в Министерстве иностранных дел, трижды назначался «временно управляющим», то есть исполняющим обязанности министра.

Среди близких знакомых И. С. Мальцова были славянофилы А. С. Хомяков, братья И. В. и П. В. Киреевские, историк М. П. Погодин, поэт В. Ф. Одоевский.

На склоне лет Иван Сергеевич начал больше внимания уделять предпринимательству. Внедрил на своих заводах новые технологии производства

стекла. По рецептам богемских мастеров, купленным за большие деньги, наладил выпуск цветного стекла. Гранатово-малиновые вазы, трёхслойное стекло, имитирующее золото и серебро, свинцовый хрусталь с алмазной гранью прославили И. С. Мальцова и в России, и за рубежом.

Но наибольшую прибыль и широкую популярность принесла «непрестижная» продукция — оконное стекло, которое Иван Сергеевич поставил на поток, тем самым значительно снизив его стоимость.

Вся эта налаженная промышленная империя перешла во владение к Юрию Степановичу Нечаеву-Мальцову.

Современники утверждали, что И. С. Мальцов был чрезвычайно скуп. Даже в Петербург приезжал исключительно летом, чтобы не тратиться на дрова. Племянник же средств не жалел, как благотворителю ему не было равных. Во Владимире основал техническое училище имени дяди — И. С. Мальцова. В центре Гуся, ставшего при Юрии Степановиче Гусь-Хрустальным, построил храм св. Георгия по проекту Л. Н. Бенуа. Полностью отреставрировал дворец в родовом поместье Полибино, панно и плафоны для которого писали Иван Айвазовский и Генрих Семирадский. Для полибинской усадьбы купил на всероссийской выставке водонапорную башню конструкции знаменитого инженера В. Г. Шухова; автор и монтировал её на окраине старинного парка. Крестьянам окрестных деревень построил мельницу, открыл для них медицинскую лабораторию. В селе Берёзовка воздвиг храм в память убиенных на Куликовом поле в 1380 году. Расписывал церковь известный художник В. М. Васнецов.

В Гусь-Хрустальном на деньги Ю. С. Нечаева-Мальцова построили богадельню, носящую имя дяди И. С. Мальцова, а в Москве — дворянскую богадельню, носящую имя отца С. Д. Нечаева.

Когда Юрия Степановича спрашивали, зачем он вкладывает колоссальные средства на украшение церквей и домов в глуши, он отвечал: «А отчего стоит город Орвието в Италии? Из-за его собора XII века ездят иностранцы издалека. Будет время, когда художники и ценители русского искусства станут ездить и на наш Гусь...».

Но вершиной благотворительной деятельности Ю. С. Нечаева-Мальцова стал Музей изящных искусств (теперь Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве).

Анастасия Цветаева (дочь основателя музея И. В. Цветаева и сестра поэтессы Марины Цветае-

Демидов Элим Павлович

Дети С. И. Мальцова и княгини А. Н. Урусовой Капитолина, Мария, Сергей, Иван, Николай.

Мальцев Аким.

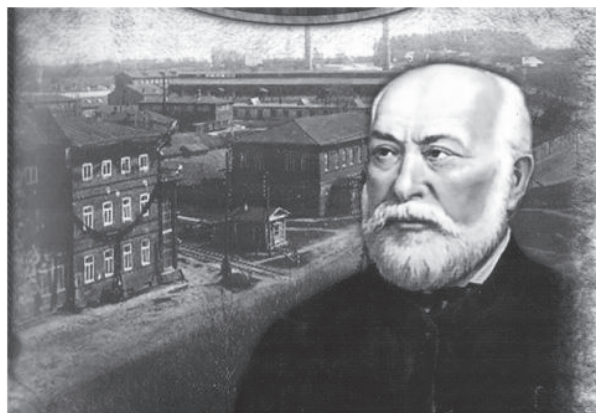
Мальцов Сергей Иванович.

Мальцовский дворец в с. Воскресенское Дубенского района Тульской области.

Мальцов Николай Сергеевич.

Мальцов-Нечаев Юрий Степанович.

вой) писала: «Есть одно имя, мало кому известное, несправедливо забытое, которое нельзя не назвать, говоря о создании Московского музея изящных искусств. Это имя — Ю. С. Нечаев-Мальцов, владелец знаменитых заводов хрусталя в Гусь-Хрустальном. Образованный человек, окончивший Московский университет, знавший иностранные языки, он отлично разбирался в искусстве, был не только главной финансовой, опорой и основным жертвователем, на средства которого создавался музей, но и ближайший советник отца. . . Нечаев-Мальцов в Москве не жил, и мы в раннем детстве его не видели, зато постоянно слышали. Для нас Нечаев-Мальцов был почти что обиходом».

В музей благотворитель вложил более двух миллионов рублей золотом!

31 мая 1912 года в присутствии императора и членов императорской фамилии Музей изящных искусств имени Александра III был торжественно открыт. За благотворительность и заслуги перед Россией на ниве хрустального и стекольного производства Нечаев-Мальцов был награжден орденом св. Александра Невского, удостоен звания обер-камергера.

На следующий год Юрий Степанович скончался, завещав свои владения дальнему родственнику и приемному сыну Елиму Павловичу Демидову, князю Сан-Донато, посланнику России в Греции.

Круг замкнулся. Когда-то именно тульские заводы Демидовы начинали осваивать территории, позднее вошедшие в знаменитую «Мальцовскую промышленную империю», а их прямой потомок продолжил развитие этого крупнейшего в европейской России фабрично-заводского округа в XX веке.

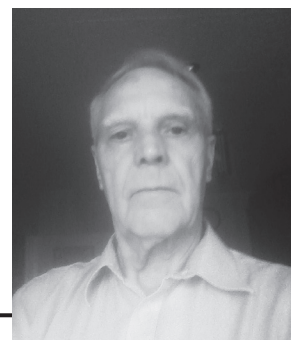
© Константин ШЕСТАКОВ

Дубенский краевед Раиса Ивановна Маркова и глава администрации Воскресенского сельского округа Марина Николаевна Косухина.

Алексей ЗЫКОВ

Инженер путей сообщения, строитель, 33 года проработал в институте «Каздорпроект» главным инженером проектов, начальником мостового отдела и главным специалистом по мостам. Окончил философский факультет Вечернего университета марксизма-ленинизма, в 1995 году сдал кандидатские экзамены в аспирантуре на кафедре философии Евразийского университета и написал диссертацию по философии. В 1995—96 годах преподавал философию в сельхозакадемии. Свою философскую систему изложил в книге «Философия вселенной и духа». Книга вышла в Астане в 1999 году под псевдонимом Илья Философ.

ГАМЛЕТОВСКИЙ ВОПРОС

*Властвуй, или покоряйся
С торжеством, иль с горем знайся,
Тяжким молотом взвивайся,
Иль наковальной стой!*

Иоганн Вольфганг Гёте

Вопрос извечен: быть, или не быть?
За жизнь сражаться, или покориться?
Восстать и бунтовать, или молиться?
Как молот бить, иль наковальной стыть?

Как тяжесть бытия преодолеть?
Волнение духа можно ль успокоить,
Разрушив цепи тягостные, то есть
Покинув тела собственного клеть?

О, тело жалкое, ты каждое мгновение
Стремишься мне напомнить, что я есть,
Что каждый день я должен пить и есть,
Но ты не знаешь удовлетворенья.

Ты мучишь тягостью неясного томленья,
И сладостью, и болью, и тоской,
Но вспыхнувший вопрос, *кто ты такой*,
Вдруг порождает новые сомненья.

Действительно ль я в этом мире есть?
А если есть, то укажи мне, где я?
Где нет меня и быть я не надеюсь,
Гораздо легче будет перечесть.

Прошли века, где не было меня,
И вечность предстоит, где я не буду.
Пространство бесконечное повсюду
Обходится прекрасно без меня.

Пойду в леса, в зеленые луга,
Но там нигде себя не нахожу я.

Цветет природа, буйно торжествуя,
Но губит ее цвет моя нога.

Пойду в толпу, на люди, в города,
Всем расскажу, что в сердце наболело.
Но до меня здесь никому нет дела -
У всех свои дела, своя беда.

Жестокий мир разрушу на пути,
Но в результате с болью замечаю,
Что мир круша, себя я разрушаю,
И что насильем счастья не найти.

Напрасно ли все это говорю?
Осмысливая сказанное выше,
На будущее мы себе запишем,
Что я не «где», а то, что я творю.

Построю дом, друзей я соберу
И в них свое увижу отраженье,
И вместе с ними радости творенья
Я на веселом разделю пиру.

Нарву цветов и принесу Тебе,
Чтоб на Твоем лице увидеть счастье,
Чтоб Я и Ты остались только частью
В единой предстоящей нам судьбе.

Я счастлив, что в Тебе я отразился.
Ты в пламени любовного огня
Расплавь меня, чтоб не было Меня,
Чтоб я навеки с этим миром слился.

И дух (свободный!) воспарит тогда,
От тягостных цепей освободится!
И в будущем, в потомках повторится,
И в этом мире будет жить всегда.

© Алексей ЗЫКОВ

Олег КАШИРИН

Каширин Олег Семёнович член Союза писателей России. Полковник в отставке, музейщик, тележурналист, автор телефильмов «Поле русской славы» и «Садовый переулок, дом 1», публиковался в журналах, сборниках, литературных альманахах, автор нескольких книг, повесть «КГБ как КГБ» отмечена дипломом конкурса ФСБ России на лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов госбезопасности.

ВСПОМНИМ ПАРТИЗАНСКИЕ ДЕЛА!

С первых дней Великой Отечественной войны вместе со всем советским народом на священную войну против немецко-фашистских захватчиков поднялись и туляки. Определенный вклад в разгром гитлеровской Германии внесли тульские партизаны. 15 декабря 1941 года, после начавшегося наступления Красной Армии под Москвой, газета «Правда» писала: «Большую активность проявили тульские партизаны в борьбе с оккупантами под Тулой. Они помогали частям Красной Армии отстоять Тулу и отбросить врага от города — кузницы советского оружия».

Работа по формированию и подготовке партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп началась в сентябре 1941 года под руководством областной партийной организации и лично секретарей обкома В. Г. Жаворонкова, Н. И. Шарাপова, А. В. Калиновского. Подбором партизанских кадров и разведчиков занимались чекисты, а также работники обкома комсомола во главе с М. С. Ларионовым, райкомы партии и комсомола. Тогда же при управлении НКВД по Тульской области был создан отдел, который приступил к этому чрезвычайно важному делу. Основная тяжесть работы была возложена на чекистов А. П., Горшкова, А. В. Зенякина, М. П. Кокоулина, М. И. Мокринского, Н. Е. Смиренина, Н. А. Хонина, М. М. Щербакова и многих других во главе с заместителем начальника управления НКВД И. М. Кирюшиным.

К началу военных действий были созданы партизанские отряды и группы в 30 районах общей численностью 800 человек, обучено и снабжено необходимым вооружением и взрывчатыми веществами 80 диверсионных групп, насчитывав-

ших 350 человек. Обучением партизан, разведчиков и диверсантов приемам и методам борьбы с захватчиками занимались чекисты В. Т. Гречихин, К. П. Маркелов, В. К. Самсонов, В. Д. Царев и другие. При управлении НКВД был оборудован учебный центр с полигоном и тиром, действовала мастерская по ремонту оружия, изготовлению мин и других средств борьбы. В программу обучения личного состава входило овладение стрелковым оружием, включая трофейное, изучение основ подрывного дела, организации и ведения разведки. На курсах местных организаций Осоавиахима и Общества Красного Креста молодежь учили метко стрелять, метать гранаты, оказывать первую помощь при ранениях.

По постановлению Государственного комитета Обороны 22 октября 1941 года создан Тульский городской комитет обороны во главе с В. Г. Жаворонковым. В его состав назначены председатель облисполкома Н. И. Чмутов, начальник управления НКВД майор госбезопасности В. Н. Суходольский, военный комендант города полковник А. К. Мельников. На следующий день комитет обороны принял решение о формировании Рабочего полка. Его основу составили истребительные батальоны и отряды народного ополчения, рабочие и служащие предприятий и учреждений Тулы. Командиром полка был назначен капитан А. П. Горшков. В Тулу он прибыл в первые дни войны из управления погранвойск и возглавил работу по организации истребительных батальонов.

Заместителем командира полка по строевой части был младший лейтенант госбезопасности А. С. Аникушин. Накануне боев под Тулой он занимался формированием и боевой подготовкой

истребительных батальонов. Вместе с бойцами Александр Семенович отбивал атаки гитлеровцев. 9 ноября он был тяжело ранен. За мужество и стойкость в боях награжден орденом «Знак Почета».

Вооружить Рабочий полк было поручено управлению НКВД в срок до 26 октября. И с этим заданием чекисты успешно справились.

В то тревожное и напряженное время была перестроена работа всех служб управления НКВД. Упор был сделан на контрразведывательное обеспечение тыла, чтобы не дать врагу, его агентуре возможности вести шпионаж, совершать диверсии на объектах промышленности, транспорта и связи.

Тула с ее военно-промышленным комплексом еще до войны и особенно в первые месяцы военных действий была одним из главных объектов устремлений немецко-фашистской разведки. Против защитников города действовал разведорган «Абвергруппа-107», а диверсионно-разведывательную работу против советских войск и партизан вела «Абвергруппа-207», приданные 2-й танковой армии генерала Гудериана. Их штабы, вспомогательные службы и агентура располагались в Орле, а подготовка шпионов и диверсантов велась в специальной школе на территории бывшей биофабрики близ Орла. Агентам этих разведорганов давались задания по сбору сведений о численности войск в Туле, характере укреплений, мощности оборонных заводов и т. д.

Тульские чекисты противопоставили врагу безграничную преданность Родине, умение и профессиональное мастерство. Были разработаны мероприятия, которые позволили обезвредить фашистских агентов, диверсантов, провокаторов, предателей и мародеров. Создавались заградительные отряды, которые поддерживали порядок в городе и вокруг него, пресекали распространителей ложных слухов, очищали местность от подозрительных элементов, задерживая и тщательно проверяя их. Была организована фронтовая разведка. Постоянно изучалась военно-политическая обстановка на временно захваченной врагом территории области.

Для ведения разведки в управлении НКВД были сформированы оперативные группы.

Особенно результативно они действовали на орловском, западном и юго-восточном направлениях, то есть там, откуда враг предпринимал отчаянные попытки захвата города. Во главе групп действовали сотрудники госбезопасности Л. М. орчагин, М. Т. Лаврухин, В. С. Парамонов, И. М. Петров, В. К. Самсонов, Н. Г. Семенихин,

Н. Е. Смиренин и другие. Руководителем групп разведки был. начальник подразделения В. Т. Гречихин. Каждому, кто выполнял задания по разведке противника в зоне обороны Тулы, выдавалось специальное удостоверение. Его обладатель имел право беспрепятственного передвижения через линию фронта во всех направлениях, а все военные и гражданские органы обязаны были оказывать ему всяческое содействие.

Начальник штаба 50-й армии Н. Е. Аргунов дал высокую оценку боевым делам тульских чекистов и партизан. «Их разведданные,— писал он,— имели не только тактическое значение... Военный совет 50-й армии во многом опирался на сведения, полученные от чекистов...».

Партизанское движение в Тульской области прошло два этапа. Первый охватывал период с сентября до конца 1941 года. Это было время битвы под Москвой, и действия партизан в тылу фашистской группировки армий «Центр» на южном фланге обороны столицы, где форпостом устоял город оружейников, имели важное значение. Партизаны и разведчики проникали в расположения вражеских войск во фронтовой полосе и в их ближние тылы, собирали и передавали нашему командованию важную информацию о противнике, чаще всего самую свежую, по состоянию на определенный день и даже час. Патриоты наносили и ощутимый урон врагу, нападали на его небольшие гарнизоны, обозы, склады, уничтожали линии связи, боевую технику и живую силу захватчиков. Особенно активизировалась работа партизан и разведчиков в дни наступления Красной Армии на тульском направлении в декабре 1941 года. Была организована массовая переброска во вражеский тыл мелких групп подрывников и разведчиков, деятельность которых увязывалась с командованием частей Красной Армии.

Обработкой поступавшей от партизан и разведчиков информации о противнике занимался штаб под руководством И. М. Кирюшина. Работа велась круглые сутки. Информация немедленно направлялась руководству управления НКВД, городскому комитету обороны и штабу 50-й армии. Активным работником этого штаба был Л. А. Третьяков из областного совета «Динамо», не считаясь со временем, трудились машинистки Г. И. Русакова и З. И. Крутицкая. Ежедневно сотни разведчиков уходили в тыл врага, выявляя пути его движения, сосредоточения живой силы и техники, укрепленные пункты, штабы. Разведка велась не только в районах Тульской области, но и в Мценске, Орле, Козельске, Сухиничах.

Особой заботой руководителей подготовки партизанских кадров был подбор командиров и комиссаров отрядов. На эти должности назначались опытные люди, в большинстве своем коммунисты, настоящие патриоты Родины: И. Д. Васильев, К. Г. Есипов, В. И. Ерошкин, Л. М. Корчагин, П. С. Кочешков, Н. И. Литижинский, В. К. Самсонов, Д. Т. Тетерчев, Ф. Г. Шумилин, Н. Д. Цибенко и другие. Все они с честью оправдали высокое доверие.

Большую организаторскую и политико-воспитательную работу среди сотрудников управления НКВД вела его партийная организация. Она работала об укреплении дисциплины личного состава, мобилизовывала его на успешное выполнение стоявших задач. Секретарем парткома управления с 1939 по 1943 год работал А. А. Алпатов, прошедший хорошую школу в рабочем коллективе оружейного завода.

После завершения героической обороны Тулы обком партии и управление НКВД по Тульской области направили в Центральный Комитет ВКП(б) письмо о боевых делах тульских партизан, в котором сообщалось, что за время военных действий на территории области было сформировано и переброшено в тыл врага 329 партизанских отрядов и групп общим количеством 2150 человек. Партизанами истреблено 1600 гитлеровских солдат и офицеров, уничтожено 15 танков, 1 самолет, 150 автомашин с боеприпасами, 45 мотоциклов, 6 орудий, 1 минометная батарея, спущено под откос 2 воинских эшелона. В тыл противника было

направлено около тысячи разведчиков, которые собрали и передали армейским штабам сведения о расположении и скоплении войск в 1096 пунктах, о 961 огневой точке, 18 аэродромах, о 215 штабах, 45 заправочных и ремонтных базах. Среди населения временно захваченных врагом районов распространено более двадцати тысяч листовок. Сообщалось и о захваченных трофеях. К письму были приложены представления с ходатайствами о награждении наиболее отличившихся партизан и разведчиков, руководителей партизанского движения в области.

4 февраля 1942 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указы о награждении орденами и медалями шестидесяти партизан и разведчиков, руководителей партизанского движения в Тульской области. Звание Героя Советского Союза посмертно присвоено разведчику отряда «Передовой» Александру Чекалину. Орденом Ленина награждены - 3, Красного Знамени — 4, Красной Звезды — 4, «Знак Почета» — 10, медалью «За отвагу» — 21, «За боевые заслуги» — 17 человек.

Так закончился первый этап партизанского движения в Тульской области. В феврале 1942 года начался второй этап, когда враг был изгнан из районов области, но фронт с юга и юго-запада оставался вблизи ее границ. Новая обстановка ставила иные задачи, в числе которых — подготовка относительно крупных формирований партизан для действий в глубине тылу врага. Было сформировано более десяти отрядов и групп общей численностью более 500 человек. Они действовали в Орловской, Смоленской, Курской, Калининской, Ленинградской и Новгородской областях, в Белоруссии, Карелии, на Украине.

© Олег КАШИРИН

Юрий ШАКИРОВ

Юрий Анварович Шакиров с 1986 года преподает историю Новомосковском институте (филиале) РХТУ им. Д. И. Менделеева.

Автор более 200 научных публикаций, из них 4 монографии и 20 научно-методических работ. Награжден грамотами Новомосковского ГК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Тульского ОК ВЛКСМ и Новомосковского ГК ВЛКСМ., а так же Почётной грамотой Главы администрации муниципального образования город Новомосковск (июнь 2009 г.).

КОМСОМОЛЬЦЫ СТАЛИНОГОРСКА В ПЕРИОД ВРЕМЕННОЙ ОККУПАЦИИ ГОРОДА

Деятельность сталиногорского подполья как страницу истории города в 70-х гг. исследовал бывший работник КГБ СССР Н. С. Чумичев. В 1971—1978 гг. на страницах газеты им был опубликован ряд художественно-документальных очерков о подпольной молодежной организации «Смерть фашизму!», действовавшей на территории г. Сталиногорск в период с 22 ноября до 12 декабря 1941 года. Согласно его данным в состав группы входили Константин Бесмертных, Алексей Гончаров, Василий Иванов, медсестра Зинаида Иванова, Александр Лобанов, Иван Марных, Валентин Мартынов, Клавдия Носкова, Василий Петрин, Александр Рыжков, Иван Сарычев, Иван Солошенко, Дмитрий Юраков.

Н. С. Чумичев ввел в ткань своих очерков образ коммуниста Михея Володина, подпольный псевдоним «Батя». По сведениям Тульского госархива псевдоним «Владимир Володин» имел Михаил Степанович Серафимович, который возглавлял организацию «Смерть фашизму». Помимо прочего Н. С. Чумичев стремился показать связь с подпольщиками ученика средней школы № 10 Василия Дмитриевича Анискина.

В соответствии с опубликованными на портале «Открытые данные Правительства Тульской области» «Сведениями о партизанских отрядах периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» на территории Сталиногорского района действовали три партизанских отряда общей численностью 66 человек.

Согласно документу один отряд численностью 12 человек возглавлял К. В. Бесмертный. Второй отряд численностью 8 человек возглавлял В. П. Петрин. Третий отряд партизанский отряд СТ-1 под командованием Михаила Петровича Коростелева, состав которого насчитывал 46 человек, действовал помимо Сталиногорского,

еще и на территории Крапивинского и Плавского районов. Ценность материалов изложенных в «Сведениях...» заключается в том, что они расширяют список имен подпольщиков.

Значительный массив документов, в том числе фотографий и газетных материалов содержат фонды Новомосковского историко-художественного музея.

Боевые операции, в результате которых немецкие фашисты несли урон в живой силе и технике, в основном содержатся в материалах Н. С. Чумичева. Опираясь, не только на устные воспоминания местных жителей, но, вероятно, и на художественный вымысел, автор описал ряд операций проведенных боевыми группами молодежного подполья: попытка взрыва железнодорожного моста через р. Шат; подрыв около ста метров железнодорожного полотна; сожжение склада горюче-смазочных материалов; уничтожение двух танков и двух танкеток; уничтожение живой силы врага, среди которых были два офицера, восемь солдат, два экипажа танкеток и охрана склада ГСМ.

Более надежно документируется атака сталиногорских подпольщиков на немецкий штаб в ходе завязавшихся боев за город на рассвете 11 декабря 1941 г.

В 1943 году в пятом номере «Исторического журнала» в статье В. Н. Ашуркова и Ф. И. Титкина «Борьба партизан Тульской области» говорится: «Во время наступления гвардейских частей генерала Белова на Сталиногорск» группа советских патриотов совершила смелый налет на расположенный в городе штаб». Немцы решили, что их обошли, бросили оружие, штабные документы, 17 автомашин с продовольствием и боеприпасами и поспешно отступили».

Генерал П. А. Белов впоследствии в книге «За нами Москва» написал: «Двенадцать молодых

рабочих во главе с Сарычевым и Володиным напали на немецкий штаб, располагавшийся в городе. Благодаря этому на какое-то время было нарушено управление войсками противника».

О торжественном собрании, посвященном 20-летию освобождения Сталиногорска и выступлении там П. А. Белова, писала «Новомосковская правда» 14 декабря 1961 г.: «Он привел пример, когда группа патриотов разгромила немецкий штаб и вызвала панику среди врагов. Это в значительной степени облегчило задачу освобождения города».

Почетный гражданин Тулы, генерал-майор, бывший чекист А. П. Горшков рассказывал: «С особым удовольствием я вспоминаю действия группы из 12 новомосковских комсомольцев. Во главе группы стояли боевые ребята — Сарычев и Володин. Хотя и пребывание немцев в Новомосковске было кратковременным, комсомольцы успели причинить им много неприятностей... Оружием ребята обеспечили себя, подбирая его на местах, где проходили бои. Они натаскали на чердак школы, где учились когда-то, винтовки, гранаты и даже пулемет. И вот однажды, когда немцы заметно нервничали, чувствуя, что части Красной Армии близко и им придется убираться из Новомосковска, ребята принимают дерзкое решение. С чердака школы они открывают огонь из пулемета и винтовок по немецкому штабу».

Руководитель этой операции И. И. Сарычев вспоминал в 1975 г.: «Я стрелял из пулемета, а Иван Солошенко подавал в патронник ленты с патронами. Сзади нас стреляли из винтовок Иван Марных, Александр Лобанов и Александр Гончаров».

Далее офицеров немецкого штаба отступивших к деревне Ключевка винтовочным огнем встретила засада в составе Василия Иванова, Валентина Мартынова и Михаила Смольянинова. «Кто-то из них бросил гранату, — писал Н. Чумичев, — от взрыва которой перевернулась машина, тащившая пушку».

Существенные недостатки в документировании обстоятельств создания молодежного подполья, а также некое сообщение от КГБ СССР из Москвы об отсутствии в городе организации «Смерть фашизму!» во время оккупации города привели к тому, что с февраля 1979 г. до апреля 1987 г. о молодых подпольщиках в «Новомосковской правде» не появилось ни строчки.

Стирались из народной памяти имена героев принявших смерть от рук гитлеровских палачей:

Константина Бессмертных, Василия Петрина, Василия Анискина, Александра Рыжкова.

В период забвения набрал силу процесс десакрализации образов павших. Если в 50—70-х гг. обстоятельства их гибели отчасти мифологизировались, то в наши дни свидетельства их смерти дышат отстраненностью, дегероизацией подвига. Забылось постановление исполкома Новомосковского городского Совета депутатов трудящихся от 25 февраля 1964 г. «О присвоении средней школе № 10 г. Новомосковска имени В. Анискина». Во время войны на его могилу, где на обелиске было написано «Пали в боях за Сталиногорск... Анискин Василий Дмитриевич с 1924 года — комсомолец с 1938 года», каждый день клали живые цветы.

В 2003 г. в «Новомосковской правде» появилось ехидное замечание очевидца событий тех дней: «Повесили и Васю Анискина — ухитрился что-то украсть у немцев». Между прочим, этим «что-то», как говорили иные очевидцы, была не банальная кража «чего-то», а пулемет и несколько винтовок. И не повесили В. Анискина, а расстреляли 30 ноября 1941 года. А. М. Розанова, свидетель расстрела, рассказывала в 1958 г.: «Когда грянул залп, толпа шарахнулась и замерла. На самом краю глубокой ямы с лицом, залитым кровью, пуля ему прошла в переносицу, стоял Вася Анискин. Крепкий был паренек, не сразу упал. Вытянул руку, словно бы опоры ищет. И шатается. Вперед, назад и опять с усилием перетягивает тело вперед. Подбежал автоматчик — прикладом в лицо. Рухнул Вася и больше не поднялся».

В тот же день каратели повесили и К. Бессмертных. По описаниям очевидцев смерть он принял с достоинством: «Шел он в порванной рубашке со следами крови на ней, со связанными руками. И надо было ему подняться по деревянной лестнице к свисающей вниз петле... Твердым шагом поднимался он со ступеньки на ступеньку. Потом обернулся и что-то крикнул. Да разве услышишь — кругом стон стоял. Накинул на него палач петлю и вышиб лестницу...».

Современное описание казни в «Новомосковской правде» описывает казнь К. Бессмертных глазами стороннего равнодушного обывателя: «На моих глазах немцы вынесли пару больших ящиков из-под спичек размером со стол, поставили их рядом. На перекладину ворот перекинули веревку с петлей. Стало понятно: кого-то будут вешать. На ящик взобрался немец. Переводчик

остался внизу, сообщил, что поймали партизана, который поджег хлеб, и по решению командования должен быть повешен. Из ворот элеватора двое немцев выволокли под руки мужчину. Его ноги тащились сзади, по земле. Казалось, он был уже мертв. Немцы снизу подняли его на ящик, а стоявший сверху быстро набросил на шею петлю. Тут же кто-то из них выбил ящик из-под ног».

В очерке ветерана труда С. Ступиной, посвященном 40-летию освобождению Сталиногорска «Не забыть никогда» в «Новомосковской правде» о казни В. Петрина 5 декабря 1941 г. говорится так: «У здания кинотеатра «Встречный», под часами, на перекладине фашисты повесили человека. Кто он такой, не знаю. Снимать не разрешили».

Между тем в материале Н. Чумичева «Имя твое — в памяти нашей» от 15 июня 1976 г. в «Новомосковской правде» подробно рассказывается со ссылками на документальные и личные свидетельства И. Сарычева и И. Солошенко о захоронении и последующем перезахоронении В. Анискина, К. Бессмертных и В. Петрина. Там же сообщаются и обстоятельства потери могилы подпольщика Александра Рыжкова: его тайком захоронил поставленный гитлеровцами старостой (бургомистром) некто Окороков, умерший от чрезмерного употребления алкоголя за два дня до освобождения города и место захоронения для ближайших родственников осталось неизвестным.

Большим недостатком при изучении вопроса существования подпольной молодежной организации являлось отсутствие опоры на документальные источники, в т. ч. и на материалы газеты «Сталиногорская правда» 1942 г.

Обращение к архивам Сталиногорского ГК ВЛКСМ помогает положительно разрешить эту проблему. В мае 1945 г. по инициативе горкома создается комиссия по сбору материалов о зверствах гитлеровцев в период оккупации города. Преамбула этого решения содержит прямое подтверждение наличия подпольной организации: «... в период оккупации в нашем крае велась активная борьба в тылу врага. Так в Заводском районе партизаны имели свои явочные квартиры. Там же ими был совершен ряд боевых операций».

Другим подтверждением факта деятельности комсомольского подполья служит фраза из доклада первого секретаря Сталиногорского ГК ВЛКСМ Б. Кондукторова в сентябре 1945 г. на торжественном совещании, посвященном вручению городскому комитету комсомола Почетно-

го знамени ЦК ВЛКСМ за большой вклад в дело разгрома фашистских оккупантов: «... нет среди нас партизан товарищей Мартынова, Клавды Носковой, Дмитрия Большакова, закрывшего своим телом амбразуру вражеского дзота...».

Стоит отметить, что фамилии В. Мартынова и К. Носковой встречаются еще и в исследованиях Н. Чумичева и В. Седугина.

1 мая 1942 г. в «Сталиногорской правде» были опубликованы две статьи «Партизаны» и «Саша Рыжков». В первой статье утверждалось, что организатором первого партизанского отряда в г. Сталиногорске был выходящий из окружения сержант Григорий Егорович Петухов. Именно он, находясь в толпе, устроил стрельбу из пистолета, когда гитлеровцы вели 16-летнего Александра Рыжкова на казнь. К сожалению, побег А. Рыжкову не удался, и фашисты застрелили его. В этой же статье рассказывается, что первыми боевыми операциями Г. Петухова были установки мин на пути следования немецких обозов.

Несколько позже гитлеровцам удалось арестовать Г. Петухова и после долгих побоев в него выпустили автоматную очередь. Однако пули заделали мягкие ткани, а фашисты ушли, посчитав, что сержант мертв. Вылечили Г. Петухова жительница Сталиногорска Е. А. Лебедева и неизвестная медицинская сестра. По данным порталов «Память народа» и «Подвиг народа» лишь один человек по имени Григорий Егорович Петухов подходит по возрасту и званию как участник сталиногорского подполья. И, возможно, этот человек, призванный в армию 23 июня 1941 года, награжденный орденом Красной Звезды, умерший от ран 5 июня 1945 г. в городе Сегед (Венгрия), является тем самым отважным сталиногорским подпольщиком, о котором Е. Лебедева написала в «Сталиногорской правде» 6 июля 1958 г.: «Долго искала я сержанта Петухова, а встретиться вновь не удалось. Но, кто знает, может быть, еще и свидимся, — такие, как он, не погибают».

Между тем имя этого партизана вычеркнуто из нашей местной историографии вот уже более 40 лет.

Сомнения в существовании подпольного горкома комсомола окончательно снимают решение бюро горкома от 30 мая 1942 года «О выдаче дубликатов комсомольских билетов членам ВЛКСМ, оставшимся по заданию ГК ВЛКСМ в тылу у немецких захватчиков во время временной оккупации города» и данные «Книги учета

выдачи комсомольских билетов, кандидатских карточек образца 1938 года» за период с 15 июня до 4 сентября 1942 г.

С помощью этих документов можно установить имена 13 комсомольцев оставшихся «по спецзаданию» горкома ВЛКСМ «в тылу у немецких захватчиков»: Юлия Белянина, Анастасия Жильцова, Евгения Макрушина, Мария Макрушина, Павел Малютин, Клавдия Мезенцева, Мария Ноговицына, Клавдия Носкова, Анна Попенкова, Роман Прохоров, Евдокия Хабарова, Дмитрий Юраков, Иван Яковлев.

Интересно, что на плакате «Народные мстители», подготовленном в 1978 г. отделом агитации и пропаганды Новомосковского ГК КПСС по материалам, собранным Н. Чумичевым, размещена фотография Д. Юракова как секретаря Сталиногорского подпольного ГК ВЛКСМ. На этом же плакате есть портрет К. Носковой.

В свете изложенного, представляется, что военнослужащие РККА К. Бессмертных, Г. Петухов и В. Петрин к организации партизанского движения в городе приступили самостоятельно и независимо друг от друга. С большей долей вероятности можно допустить, что К. Бессмертных и Г. Петухов сумели установить контакт друг с другом и приступили к планированию боевых операций и проведению диверсионной работы во вражьем тылу.

В. Петрин из-за ран не успел провести какой-либо боевой операции, но фашисты повесили его, известного и уважаемого в городе человека, и как члена ВКП (б), и как партизана. По каким-то непонятным причинам его имени нет в «Поименном списке воинов, погибших и пропавших без вести внесенных в Тульскую областную книгу памяти».

После войны И. И. Сарычев вспоминал о диверсионной работе отряда: «Наша группа сопротивления вошла в состав подпольной организации «Смерть фашизму!» по рекомендации горкома комсомола. Тогда я впервые узнал, что Н. П. Анискина является хозяйкой явочной квартиры. Отсюда мы уходили мстить гитлеровским оккупантам. Вскоре мы узнали, что на станции Маклец находятся фашистские танки. Решено было взорвать их. Марных, Гончаров, И. П. Солошенко, Иванов и я отправились на задание. Добыли тол, бикфордов шнур, винтовки. Выбрав удобный момент, мы подбрались к машинам и взорвали их».

Сведения о борьбе комсомольцев Сталиногорска содержатся в докладной записке начальника

Сталиногорского городского отдела НКВД Михайлова и его заместителя Климова «О практической деятельности в период борьбы с немецкими оккупантами, истребительных батальонов, партизанских отрядов, диверсионных групп и разведывательной агентуры Сталиногорского горотдела Управления НКВД по Тульской области».

«В Сталиногорском районе, — говорится в документе, — после оккупации его немецко-фашистскими захватчиками, одним из оставшихся бойцов Красной Армии Бессмертных Константином (расстрелян фашистскими бандитами на ст. Маклец, партизан, установочных данных нет) был сформирован небольшой партизанский отряд, численностью в 12 человек, главным образом, из комсомольцев и молодежи, городских жителей Сталиногорска. За все пребывание немцев в районе, партизанами были убиты 4 офицера в Сталиногорском Азотно-Туковском комбинате и около 40 солдат в окрестностях города Сталиногорска. Особенно отличились партизаны: комсомолец Володин Владимир Иванович, как разведчик и Смирнов, член ВКП (б) (других данных нет), как активный партизан. Володин в данное время находится в Красной Армии, а Смирнов повешен немцами на уличных часах. Отличился и Сарычев Иван Иванович, беспартийный командир отряда, сменивший погибшего Бессмертного.

С приходом частей Красной Армии этот партизанский отряд принес большую помощь в разведке скоплений вражеских частей фашистов и их ставленников».

В документе ошибочно под фамилией Смирнов указан Василий Петрин и не раскрыт псевдоним Серафимовича «Володин».

Подпольный горком комсомола гитлеровцам уничтожить не удалось. Первого секретаря Д. Юракова, ЦК ВЛКСМ командировал в 1942 г. в тыл врага в Белоруссию, где он возглавлял вначале Ошмянский подпольный райком комсомола, а затем Видзовский подпольный РК ВЛКСМ до июля 1944 года. За большой вклад в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками Дмитрий Семенович был награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I и II степеней, медалью «За отвагу», медалью «Партизан Великой Отечественной войны I степени» и многими другими медалями Советского Союза.

Клавдия Яковлевна Носкова после окончания спецшколы в сентябре 1942 г. продолжила активную работу в партизанском движении. Как

фельдшер «специальной оперативной группы партизанского движения» в 1943 году награждена медалью «За боевые заслуги». Была представлена к ордену Красного Знамени, но 6 сентября 1943 г. недалеко от д. Житница, спасая командира партизанского отряда, погибла в бою. Подругу Клавдии Носковой, Евгению Федоровну Макрушину (Камышеву), как участницу сталиногорского комсомольского подполья 2 февраля 2015 г. с 90-летием поздравил глава г. Новомосковск А. Е. Пророков.

Иван Яковлев посмертно награжден тоже медалью «За боевые заслуги». Погиб герой 17 марта 1943 года. В приказе по 898 стрелковому полку 245 стрелковой дивизии Северо-Западного фронта от 1 мая 1943 г. говорится, что помощник старший сержант И.В. Яковлев во время боя «принял на себя командование взводом, поднял взвод в атаку и первым бросился на врага».

Известна боевая судьба шести из восьми участников атаки на немецкий штаб во время освобождения города.

Валентин Мартынов погиб как участник партизанского движения в Белоруссии 13 мая 1943 года. Иван Марных умер от ран 27 августа 1943 г. и похоронен в Смоленской области в д. Капыревщина. Василий Иванов погиб в бою и похоронен в Смоленской области, д. Фошня. От последствий контузии в 1952 г. умер в Сталиногорске Александр Гончаров.

Иван Сарычев и Иван Солошенко партизанили в Белоруссии. Первый был награжден орденом Красного Знамени и медалью «Партизан Отечественной войны» I степени, а И. Солошенко, помимо этой медали, орденом Славы II и III степени и орденом «Отечественной войны» I степени.

Участие молодежи в подпольной борьбе было частью общей всенародной битвы с немецко-фашистскими захватчиками. По мнению Николая Ивановича Кряжкова, участника Сталиногорского подполья, бывшего директора Новомосковской ГРЭС (1968—1979), в общей сложности для подпольной работы в городе было оставлено от 150 до 250 человек.

В настоящее время полная картина борьбы с оккупантами в городе вряд ли может быть восстановлена, но и сохранившиеся свидетельства героического сопротивления дают всестороннее представление о массовом героизме советского народа.

© Юрий ШАКИРОВ

Валерий ХОДУЛИН

КОГДА УЙДЁТ ПОСЛЕДНИЙ ФРОНТОВИК

Когда уйдёт последний фронтовик
Под вздох друзей и под стенанье близких,
Замрёт планета на короткий миг,
И, вздрогнув, покачнутся обелиски.

И там где нет ни ночи и ни дня,
Где ветра нет и нет травы зелёной,
Там ветерана встретят, как родня,
Все тридцать павших в битве миллионов.

И ангелы, ведущие учёт,
В свой скорбный список его впишут вскоре.
И визу ставя, Бог произнесёт:
— Теперь уж точно вся команда в сборе.

У Леты, на холодном берегу,
В потустороннем тусклом полумраке,
Он встретит тех, кто замерзал в снегу,
С кем отступал и с кем ходил в атаке.

За Родину! За Сталина! Ура! —
Они кричали, в бой себя бросая.
И вдруг пред ним возникнет медсестра,
Что жизнь отдала, его спасая.

И в сердце хлынет тёплая волна,
И тело, как при жизни, встрепенётся,
И, неизбывной нежности полна,
Его душа к её душе рванётся.

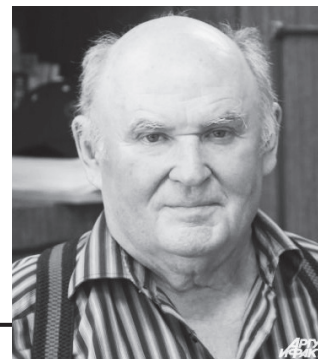
Не поглотит забвения вода
Героя, что принёс свободу людям.
Ему не будет страшного суда,
Поскольку победителей не судят.

Фронтовику путёвку в рай дадут,
Где много райских птиц и райских звуков,
И в гости к нему первыми придут
Весь в чёрном Сталин
И весь в белом Жуков.

Я ЛЕЧУ НАД АРГУНСКИМ УЩЕЛЬЕМ

Я лечу над Аргунским ущельем.
За бортом красота, как в кино.
Только сердце полно не весельем,
Моё сердце тревоги полно.

В. Г. Ходулин много лет работал старшим редактором Приокского книжного издательства, председателем Тульского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С 1972 года член Союза писателей СССР, с 1995 года «Заслуженный работник культуры России», а с 2005 года — почетный гражданин города-героя Тулы. Лауреат литературных премий им. Тульского комсомола, им. Л. Н. Толстого и других, лауреат Всероссийского отраслевого фестиваля авторской песни. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств в Санкт-Петербурге.

Последний фронтовик

Там, внизу, жаркий бой полыхает
На скрещении горных дорог,
А над ним наш Ми-8 порхает,
Как заблудший в ночи мотылёк.

Громыхает мотор разогретый,
Вертолёт опускает свой нос,
А за ним — тепловые ракеты,
Как жар-птицы пылающий хвост.

Облака чередой серебристой
Держат путь в затуманенный лог.
Наклонился пилот к бортрадисту,
И припал к пулемёту стрелок.

Там, внизу, затаились бандиты
Под прикрытием каменных стен.
Мы могли быть убиты и сбиты,
И могли быть захвачены в плен.

С окончанием командировки,
Когда время прощаться пришло,
Генерал, командир группировки,
Вдруг признался, что нам повезло.

И ходил сам не свой целый день я,
Сам себя успокоить не мог.
У меня от такого везенья
Холодок по спине, холодок...

* * *

Здесь и солнце выглядит усталым,
Светится едва сквозь пыль дорог.
Здесь земля напичкана металлом,
Как изюмом праздничный пирог.

Здесь, в горах, машины дышат тяжело.
Двигается тяжёлая броня.
А на ней в тельняшках-камуфляжках
Стриженная наша ребятня.

Скачет водопад в зелёной раме.
А вокруг — куда ты ни взгляни —
Горы, горы, горы над горами
Днём — на солнце, вечером — в тени.

Слышится далёкий гул разрыва
Вместо дальней песни чабана.
Я сказал бы:
— Как же здесь красиво!
Я сказал бы, если б не война.

А пока вы нас простите, горы.
Будет время, отомкнём штыки
И, забыв все распри и раздоры,
Мы придём сюда на шашлыки.

ГОРОД

(Обобщающая картинка)
В мире есть город особый.
Всё в нём приводит в восторг.
Столько вокруг небоскрёбов,
Словно мой город — Нью-Йорк.

Вон у зелёной ограды
Парень девчонку кадрит.
Всюду звучат серенады,
Словно мой город — Мадрид.

Города краше не сыщешь
И не найдёшь, хоть убей.
Столько цыганок и нищих,
Словно мой город — Бомбей.

Выглядит город красиво
В свете вечерних витрин.
Всюду сосиски и пиво,
Словно мой город — Берлин.

Всюду миллионы тюльпанов,
Город мой неповторим.

Брызги летят от фонтанов,
Словно мы въехали в Рим.

Воздух прозрачный и чистый,
Пахнет душистой весной,
Сколько велосипедистов,
Словно мой город — Ханой.

В город ты влюбишься сразу,
Взор свой куда ты ни кинь —
Сколько вокруг узкоглазых,
Словно мой город — Пекин.

Город мой словно подарок —
Солнце, иль дождик льёт с крыш.
Столько вокруг иномарок,
Словно мой город — Париж.

Шёл я и весел, и кроток,
Шёл и смотрел на дома.
В окнах всё больше решёток,
Словно мой город — тюрьма.

* * *

Мне нравится Тула вечерняя:
Закат над рекой, облака...
Домов золотое свечение
В себе отражает река.

И Тула моя без сомнения
Достойна стихов и поэм.
И этим словам подтверждение —
Огромный светящийся шлем.

Здесь звуки восторженных возгласов
И разноязыкая речь,
И толпы людей возле комплексов
С коротким названием «Смерч».

И светлые, благоговейные
Вдруг мысли тебя окрылят.
Стоит это чудо музейное,
И радуется душу и взгляд.

И я со своею Джокондою
С высоких пролётов моста
Любуюсь прозрачной ротондою,
И в сердце живёт красота.

Люблю переулки былинные,
Укрытые трепетной мглой.

Люблю колокольню старинную,
Что светится яркой иглой.

Здесь многое видится, помнится...
Сверкает зарница в воде,
Как отсвет Демидовской домницы
В Кузнецкой моей слободе.

МАЛИНОВАЯ ЗАСЕКА

Я прихожу сюда в будни и в праздники.
Я ощущаю дыханье веков,
Пью сладкий воздух Малиновой засеки,
Слышу малиновый звон родников.

Зорька малиновой краской обрызгала
Веток сплетённых прозрачный узор.
Всё дорогое и всё здесь мне близкое —
Заросли эти и этот простор.

Чьи это тени мелькают, как всадники
В радужном блеске мечей и секир.
Это съезжаются русские ратники
После победы на княжеский пир.

В Киев идут богомольцы и иноки,
К Сергию в лавру шагает монах,
А надо мной распевают малиновки
Песни свои о былых временах.

Я растворяюсь в малиновом пении,
Я возношу благодарность судьбе
И, осенив себя крестным знаменем,
Я ухожу по засечной тропе.

* * *

Хлеба и зерна у нас навалом.
Фруктов, овощей — невпроворот.
Снова урожаем небывалым
Радует статистика народ.

Жизнь пошла как будто на поправку...
Только я невольно зубы сжал:
Приближаясь к книжному прилавку,
Я увидел: хлеб подорожал.

© Валерий ХОДУЛИН

ГЕННАДИЙ ОПАРИН

В настоящее время руководит Пироговским филиалом Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Лауреат международной премии Санкт-Петербургского Фонда профессионального образования им. Неболсина, дипломант международной Новой Пушкинской премии «За музейный подвиг». Член Тульского отделения Союза журналистов России.

Три простых истории

ВОЙНА И МИР ТОЛСТОВСКОГО МУЗЕЯ В ЧЕЧНЕ

Музей и война. «...Всего час разделяет два полярно разных мира, олицетворением которых для меня стали именно музеи. Вернее, один музей — единственный на всю Чечню, чудом сохранившийся музей Льва Толстого» (В. И. Толстой. «Страницы из дневника» / Вестник Ассоциации музеев России «Мир и музей», выпуск 5, 2000 г.).

История возникновения этого музея, как и его жизнь, складывалась из судеб людей, судеб коротких и долгих, героических и самых обыкновенных. Этим она очень напоминает древнюю чеченскую башню, где каждый камень, в зависимости от своего веса и формы, занимает единственно свое место в общей конструкции, к счастью и несчастью пока не достроенной. Хотя, если верить своим глазам и жителям станицы Старогладковской, в Чечне не бывает совсем достроенных домов: «Закончив постройку дома, чеченец сразу начинает к нему что-нибудь пристраивать».

Галерея времен, героев и судеб, реальных и вымышленных, прожитых и написанных. Век девятнадцатый, век двадцатый, век двадцать первый. Молодой граф Толстой и старый станичник Ерошка, юнкер Оленин и казачка Марьяна, чеченец Садо Мисербиев и кавказский пленник Жилин.

Школьные учителя супруги Иван и Надежда Радченко, корреспондент «Литературной России» Г. Юровский и скульптор В. Астапов, ди-

ректор музея Хусайн Загибов и партийный лидер Доку Завгаев, первый Президент Ичкерии Джохар Дудаев и спикер Государственной Думы Руслан Хасбулатов, первый Президент Чеченской Республики Ахмад-Хаджи Кадыров, его сын нынешний президент Чеченской Республики Рамзан Кадыров и сын покойного директора музея Салавди Загибов, праправнук Л. Н. Толстого директор музея-усадьбы «Ясная Поляна» В. И. Толстой и праправнук его кунака Садо Мисербиева, руководитель молодежного движения республики Садо Мисербиев.

Теперь уже трудно определить, кто более реален, а кто более вымышлен — исторические личности или литературные герои.

Воистину диковинная по сложности конструкция, да и по прочности диковинная. Не всё в Чечне пережило трудные годы. И ещё — вселяет надежду кровная преемственность: сын покойного Президента республики и сын покойного директора Музея, праправнук великого писателя и праправнук его верного друга. С них спрос не только от современников и потомков, но и от предков, а это, согласитесь, очень серьезно. Я до сих пор хорошо помню седую бороду своего прадеда и крепкую руку деда.

Война и музей — это как война и мир. На протяжении всего военного лихолетья Музей в Старогладковской был островком мира, а когда пришла третья военная кампания, стал его предвестником.

Военные были очень удивлены, когда к ним пришла делегация из лежащей на пути войск станицы, и немолодой чеченец попросил не стрелять в сторону селения. Потому что боевиков там

нет, но... есть музей Льва Толстого, а ещё есть школа, в которой учатся дети, которых учат русские учителя, потому что есть музей Толстого.

Ещё больше военные были удивлены, когда, приехав в станицу, увидели музей Толстого и памятник Толстому, и школу имени Толстого, и русских учителей. А ещё войсковые командиры встретили в станице много молодых мужчин, которые не воевали против русских.

Немолодой чеченец оказался директором Музея Хусайном Загибовым и провёл для военных экскурсию. Провёл по всем правилам и канонам этой непростой, совсем забытой к тому времени в республике профессии.

В станице рассказывают, что один из русских генералов сильно матерился по телефону, выйдя после экскурсии во двор Музея. И еще шёпотом добавляют, что ругался в сторону Москвы. Да простит его древняя наша столица, иногда и мат бывает благозвучен. Уж куда благозвучнее артиллерийской канонады.

Генералов невозможно изменить, но изредка можно убедить. Я думаю, что посещение Музея повлияло на весь дальнейший ход этой войсковой операции. Может быть, генералы теперь видели не только направления и цели, но и русского писателя Льва Толстого в окружении живых Людей.

Через несколько дней пришла очередь удивляться жителям станицы Старогладковской. Тульские десантники — в станице хорошо помнят, что именно тульские, — привезли для переклашек новенькие, пахнущие магазином ранцы и такие же новые, пахнущие типографской краской учебники. Жителям выдали объёмистые продуктовые наборы, а работники Музея впервые за три года получили скромную зарплату. Но ведь получили! Это был 1999 год.

В 2000 году сюда приехал потомок Л. Н. Толстого, директор Яснополянского музея Владимир Ильич Толстой. Приехал «восстанавливать прерванные войной контакты». Цитатой из его воспоминаний о поездке я и начал свой рассказ.

Это был Поступок. Поступок, положивший живое начало качественно новым отношениям между двумя музеями. А может быть, между двумя народами?..

За недолгие годы работы в Ясной Поляне я неоднократно бывал на Северном Кавказе, ездил по Чечне и Дагестану, знакомился с разными людьми, ночевал в их домах, ел и пил с ними

за одним столом. Принимал гостей с Кавказа в своем доме, работал и отдыхал вместе с ними.

Мы вместе с аварцами выбирали, везли и устанавливали в Пироговских имениях графов Толстых (отдел Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна») в Тульской области памятный Камень их земляку Хаджи-Мурату — последнему герою последней повести великого писателя и «всем погибшим в кавказских войнах».

Вместе с чеченскими друзьями мы обсуждали проект создания межнационального детского лагеря «Кунак». Тогда я, пользуясь гостеприимством семьи Загибовых, жил в станице Старогладковской, впервые в своей жизни увидел легендарный Терек и побывал на скачках знаменитых чеченских джигитов.

Совместно с Министерством образования Чеченской Республики отдел, которым я имею честь руководить, в 2009—2010 годах проводил конкурс «Кавказ в жизни Л. Н. Толстого» для чеченских школьников. А главное, я в составе жюри читал и смотрел пронзительные по искренности творческие работы детей.

Все это дает мне право с полным пониманием утверждать, что сегодня Толстой один из немногих, а скорее, даже единственный со стороны России мостик, через который можно попробовать построить принципиально новые, равноправные и равнообязанные отношения между народами. Именно между народами, а не между бездушными и безличными регионами, субъектами федерации и экономическими зонами. И здесь, как ни крути, музеям не обойтись без основательной государственной поддержки.

Проводя награждение победителей конкурса в Литературно-этнографическом музее Л. Н. Толстого в станице Старогладковской, я испытывал нестерпимый стыд. Да, мы вручали детям замечательные книги, написанные замечательными писателями и подписанные потомком великого Толстого. И вручал их замечательный человек, заслуженный врач, депутат Государственной Думы России Алид Кожалович Яхихажиев.

Но...

На вопрос детей, поедут ли они в Ясную Поляну, я не смог им этого пообещать. Была договоренность с директором Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» обеспечить детей бесплатным проживанием, питанием и экскурсиями по Ясной Поляне и Туле.

Но...

Снова «но...»

Яснополянский музей не был в состоянии оплатить школьникам и учителям затраты на дорогу. Музеи, даже всемирно известные, увы, не отличаются большими финансовыми возможностями.

И ещё...

Мы с чеченскими детьми, учителями и работниками Музея стояли на крыльце прекрасного нового здания. По личному распоряжению Президента Республики Рамзана Ахмад-Хаджиевича Кадырова на его строительство были выделены крупные ассигнования, и эти средства вовремя и качественно освоены, свидетельством тому новое прекрасное здание Музея.

И снова «но...»

На реставрацию экспонатов, разработку и создание экспозиции «под ключ» необходимо ещё около пятнадцати миллионов рублей. Без них здание пустует. Нет экспозиции — значит, нет Музея. Музея, выстоявшего и не прекратившего своей работы в течение всех лет политической смуты, вооруженного противостояния и экономического безвременья.

Ушел из жизни Хусайн Загибов, человек, двадцать три года денно и ночью сохранявший и приумножавший собрание Музея, ценой собственного здоровья спасший и сберегший его. Закончились жизненные силы организма, истраченные человеком на самое главное для него дело, но жизненные силы Музея не должны заканчиваться, и он не должен умереть.

К счастью, у Хусайна Загибова есть сыновья, и старший из них, Салавди Хусайнович, теперь директор музея. И поэтому есть надежда, что Музей будет жить. Как есть надежда, что будет жив мир, пока есть сыновья, продолжающие дело отцов, внуки, продолжающие дело дедов, потомки, хранящие живое слово и живую память своих предков.

Уважаемые наши политики, экономисты и финансисты! Спросите у нас, музейщиков: сколько вам нужно и на что? Мы скажем, на что, а грамотные бухгалтеры посчитают, сколько. Поверьте, мы отчитаемся за каждый потраченный рубль. И он прорастет добрыми всходами, уменьшив ваши затраты на детекторы металла, камеры наблюдения и боеприпасы.

Может быть, я лелею напрасные надежды? Может быть. Но я романтик, романтик Музея. И я не один.

PS. В 1959 году в станицу Старогладковская из Украины приезжают супруги Иван и Надежда Радченко.

В 1964 году по совету корреспондента «Литературной России» Г. А. Юровского начато создание в станице музея Л. Н. Толстого.

В 1965 году открыт школьный краеведческий музей.

В 1978 году, к 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, установлен памятник писателю работы ленинградского скульптора В. В. Астапова.

В 1981 году приказом министра культуры ЧИ АССР музей становится филиалом Чечено-Ингушского краеведческого музея.

В 1984 году сотрудниками Государственного музея Л. Н. Толстого и оформительского комбината г. Москвы создается новая экспозиция. В этом же году скончался И. К. Радченко и директором музея становится его супруга Н. М. Радченко.

С мая 1985 года музей возглавляет Х. Х. Загибов. В это время музей посещает глава республики Д. Завгаев.

В 1992 году музей посещает президент Ичкерии Д. Дудаев.

В 2000 году в музее побывал праправнук писателя, директор музея-усадьбы «Ясная Поляна» В. И. Толстой.

В 2001 году в работе конференции, посвященной 150-летию приезда Л. Н. Толстого на Кавказ, участвует первый Президент Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадыров.

Во время военных конфликтов Х. Х. Загибов сохраняет музей и продолжает экскурсионную деятельность.

В 2008 году уходит из жизни Х. Х. Загибов и его дело продолжает старший сын Салавди Загибов.

Х. Х. Загибов — заслуженный работник культуры Ичкерии, заслуженный работник культуры Чеченской Республики, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», лауреат премий имени В. Высоцкого «Своя колея» (2007) и интеллектуального центра Чеченской Республики в номинации «Подвижничество».

В 2008 году по распоряжению Президента Чеченской Республики Рамзана Ахмат-Хаджиевича Кадырова строится новое здание музея.

В ноябре 2009 года в присутствии В. И. Толстого состоялось торжественное открытие нового здания Литературно-этнографического музея Л. Н. Толстого в станице Старогладковской — филиала Национального музея Чеченской Республики.

ИСТОРИЯ С КАМНЕМ

Это случилось 160 лет назад ..

«... Гаджи-Ага, наступив на спину тела, с двух ударов отсек голову и осторожно, чтобы не запачкать в кровь чувяки, откатил ее ногою...» (Л. Н. Толстой «Хаджи-Мурат»)

Так в последней повести Льва Толстого голова главного героя начинает свой самостоятельный через пространства, годы и царства, незавершенный до сегодняшнего дня путь.

Повесть эта известна во многих уголках мира, а в прошлом году один замечательный человек перевел ее на хинди, дав возможность еще более чем полутора миллиардам жителей Земли познакомиться с главным героем, его яркой судьбой и пронзительно-трагической смертью.

Но сама повесть еще не закончена. Повесть, потребовавшая от Льва Толстого сил и времени не меньше, чем знаменитый роман «Война и мир».

Двадцать три начала, десять полных редакций всего текста, 2152 черновые страницы и около полутора тонн справочных материалов для всего 250 готовых к печати страниц. Страниц, обреченных автором не быть изданными при его жизни. Значит, повесть о Хаджи-Мурате того стоила?

Повесть-наследие, повесть-ключ к пониманию кавказской войны, повесть-завещание потомкам своим и Хаджи-Мурата, читателям и писателям, солдатам и правителям.

А голова бывшего «лучшего наиба имама Шамиля» продолжала свой собственный путь, оставив тело погребенным недалеко от древнего селения Закаталы (Азербайджан). Она была отправлена в Темир-Хан-Шуру (Буйнакск). Здесь очень многие хотели убедиться, что Хаджи-Мурат мертв, и теперь можно спокойно спать и ездить по дорогам.

В Тифлисе хотели того же и, в первую очередь, сам наместник князь Воронцов. Голова прибыла в Тифлис.

А ее уже ждали для высочайшей аудиенции в Санкт-Петербурге. Там голова Хаджи-Мурата и осталась бессрочно заключенной в темнице сначала Военно-медицинской Академии, а потом — Кунсткамеры, «Музея этнографии и антропологии имени Петра Великого».

Сменяли друг друга императоры, вершились революции, начинались и победно заканчивались войны, а заключение Хаджи-Мурата продолжалось, без амнистий и помилования. Да кто же он такой? Какие злодеяния совершил этот горец, что нет ему до сих пор права даже не на жизнь, а на покой?

Он воин. Один из лучших воинов далекой кавказской войны позапрошлого века.

В 2010 году, году столетия памяти Л. Н. Толстого, во время Всемирного съезда потомков писателя, в селе Пирогово Тульской области, на краю поля, где родилась эта повесть, был открыт Памятный Камень Хаджи-Мурату, последнему герою последней повести писателя и всем погибшим в кавказских войнах. Камень был привезен из аула Хунзах, родины легендарного аварца. У подножия на гранитной плите выбита надпись на русском и арабском языках: «Да примирит и упокоит Всевышний души всех погибших в кавказских войнах».

В тот день у Камня поочередно служили поминальный молебен по погибшим на Кавказе русский православный игумен, католический священник и имам тульских мусульман. Их единоверцы, в том числе приехавшие из Дагестана и Чечни, стояли в одном кругу, среди потомков Льва Толстого, собравшихся из многих стран мира. Это была общность людей разных стран, языков и представлений о Всевышнем, разных уровней образования и достатка. Это была живая модель России и мира.

Кавказ откликнулся. В мае этого года в Дагестане будут открыты два памятника: Льву Толстому в Махачкале, Льву Толстому и Хаджи-Мурату в горном местечке Матлас, построенные на личные пожертвования умных и неравнодушных людей. Одной из школ Хасавьюрта, первой в новом тысячелетии, будет присвоено имя великого русского писателя.

На днях потомком Льва Николаевича Толстого, директором музея-усадьбы «Ясная Поляна» В. И. Толстым на имя Председателя Правительства Российской Федерации было направлено письмо

с просьбой о прямом участии В. В. Путина в решении этой более чем полуторавековой проблемы воссоединения и захоронения останков Хаджи-Мурата. Мы все, небезразличные к его судьбе, живущие в Центральной России и на Северном Кавказе, очень надеемся, что письмо не останется без внимания. И с Божьей помощью, усилиями нас, ныне живущих, Хаджи-Мурат обретет долгожданный покой.

Говорят, что война не закончена, пока не захоронен ее последний погибший воин. Я верю, что с захоронением Хаджи-Мурата Россия, наконец, закончит ту старую кавказскую войну XIX века. А закончив, получит возможность примирить Кавказ с собой и целым миром.

Ведь мы изменились за эти 160 лет?

НА БРАТСКИХ МОГИЛАХ НЕ СТАВЯТ КРЕСТОВ...

Эту статью я лет пять-шесть назад писал для Российской газеты. Началась она для меня со звонка Исы Макаева, приехавшего из Грозного с двенадцатилетним сыном на могилу своего долгие годы считавшегося без вести пропавшим родного дяди. Кто-то из наших общих чеченских знакомых дал Исе мой номер телефона.

Я водил их по Ясной Поляне и рассказывал всё, что мог, о Льве Толстом, о его семье, близких и далёких предках и об истории усадьбы, да ещё о многом, что интересовало моих новых знакомых.

Потом, уже на могиле Льва Толстого, Иса спросил у меня, могут ли они здесь помолиться. Я ответил, что молиться человеку никто, кроме Бога, не может ни разрешить, ни запретить, что это лично его, как и всех верующих людей, неотъемлемое право. И они с сыном стали вместе молиться о бессмертной душе Льва Толстого, стоя возле того самого места, где окончился его земной путь...

Я смотрел на истово молящегося двенадцатилетнего чеченского мальчика, он как будто светился изнутри, и было у меня такое чувство, что ещё чуть-чуть, и он просто взлетит.

Потом по пути к башенкам Иса Макаев подробно рассказал мне историю своего дяди Андарбека, а я не смог об этом не написать. Ещё в том самом 2012 году...

Полевая почта рядового Макаева

Они стояли под русским серо-голубым декабрьским небом и, глядя перед собой на сложенные «Кораном» руки, молились.

Чеченцы. Отец и сын. Молились у могилы своего великого писателя, русского графа Льва Толстого. Молились также сосредоточенно, сдержанно и искренне, как совсем недавно молились у могилы девяти известных и двадцати пяти неизвестных бойцов советской, рабоче-крестьянской Красной Армии, погибших в нескольких километрах отсюда на подступах к Ясной Поляне, за которой была Тула, за которой была Москва.

Семьдесят лет назад сюда в лютую русскую зиму из далёкого чеченского аула Старые Атаги, известного расходившимися оттуда по всему Кавказу, надёжными стальными клинками, пришёл шестнадцатилетний паренёк Андарбек Макаев. Пришёл, приписав себе два непрожитых года, чтобы уже завтра встретиться с непревзойдённым по жестокости и военному искусству врагом — фашизмом, ставшим теперь его личным кровным врагом.

В родной Чечне, под надёжным домашним кровом всё было обжитым и за шестнадцать лет, давно знакомым и близким, а возраст позволял Андарбеку оставаться дома ещё два честных тыловых года.

Целых два года самой беспощадной, ни на секунду не прекращающейся, страшной войны! Кровавой бойни, пожирающей ежедневно тысячи жизней. Но он был мужчиной. А кто, кроме настоящего мужчины, может остановить наступающую адскую лавину, не дав ей докатиться до дверей родного дома. И он остановил её, здесь, у самых ворот Ясной Поляны. На пороге Москвы. А остановив, пропал без вести на долгих тридцать с лишним лет.

Кто, кроме Господа Бога, может знать, сколько было пролито горячих материнских слёз на древние атагинские камни? И сколько послано горячих отцовских молитв к безмолвным до времени небесам? Андарбек пропал без вести, без следа и, казалось бы, навечно.

А война пришла к самому порогу его дома. И была кровавая битва за Кавказ, и шла она в самом сердце гордой, горной страны. Другие парни, как и Андарбек, бывшие настоящими мужчинами, пришли из далёких и близких родов, аулов, кишлаков и сёл, чтобы так же, как

и он под Тулой, остановить своего кровного врага на Кавказе, заплатив за это своими молодыми, дарованными самим Всевышним жизнями.

Мой отец, сержант Леонид Опарин, из маленькой деревни Лаврентьевки Топчихинского района Алтайского края участвовал в той битве; был вместе с другими защитниками, пришедшими туда из всех уголков огромной, могучей в своём единстве страны.

И они победили. Победили, заплатив за победу по самой нечеловечески высокой человеческой цене. И свидетелями тому миллионы мужчин, лежащих в далёких от родных очагов могилах, в политой их кровью, а значит родной земле.

В середине семидесятых годов один из племянников Андарбека Макаева в числе тысяч молодых, способных людей стал московским студентом. Его однокурсница, девушка из Щёкинского района Тульской области, как-то спросила: а нет ли среди родственников молодого чеченца погибшего на её родине солдата с такой же фамилией? Не далеко от своего дома, в посёлке Полевом, на мраморной доске братской могилы она видела фамилию Макаев.

Совпало всё: фамилия, имя, дата, звание. И только в отчестве, видимо армейским писарем, не привычным к кавказским именам, вместо Якубович было записано Укубович.

Так Андарбек Якубович Макаев перестал быть без вести пропавшим, обретя вечную солдатскую прописку в посёлке Полевом на Симферопольской улице в одной могиле с украинцем, евреем, русским, татаринцом и ещё тремя десятками своих известных и неизвестных братьев по оружию.

Слёзы матери и молитвы отца были услышаны.

Вскоре на братскую могилу в посёлок Полевой приехал с женой родной брат Андарбека Якубовича — Зайнади Якубович Макаев. Приехал из далёкой Чечни поклониться могиле своего погибшего брата и земле, которую тот защитил.

Прошло ещё тридцать с лишним лет. Неистребимое древнее зло сумело развязать войну внутри той самой, необъятной, братской, могучей своим единством страны, которая была родиной солдатам тяжелейшего для всего народа 1941 года.

Пролили кровь друг друга дети и внуки покоящихся в братских могилах настоящих мужчин.

Но стоило злу отступить, и снова зов памяти заставил потомков прийти и поклониться той земле, за которую их отцы, деды и прадеды,

вместе пролили кровь. И зов этот не знает расстояний, государственных границ и собственных имён политиков, стремящихся растащить на части нашу сильную единством многонациональную страну.

Два чеченца — зрелый мужчина и мальчик. Они молились держа перед собой сложенные «Кораном» руки. Молились также сосредоточенно, искренне и сдержанно, как и у братской могилы с фамилиями сыновей разных народов, среди которых был и их кровный родич.

Ветеран чеченской милиции Иса Зайнадиевич и пятиклассник грозненской школы Умар Исаевич Макаевы стояли у могилы своего великого русского писателя, яснополянского старца Льва, покоящегося в одной земле со староатагинским юношей Андарбеком и тысячами тысяч других мужчин, отстоявших в той войне их общий мир.

Наши отцы, деды и прадеды, покоящиеся в одних братских могилах, будут нам строгими судьями, если мы посмеём про это забыть.

А может быть нам, потомкам воинов двух мировых, двух отечественных и бесчисленного количества иных войн на Родине и во всех концах света, не взваливая на детей и внуков груза своей духовной ответственности, создать такой «Всемирный орден-братство хранителей воинских могил»?

И уже сообща по всей Земле находить, восстанавливать и содержать в должном состоянии и почтении все без исключения воинские захоронения, не исключая существующих на территории России германских, французских, польских и ордынских могил. Будем встречаться возле них с другими потомками, чтобы честно смотреть друг другу в глаза, говорить недлинные честные слова и, примирившись, по-братски всё понимать, ничего не забывать и всегда обо всём помнить. Это наш человеческий долг и наше наследованное мужское право.

А пока каждый год, восьмого мая, в преддверии Дня Великой Победы, мы, представители разных народов, живущих на родине Льва Толстого, собираемся у братской могилы в посёлке Полевом Щёкинского района Тульской области, читаем фамилии на мраморной доске братской могилы и разными словами на разных языках молимся о тех, кто, придя сюда разными дорогами из разных краёв, остался в этой земле навсегда...

10.01.2012

© Геннадий ОПАРИН

Ирина ГАВРИЛОВА

Родилась в Ярославле, окончила Ярославское художественное училище. С 1967 года живет в Туле. Автор стихотворных сборников: «Озерцо», «Автопортрет с близкими», «Во свете безмерном», «Тенета сумерек», «Пристани-ростани», «Избранное», «Сад на камнях».

Лауреат областной премии им. Л. Н. Толстого (1912). В настоящее время работает в музее П. Н. Крылова.

На русском языке

* * *

В деревне на большом холме
Погаснут скоро окон искры —
и тьма пройдет по земле,
все черным молоком обрызгав,
и ляжет здесь, у бочага,
где торфяные воды глухи,
где все, от камня до малька,
ровесники земли-старухи.
Где только ветер с высоты,
как вздох меж вздохами другими,
уронит в черный ковш воды
потерянное мною имя...

* * *

Слишком долго я ту красоту отлучала,
от себя, по нездешним вздыхая цветам.
Слишком долго плыла от родного причала,
но не с теми совсем, не туда. И не там
колесила по тропам чужим и ненужным,
из скорлуп вылушивая слова.
И как скареда в душных подвалах, недужно
их считала, пока не зашлась голова.
Я в усердьи на зуб их брала и на ощупь,
и на запах... Но разве ответит мне кто:
почему я не еду? Чего бы уж проще?
Только бабка и спросит: «А пишешь пошто?»
Это значит: зачем? Как опять по дорогам
после слова того было б мне колесить?
Опоздала — упасть у родного порога.
Опоздала — у бабки прощенья просить...

Там, где вечер, грациные люльки качая,
бродит в старенькой роще,

по колено в листве,

где закат, цвета спитого желтого чая
оробело скучает в болотной траве, —
там и птицы давно обо мне откричали,
и болота отплакали... К той стороне
рвется сердце с годами больней и отчаянней.
А без сердца не выдюжить мне.

* * *

Паучок — на паутинке,
жизнь — висит на волоске.
В черном небе — ни звездочки.
Сердце ухает в виске.

... Что, душа, опять в ознобе
смотришь сон свой вековой:
в мерзлоту норильских топей
их закатывал конвой,

В глину Беломорканала
втаптывал людей живых.
Широка страна. Немало
в ней просторов ледяных.

Ни креста, ни обелиска,
и могилы даже нет.
Вся земля — навек прописка
ваша, бабушка и дед.

Ваша, Михаил и Анна,
ваша, тысячи других...
Лишь луною осияна
скоро будет память их.

... Ни соцрая, ни капрая,
раев никаких не ждем.
Вон, бутылки собирая,
бомжи мокнут под дождем.

И ГУЛАГов им не надо.
С ними справились и так.
И одна за все награда —
ледяной луны пятак.

* * *

И ветер, и ломкая белая стынь.
И ветер..
И вечер качает сухую полынь,
и вечер..
И дом этот странный:
есть дверь на восток —
и запад..
Эй, кто там подошвы отер о порог —
до завтра.
Сегодня одна притулюсь на печи
меж дверью и дверью.
Всему, что нашепчет мне ветер в ночи —
поверю.
Поверю — бессмертны за окнами пруд
и лунная льдышка.
И узкие листья, что тихо плывут
и дышат..
Поверю, — крепки за оградой кресты,
ухожены плиты,
И все голоса над полями чисты,
и слиты..
И запад — восток
только суток челнок,
А между — дорога.
И много — иметь этот дом и порог,
а вечность — немного..

* * *

Бирюзовой облит краской
купол неба над страной.
Сквозь весну — по ярославской
по дороженьке — домой..

До чего прозрачны дали!
И на горках, там и тут,
храмы — символы печали,
Словно призраки, встают.

Тот — разрушен, этот — выжил,
может крестиком блеснуть.
Путь земной их болью выжжен,
как земли российской путь.

Неудобны, лишни, странны,
словно в рифмах — белый стих.
Словно старцы-ветераны
на пиру в честь них самих.
Рядом блещет позолотой
новодел, как мелкий бес.
И глядит на все с зевотой
новой жизни новый плебс.

* * *

Признание любви всерьез
«чете белеющих берез»
Или «кусту рябины красной»,
ты — подвиг сердца. Но напрасный.
И для себя лишь самого
в молчанье соверши его.
Зачем просить на площадях
из ложной веры иль в угоду
прощенья у толпы народа?
Народ давно растоптан в прах.
И каяться зачем с трибун,
коль в ряд с тобой такие рожи,
что проберет мороз по коже
всех, в ком еще «свободный ум»
в глубинах теплится сознания.
И не разделит ни признанья
в любви, ни подвига души.
Вслед за великим напиши:
«Молчи, скрывайся и тай..»
И знай — тебе еще осталась
небес Божественная жалость
из «слез и жизни, и любви..»

* * *

Время другое. Надо писать по-другому..
В горле — комок.

Или это предсмертная кома?

Мир лихорадит.

О, велика свистопляска!

Темная ряса мелькает —

болотная ряска?

Боже, подай хоть какой-нибудь знак
во спасенье!..

Наш исторический факт —

это сплошь — Воскресенье.

Ну и кровавое,

Екатерина КАРТАВЦЕВА

Поэт, писатель, журналист, обозреватель в областной газете «Тульские известия». Автор семи книг стихов и прозы для детей, а также стихотворных сборников «Три счастья», «Весеннее обострение», «Обернись». Номинант Национальной детской литературной премии «Заветная мечта», лауреат премии «Истоки», лауреат премии Национальной медицинской палаты в сфере журналистики. В настоящее время готовит к изданию мемуары в стихах «Со своей колокольни».

Свет, зовущий вдалеке

* * *

Новый век, шельмец, двуликий Янус,
В жажде потребленья рвущий анус,
Век-напёрсточник, кичащийся стократ
Упраздненьем аксиом, координат,
Век, что так цинично независим
От родных хрестоматийных истин,
Счастье на грядущие века
Обещающий всегда — с броневика,
Век, где даже вера — технология,
А поэты — шизики убогие, —
Ты куда несёшься на заре,
Как Мюнхгаузен на пушечном ядре?

... Я стою в палате затрапезной,
Встань и ты со мной на кромке бездны —
Погоди, охолонься чуток,
Прежде чем включают электроток.

СНЫ СБЫЛИСЬ, ИСПОЛНИЛИСЬ ПРОРОЧЕСТВА

Сны сбылись, исполнились пророчества.
Ворон каркает, смеется неясить...
Правят ОПГ и одиночество.
И пора бы, кажется, остыть...

Но упорно — в переулке узком,
На цепи, в капкане, в тупике —
Мы с неподражаемостью русской
Видим свет, зовущий вдалеке.

Вопреки тому, что есть на деле:
Череди руин через века,

Уповать на свет в конце туннеля —
Код национальной ДНК.

Скажем, чтоб терзанья не утраивать,
Что ни царь, ни Бог здесь ни при чем,
И опять отчизну обустраивать
Не с нуля, а с минуса начнем.
Можно проклинать привычки рабы,
Грезить пулей, править произвол...
Но любить Россию лишь по-бабьи —
Выжав тряпку, подоткнув подол.

* * *

Ниблер, шугаринг, бариста, скриншот,
Вендинг, апгрейд, блокбастер, рекрутинг...
Я, как сошедший с Эльбруса Ашот,
Не понимаю вас, русские люди.

Нужен словарь и, возможно — портвейн,
Чтоб разобраться. И коуч — до кучи.
Странен мне этот новейший синквейн,
Где на задворках — великий, могучий...

Я чужестранка в режиме онлайн.
А на ресепшен с утра и до ночи:
Паттерн, промоутер, кастинг, дедлайн...
Месседж понятен?
Признаться — не очень!..

И как носителю языка,
Что был подвёрстан на уровне генном,
Мне так приятно включать дурака:
«Да, милсударыни!», «Всенепременно...»

NEWS FLOW¹

Мой дом моей крепостью быть перестал,
 Когда нас news flow и на печке достал:
 Мы с радостью приняли радиоящик,
 Не помня данайцев, дары приносящих.
 А это был первый троянский конёк —
 Ещё несмыслённый конёк-горбунок.
 Пока он резвился, мешая слегка,
 Все даже любили того горбунка.

... Потом мы сломали ворота, чтоб влез
 Мощный данайский тяжеловес.
 Светящимся глазом крутил раздражённо
 На тех, кто объездить хотел першерона.
 Сегодня он всюду: и сверху, и снизу,
 Куда ни посмотришь — кругом телевизор.
 И давит, и давит, выносит мозги —
 Попробуй-ка кто-нибудь пренебреги...

... И вот уже узкими стали ворота:
 Приам с благодушным лицом идиота
 Зубчатую стену велит разобрать,
 Впуская ретивых компьютеров рать.
 Грызут удила — застоялись слегка,
 И те же, данайские, в них потроха.
 Развязана ныне такая война,
 Чтоб нашу особость послали мы на...
 И в собственном доме средь белого дня,
 Троянская конница топчет меня.

* * *

Вот же время адово...
 Сквозной мотив —
 Мне, как Мармеладову,
 Некуда пойти!

Свидетелься не рады
 Родичи, друзья:
 — Напишу!
 — Да ладно...
 — Забегу!
 — Нельзя...

Раньше жили венником —
 Не сломать, резвясь.
 С каждым соплеменником
 Ощущали связь.

¹ Новостной поток (англ.)

А теперь — как прутики.
 Раздается хруст
 В телефонной трубке —
 Даже брать боюсь...

И — по траектории —
 Ветер ледяной
 Над территорией,
 Что была страной.

ЖУРАВЛЬ

Все, что больше не имеет веса
 (Временем отвергнуто крутым!),
 Растворится,
 Как в земле железо,
 Разлетится,
 Как прогорклый дым.

Да, скрипят у журавля суставы,
 Тяжело ему тащить бадью...
 А попробуй-ка в юдоли ржавой
 Постоять у бездны на краю.

Позаглядывай в сырую темень,
 Зноем иссушающим палим...
 Повертись на каланче меж всеми
 Да поклоняйся — то нам, то им...

И поймешь:

тебе же

посчастливится,

Если кто-то пустит на дрова...

Уходящая натура не противится.
 И качает воду, не — права.

* * *

Остановись средь разочарований,
 Когда сквозит в неприбранной душе,
 И все цветы твоих воспоминаний
 В гербарий превращаются уже.

Не суетись.
 Не ставь высоких целей.
 И никаких зарок не давай.

В колодезном ведре, как в колыбели,
 Новорожденный месяц принимай
 За полную луну...

И пусть растет, как хочет —
 Не ведая удела и рожна...
 ... И станет утро мудренее ночи,
 И отлетят плевелы от зерна.

НОЧНАЯ ФИАЛКА

Все к солнцу восходят, ты — к первой звезде.
 Твое одинокое соло —
 Твой розовый дым — проникает везде,
 Он в сердце моем, маттиола.
 Запахнуты циннии и ноготки,
 Вьюнков ослабели объятья...
 Одна лишь фиалка, всему вопреки,
 Во мраке не спит как собратья.

Раскрылась навстречу высокой луне,
 И сад — в розоватыхakraпах.
 — Я снова люблю? — померещилось мне,
 А это — фиалковый запах.

Тогда-то я тайну твою поняла
 И в ступе ее измолочила:
 Я знаю, кем в жизни ты прежней была,
 Спешащая в ночь Маттиола.

... Просунул луч, и на первом свету
 Соцветия гаснут как свечи.
 Но все еще нежностью пахнет в саду
 И смутной надеждой на встречу.

СПЯШАЯ КРАСАВИЦА

Я в комнатах заклеиваю рамы —
 Уже неделя после Покрова.
 Уже морозец по ночам упрямый
 И валится последняя листва.

Уже в лесу насторожились ёлки:
 Кому из них придется к алтарю
 Идти в огнях и золотых оборках,
 Чтоб «да» шепнуть седому декабрю.

Я между рам раскладываю вату,
 Зеркальные осколки, канитель,
 Сугроб из пенопласта ноздреватый
 И вазочку хрустальную — постель.

И голубянку, что уснула в сенцах
 На это ложе вешее кладу:
 Пусть встрепенется маленькое сердце,
 Когда большие холода уйдут...

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью.
 Когда вокруг затенькают капли,
 Да распахнутся бабочкины крылья
 От поцелуя юного апреля.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ АНГЕЛ

Пламя гудит в изразцовой печи,
 Кружит за окнами снег...
 Разве не славно сидим и молчим —
 Ангел и человек?

Поутру в ельнике найденный мной
 Вестник в царском венце,
 С быстрыми крыльями за спиной,
 Ясным огнем на лице,

Разве в плену я тебя держу?
 Птичьи — мои права!
 Не перейти роковую межу
 Даже вблизи Рождества.

Хочешь — лети над планетой ночной!
 Лунный кривится круг...
 Только — уютней в избушке лесной,
 Мой златокудрый друг.

Ты ли — не там, я ли — не с тем,
 Скоро Куранты пробьют!
 У галактических звездных систем
 Свой — мировой — неуют...

Передохни от заоблачных сфер,
 В чем-то правы улитки...
 Разве не славно тебе, например,
 Просто — качаться на нитке?

Светит гирлянда, дождик блестит...
 Близок волшебный момент...
 Гость мой единственный, не грусти —
 Гост говорит президент!

© Екатерина КАРТАВЦЕВА

Михаил СУДАЧЕНКОВ

Учитель высшей категории. Занимается изучением исторических тем: «Неизвестные тульские анархисты начала XX века», «История зарождения казачества на территории Тульского края в 16-17 вв.», «Атлас фамилий Тульского края до 1917 года», и др. В российском казачестве имеет чин казачий полковник, а в Международном союзе казаков «Казачество Запорожское им. атамана Близнюка» — чин генеральный хорунжий (генерал-лейтенант казачества). С сентября 2016 года в Балканском казачьем войске (Россия — Сербия — Черногория — Республика Сербская в составе Боснии и Герцеговины), по распоряжению верховного атамана В. В. Заплатина составляет летопись этой организации.

Летопись Балканского казачьего войска

Начало сентября 2016 года — по благословению Сербской православной церкви в городе Котор (Черногория) прошёл учредительный круг Балканского казачьего войска.

Казачество всегда являлось оплотом Православия, которое зародилось в Византийской империи. Казаки, если это настоящие казаки, считали себя воинами Христовыми, а свои объединения ещё образно иногда называли ПРАВОСЛАВНЫМ ХРИСТОВЫМ ВОИНСТВОМ.

Наверняка в нашей казачьей среде найдутся, мягко говоря, скептики, которые будут с пеной у рта хулить в интернете казаков из России и с Донбасса, которые помогли своим сербским братьям создать казачье объединение на Балканах, называть их всевозможными оскорбительными словами, мол, «откуда в Черногории и Сербии казаки? Казаки могут быть только в России и на Украине, да и то, только в тех местах, где когда-то при царе батюшке находились их войсковые земли», — обычно приводится ими в качестве аксиомы, не требующей доказательства.

Лживо-беспощадная фантазия этих инверторов казачьих ценностей не знает правил приличия и тем более не ограничена никаким здравым смыслом. Ей чужды позывы создать что-то позитивное и улучшить уже существующие и устоявшиеся общественные институты.

Тем не менее, свершилось то, что ещё недавно было невероятным: в православных славянских республиках бывшей Югославии появились свои казаки. Причём не отдельные личности, а казаки, организованные в хутора и станицы.

Да, именно свои казаки, а не те, кого называют эмигрантами из России. Свои — это те, кто

плоть от плоти и кровь от крови из сербского и черногорского народа.

История появления казаков на Балканах восходит ещё к концу 18 столетия, когда часть черноморских казаков после разгона Екатериной Великой Запорожского войска переселилась не на Кубань, а в район, где Дунай при впадении в Чёрное море образует рукава (протоки). Вот именно здесь два куреня запорожцев поселились на островах дунайской дельты, образовав так называемую Задунайскую сечь (1775—1828 гг.).

Но служба султану, видимо, не всем была любя. Вскоре часть казаков отправилась на службу к императору Австрии и основала в низовьях Тисы поселения, которые современные украинские историки называют «Січ у пониззі Тиси». С 1785 по 1805 годы они несли службу и жили на территориях, которые расположены по левому берегу Дуная, напротив современной столицы Сербии — Белграда.

Выдержать жизнь и службу на чужбине задунайцам удавалось только с 1785 до 1828 года, а образованная Габсбургами «Січъ» в низовье Тисы и вовсе просуществовала лишь двадцать лет. Куда потом подались казаки с австрийской службы мы не знаем, скорее всего, вернулись к своим братьям на Дунай, а то и вовсе на историческую родину — в Россию.

Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. значительные силы казачьих войск из России принимали участие в боевых действиях против турок как в составе своих частей, так и в качестве добровольцев в сербской и черногорской армии, и в составе болгарского ополчения.

Особенно запомнился третий заход казаков на Балканы — после гражданской войны в России

(1918—1920), когда их значительные силы, спешно покинув территорию «Совдепии», поступили на службу к королю Югославии и царю Болгарии. Всех их с окончанием второй мировой ждала трагическая судьба. Многие казаки, бывшие поданные балканских монархов, выступив по повелению своих атаманов на стороне Третьего рейха, были переданы в 1945 году союзниками англичанами в руки советского правосудия у австрийского Линца.

Четвёртый раз уже наши казаки проявили себя как защитники геополитических интересов России и славянства в Сербской Краине, Республике Сербской и Косово в жестокие и трагические 1990-е, когда на просторах распадающейся Югославии начались братоубийственные войны с религиозной подоплёкой между бывшими «братьями югословенцами».

Это были люди, прошедшие советскую школу воспитания и школу советского патриотизма, имевшие опыт участия в военных конфликтах в Афганистане, Приднестровье и Абхазии, воспитанные на прекрасных югославских фильмах, прославляющих подвиг партизан Югославии, на фильмах с участием Гойко Митича, показавших борьбу индейцев с коварными янки.

Войны между родственными славянскими народами носили в конце XX века наиболее жестокий характер, не менее жестокий, чем во вторую мировую, когда хорватские фашисты-ушасты устраивали массовые этнические чистки в районах с сербским населением, жестоко убивая всех, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков.

Добровольцы из бывших республик Советского Союза, в основном казаки, свой выбор, с кем быть, определили сразу — с братьями и по языку и по православной вере — сербами.

Как-то, просматривая вместе с казаками из Тулы видеоролик известного современного сербского певца-патриота Байя Мали Книнджы, в котором исполняется его песня о воеводе четников с позывным Препелица, один из моих знакомых заметил, что на фото справа от Препелицы стоит наш казак из города Новомосковска Тульской области. Казаки из самого Новомосковска также подтвердили потом этот факт участия тульских казаков в отрядах сербских четников.

Немало и сейчас живёт в Туле и области тех, кто ныне состоит в казачьих организациях, а в лихие для сербского народа девяностые находил-

ся на службе в частях ООН, либо в составе частей российских десантников, охранявших подступы к аэродрому Слатина в Приштине. Среди них можно назвать отважного казачьего атамана из города Богородицка Александра Борисовича Почекуева, этого «бешеного ефрейтора», как его ещё в Приднестровье окрестил командующий тогда 14-й российской армией генерал ВДВ Александр Иванович Лебедь. Александр дважды участвовал добровольцем в составе тульских десантников в военных конфликтах 1990-х, в составе российского подразделения миротворцев ООН стоял на горе, на сербской стороне в Сараево.

Ещё один казак, Александр Королёв, потерявший отца во время обстрелов Горловки подразделениями украинской армии, во время Косовского конфликта в составе тульского десанта ВДВ охранял подступы к сербским поселениям недалеко от Приштины.

Туда же, в Приштину, на аэродром Слатина за одну ночь были переброшены российские десантники из Боснии, наши славные казаки Алексей Лепёхин, Константин Кузнецов и Александр Понамарёв (Кошмарик). Последний охранял шлагбаум в Слатине и запомнился всем местным умением грамотно проводить разъяснительную работу с албанцами и сербами на предмет, кому в действительности нужен развал Югославии, которая имела четвёртую армию в Европе и была самой надёжной союзницей России.

В начале сентября 2016 года пришёл, видимо, и мой черед выступить за славянское единство под знамёнами казаков, тем более что представился повод — создание Балканского казачьего войска. К сожалению, все мои братья-казаки из Тулы, отмеченные наградами Сербии (тогда государство недолго называлось Сербия и Черногория) и Республики Сербской, кого я собирался взять с собой в Черногорию, не смогли по ряду объективных причин выехать со мной.

Прибыв на самолёте рано утром 9 сентября из аэропорта Домодедово на аэродром Подгорица (в Черногории, если вы таксиста попросите довести вас до аэропорта, вас не поймут, «аэропорт» на сербском — «аэродром»), целый час пришлось дожидаться того, кому, видимо, было поручено меня встречать в столице Черногории. Сказалась разница на час между часовыми поясами.

Первый раз в жизни посетив далёкое зарубежье и не зная, будут ли меня встречать или не будут,

я решил не тратить время, а использовать его по своему разумению с максимальной выгодой и эффективностью. Попытавшись выяснить у офицера полиции хоть что-то о готовящихся мероприятиях общественности Черногории против вступления страны в НАТО и деятельности казачества, я так и не выяснил ничего. К тому же времена изменились, в Черногории, не то что во времена Броз Тито, многие уже не знают русского языка в той степени, чтобы элементарно на нём общаться, больше предпочитают вести диалог с туристами на английском.

Эх! Была-не была! Вспомнив, что казака всегда выручала находчивость, я решил подойти к другому сотруднику полиции — молодому сержанту, работающему «на аэродроме». Представившись русским казаком и заявив, что меня интересует творчество певца Байи Мали Книнжы, я даже не успел закончить фразу, как увидел на лице сержанта удивление, сопровождаемое вопросом на чистом русском: «Ты знаешь, кто такой Книнджа?» Знание истории Сербии и Югославии, цитирование на «србском» отрывков из стихов известного в сербском народе певца-патриота, друга генералов Радована Караджича и Ратко Младича, произвело, видимо, своеобразный шок на сотрудника аэродрома. Подозвав старшего по аэропорту офицера полиции, оба предложили русскому казаку пройти в помещение отделения полиции, но не в качестве задержанного нарушителя порядка или разыскиваемого Интерполом террориста, а чтобы поговорить на русском о России, подучить меня немного основным сербским (черногорским) речевым оборотам и выпить небольшую чарочку раки за здоровье всех славян.

Помнится, что когда улетал из Черногории через четыре дня на самолёте, сержант, увидев меня, вежливо спросил, как мне понравилось в их стране, и пожелал, чтобы я ещё прилетал в гостеприимную Черногорию, где всегда русским казакам рады.

Первое знакомство с гостеприимными людьми из далёкой, но близкой по духу и родству крови стране, запомнилось надолго. О своем первом впечатлении я потом рассказывал многим казакам и знакомым, заражая их любовью к когда-то забытой и брошенной в 1990-х нашим ельцинско-козыревским руководством стране.

© Михаил СУДАЧЕНКОВ

Валерий САВОСТЬЯНОВ

ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ С ПОЛОВИНОЙ

В боях за честь, свободу и независимость нашей Родины на Тульской земле погибло 38,5 тысячи воинов Советской Армии и партизан

Над землёй родною,
Над равнинной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Душ солдатских — белых облаков.
Тихо — можно к матери, к невесте,
Ветрено — и вновь они на месте
Павших командиров и стрелков.

Над землёй родною,
Соловьёной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Гнёзд не свито — плачут соловьи.
Песням их теперь слезами вытечь:
Тридцать восемь с половиной тысяч
В рощах их не скажут о любви.

Над землёй родною,
Тополиной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Новых рощ не встанет средь полей:
Не сажать —
Откуда же им взяться? —
В честь детей своих, что не родятся,
Здесь отцам убитым
Тополей.

Над землёй родною,
Над невинной
В тридцати восьми да с половиной
Тысячах оборванных «Люблю!» —
Тридцать восемь с половиной тысяч
Звёзд зажечь
И обелисков высечь!
Не успею — сыновьям велью...

Над землёй родною,
Над былинной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Муромцев, Поповичей, Добрынь —
Вместе с нами
Русское раздолье

Автор 11 книг и множества публикаций, в том числе в антологиях: «Русская поэзия: XXI век», Военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это было!..», «Молитвы русских поэтов», и других. Книга Валерия Савостьянова «Русский крест» вошла в Список лучших произведений русской художественной литературы 2014 года.

Лауреат литературных премий: «Мастер», «Левша» им. Н. С.Лескова, «Империальная культура» им. Э. Ф. Володина, «Славянские традиции», «Пражская муза», и др. Лауреат и победитель ряда литературных фестивалей и конкурсов. Живёт в Туле.

Орден блокады

Сторожат от горя и раздора.
И попробуй нас располовинь!..

ОРДЕН БЛОКАДЫ

...Части противника вышли на шоссе Москва — Тула.

...Город фактически окружён. Пути подвоза боеприпасов и продовольствия перерезаны...

3-4-5 декабря 1941 года.

«Тула — город орденосный». Тула, 1967, стр. 76-77

Среди наград геройских
Есть Награда —
Редчайшая!
Для райского Парада!
Её дарует Воля Высших Сфер
Лишь городам — военнопленным ада!
Под номером «один» — у Ленинграда.
Но, город мой — ты тоже Кавалер!

Не ты ли в окруженье и в осаде
Был в сорок первом? —
И, как в Ленинграде,
Стояли насмерть жители твои!
Так истины,
Так внуков наших ради —
Напомни всем о гордой той Награде!
И пой о ней, как наши соловьи!

Пусть критик укорит:
На самом деле
В блокаде был
Не больше ты недели —
И с Ленинградом сравнивать грешно!
Мы сравнивать несколько не хотели:
Ужасны
Ленинградские потери!

И знать о всех — лишь Господу дано!
Но если так — Он знает и о прочих:
О наших ополченцах,
О рабочих,
Что ныне в Его воинстве святом!
И в списках на Небесные Награды,
Где ленинградцы — с Орденом Блокады, —
И туляки — с тем орденским Крестом!

ВЕЛИКИЙ МАЙ

Тебе давно за шестьдесят,
И отдохнуть пора бы вроде, —
А ты ещё сажаешь сад,
Ещё копаешь в огороде.

И твой топор ещё плясать
Не устаёт — всё дело ищет,
Узором радуя фасад
Теперь вот нового жилища.

Ведь отчий дом, где вся семья
Не знала голода и жажды,
Делить решили сыновья —
И развалился он однажды.

А внуки — чуть ли не бомжи
По алчной глупости отцовской —
Приходят, просят:
Расскажи
Про время доблести бойцовской,

Про то, как строили одну
Их предки, прадеды и деды
Обетованную страну,
Что стала символом Победы!..

Не терпит праздности пчела:
 Зовут разбуженные ульи,
 Но отложи свои дела —
 В глазах вопросы, словно угли.
 Гостей веди ты в новый дом
 И, привечая их, поведай
 О дне обычном, не святом,
 Что вслед приходит за Победой.

О дне, где нужно корчевать,
 Пахать, лелеять урожаи,
 А не на лаврах почивать
 И требовать, чтоб уважали.

Была Победа!
 А теперь
 Победы хрупкая надежда
 У них, ровесников потерь —
 Чернобыля и Беловежья.

И ты сумей,
 И ты примерь
 К себе
 Их боль, унынье, робость —
 Последний, может быть, пример
 Величья, канувшего в пропасть.

Ты вместе с ними
 Поднимай
 Страну, что в гибельном провале,
 Великий Дед,
 Великий Май —
 Солдат, забывший о привале!

РОЩИЦА ПРОЗРАЧНАЯ, НАГАЯ

Рощица прозрачная, нагая,
 Листья днями прошлыми шуршат.
 Есть ли на Земле земля другая,
 Чтобы так умела утешать?

Озеро все прожитые годы
 Отражает, словно камыши.
 Есть ли на Земле другие воды,
 Чтобы так смывали боль с души?

Русские холмы — как милой груди,
 Буйный бор — как братья во хмелю.

Есть ли на Земле другие люди,
 Коих так — без жалости — люблю?

Перекрёсток Крест на сердце высек,
 Чтобы вместе верить и страдать...
 Есть ли на Земле другие выси,
 Что так обещают Благодать?

КРЕМЛЬ-БОГАТЫРЬ

Пять веков над милою сторонкой
 Огненные сполохи зари —
 То сошлись померяться силёнкой
 Над рекой Упой богатыри.

И один, в насмешке рот ощеря,
 Молвил, опираясь на копьё:
 «Мальчик, я бессмертнее Кощя,
 Ибо Время — имечко моё!..»

Но второй ответил:
 «Верю в Чудо:
 Не склонится Чудо пред копьём!
 Тульский щит я,
 Тульская кольчуга,
 Тула-мать зовёт меня Кремлём.

Отчей славе, подвигом добытой,
 Пусть же в храме ставится свеча!
 Даже по колено в землю вбитый —
 И теперь не опущу меча.

Ибо нужно Богу, чтоб не пленной
 Над родным нетленным очагом
 Хоть одна склонялась во Вселенной
 Мать, не осквернённая врагом!..»

© Валерий САВОСТЬЯНОВ

Валерий ДЕМИДОВ

Окончил историко-филологический факультет Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого. Член Союза журналистов СССР и Интернационального (Международного) Союза писателей. Печатался в многочисленных книжных сборниках. Издал несколько книг стихотворений и аудиодисков. Редактор и корректор тульских альманахов «На крыльях Пегаса» и «Приокские зори». Живёт в Туле.

МЫ ИЗ ДЕРЕВНИ

БАЯНИСТ

Он по клавишам чёрно-белым
Сверху вниз пробежал рукой,
Да меха развёл между делом,
Чтобы песня лилась рекой.

Будто в танце мелькают пальцы
И нога отбивает такт.
Коль попросят — сыграет вальсы
Пожилой баянист-мастак.

А баян в перламутре — тульский,
Да душа казюкам сродни.
Нет мелодий плохих и тусклых —
Задуманные все они.

То аккордов широкая поступь,
То стаккато пчелиный рой, —
Нет играть хорошо — непросто,
Даже трудно бывает порой.

Баяниста улыбка красит,
Но, бывает, закусит губу —
И тогда уже кончен праздник,
Коль рассказывает про судьбу.

Музыканта приятно слушать,
На него и смотреть легко,
Он умеет затронуть души
Или их зажечь юморком.

Он — магистр минорных распевов,
Вариаций мажорных спец.
Баянист, видно, знает дело —
Он и пьяница, и купец,

И влюблённый, и скромный парень,
И гуляка — только держись!
Он с баяном в красивой паре
Нам дарует музыку-жизнь...

Вспоминаю, как в детстве далёком
Постигал красоту бытия
На своих музыкальных уроках
Ещё нравственно чистый я...

МЫ ИЗ ДЕРЕВНИ

Отцы наши, деды с косою здесь ходили —
В трудах деревенских не сыщешь идиллий,
Но в нас ностальгия пшеничная дремлет, —
Мы из деревни.

Коль крикнул петух — поднимайся с постели.
Здесь люди в трудах деревенских потели,
Воочию здесь человеческий кремний, —
Мы из деревни.

Нас всех повенчала родная природа.
Мужик из деревни отличен породой.
Здесь нет и не будет привычек тюремных, —
Мы из деревни.

Вкушают продукты полей горожане,
Все дети и взрослые мёд обожают,
И шепчут листвою городские деревья:
«Мы из деревни...».

На Троицу едем в берёзовый лес,
Любуемся видами красочный мест.
Живут в нас доныне обычаи древних, —
Мы из деревни.

Из дома — на землю, без лифтов «высоток»,
Здесь всё измеряют аршином и соткой.
И вид поселений — не облик царевны, —
Мы из деревни.

Здесь родина, ратная слава и сила.
Здесь стержень и соль необъятной России.
«Откуда вы?» — спросят. Не будет дилеммы —
Мы из деревни...

ОСЕННИЙ ЛЕС

Я зароюсь в осенние листья,
Задохнусь прелым запахом трав
И оставлю тревожные мысли
О суровости жизненных драм.

Залюбуюсь берёзовым небом,
Полной грудью вдохну тишину...
Я давно таким радостным не был,
Встретив осень, как будто весну.

Разноцветье осеннего леса
Так сродни разноцветью в душе:
То грущу, то заплачу, то весел,
То валюсь на крутом вираже.

Листья падают — годы уходят,
Но из них соберу я букет,
И покажется, будто я, вроде,
Ещё молод на старости лет.

ПСИХУШКА

Ко мне опять спешит сестричка Зина,
и, чтобы я буянить перестал,
безжалостно шприцы аминазина
ширяет мне в интимные места.

Хохочет Витя на соседней койке,
а Ваня в угол от сестры залез —
он хоть не псих, а лишь пропойца горький,
но и в него, видать, вселился бес...

И вот я сплю. Надёжно, двое суток,
весь утопаю в черно-белых снах,
где время измеряется в минутах,
которым тоже есть своя цена.

То я лечу, то вдруг тону в болоте.
Мне снятся те, кого я и не знал,
а лучший друг и кореш мой Володя
всё чистит снег и ищет, где весна...

Очнулся. Ночь. Огромная палата.
Смех. Чьи-то стоны, выкрики и плач.
И запах, извините, здесь — не ладан,
и ангел в белом — это строгий врач.

Сквозь тусклый свет я вижу, как в тумане,
а в голове взрывается напалм...
Я обещал не пить любимой маме,
но вновь сюда по слабости попал.

И не пойму, какая боль сильнее:
та, что в висках похмельной головы,
или в душе, которая немеет
от угрызений и людской молвы?..

Как много, Русь, лежит в твоих палатах
людей, пропивших деньги, ум и жизнь!
Как много тех, к кому пришла расплата,
кто у креста могильного лежит!

И от веселья пьяного всё хуже
становится стране, семье и мне...
Услышите стон запрятанных психушек,
по крыши утопающих в вине!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Я не вижу тебя во фраке,
в модной шляпе, с тростью в руке,
потому что в кабацкой драке
сила вся твоя — в кулаке.

Я не знаю тебя унылым,
от людской поникшим молвы, —
твоё имя известным было
от Рязани и до Москвы.

А когда ты за кружкой пива
вспоминал, как мальчишкой рос, —
воспевал лопухи и крапиву
и свой край белоствольных берёз.

Ты любил поваляться на сене,
слушать утром мычанье коров...
Нет, не мог мой Сергей Есенин
быть поклонник московских дворов.

Всякий раз, возвращаясь в деревню,
где доньше всё те же луга,
по пути обнимал ты деревья
и стихи о природе слагал.

Город был для тебя просто местом,
где скитался гуляка-бунтарь.
Нет, тебе было в городе тесно,
чтоб взойти на духовный алтарь.

Ты метался по жизненной клетке,
раздавая себя по ночам, —
так ломаются в бурю и ветки,
тает в храме большая свеча...

Перед Богом святых не бывает
на грехом поражённой Земле,
но поэзия — вечно живая
антология судеб и лет.

И лавина душевных смятений,
и тревога за матушку-Русь —
всё в тебе, мой Серёга Есенин,
моя гордость, надежда и грусть.

Я БОЛЕН

Я болен нежностью к тебе:
Когда глаза твои увижу,
То забываю о себе
И только лишь любовью движим.

Я болен милостью к «бомжам»,
Бродящим хмуро и устало,
И мне всегда бывает жаль
Их преждевременную старость.

Я болен страхом умереть
Больным и немощным в постели,
Когда воспримут мою смерть
Обычной жизненной потерей.

Я болен трезвостью ума,
Способного в моей России
Увидеть сквозь разгул и мат
Величие души и силы.

Я болен лесом и весной,
Рекой, поляной и холмами.
Я радуюсь, когда со мной
Есть мысли об ушедшей маме.

Я болен верою в Христа,
И мне лекарствами — моления...
Быть может, я живу не так
И ни к чему стихотворенье?

Я болен запахом травы,
Хорошим словом, теплым взглядом.
Мне дорог купол синева
И храма купол — тот, что рядом.

Мне не мешает в тишине
Призывный колокола звук...
Я болен всем, что близко мне.
Я болен. Этим и живу.

© Валерий ДЕМИДОВ

Сергей КИРЕЕВ

* * *

Я пень. Я старый хрен!
Но вот вам всем назло —
Зацеп! Обратный крен!
Опора на весло!

Высокая вода.
Скребуть вдоль серых скал.
Никто свой нос сюда
Ни разу не совал.

Но ты сильнее стократ
Стихии и судьбы,
Когда свои кричат:
«Греби, греби, греби»!

Река в кипящем сливе, в пенной бочке
Вбивает брызги в нас, как гвозди в жель!
Ребята на плоту дошли до точки,
А я плыву в каноэ-одиночке,
Они потом расскажут, кто я есть!

Отвесный голый склон.
Холодный гиблый край.
Я вижу: это он —
Порог «Ворота в рай».

Вдоль скальных берегов
Несутся вслед за мной
Обрывки облаков
Над скальною грядой.

Друзья кричат живеи!
Кончай крутить башкой
Ты смелым был в Москве
В пивнухе на Тверской»!

Они правы:

«Ты здесь, герой, греби же —
Сюда, по центру, с краю не пролезть!
Эй, чемпион, к ребятам будь поближе,
Они тебе расскажут, кто ты есть»!

Гребу, несусь, лечу —
Я принял этот бой,

В 1973 году окончил московскую математическую школу № 160. Военскую службу проходил на космодроме Плесецк. Имеет два высших образования: юридическое и экономическое.

Главное направление в творчестве — дружба, спорт, лирика, патриотизм, человеческие взаимоотношения. Автор-исполнитель собственных песен. Печатался в сборниках «Иван-озеро», «Заря победы», «На крыльях Пегаса». В 2017 году в Санкт-Петербурге вышел сборник стихов «Возле Чистых прудов» в 2018 году сборник «Люди идут по дороге».

Я знаю, кто я есть...

Скольжу, кручу, верчу
Веслом, как кочергой!

Закат — сплошной ожог
У неба на груди.
Прорыв! Вираз! Рывок!
Ущелье позади!

... И мы привяжем плот,
Гитару расчехлим,
И тихо поплывёт
Меж сосен синий дым.

Мы вспомним у костра, как наши рожи
Кромсал сквозняк, И марши в нашу честь
Свистел, и мне шептал:
«Пройди, ты можешь».
И я прошёл. Я знаю, кто я есть...

* * *

Ладья и ферзь в атаке, и лёгкие фигуры —
За шахматной доскою все ночи напролёт
Валерий Николаич, учитель физкультуры,
Сидит под абажуром и чай с вареньем пьёт,

Он ждёт, и мы приходим, и проще нет беседы:
«Делов, мол, на копейку, чему я вас учу:
Держать удар и верить —
без правды нет победы.
И всё. И друг за друга стоять плечом к плечу».

Нас жизнь валила навзничь, безумная и злая,
Лишь Петьке с первой парты
все беды нипочём.

Ах, если б только знал ты, Валерий Николаич,
За что и с кем он, сволочь,
стоит к плечу плечом!

По горло в суете мы взяли, как в трясине.
Умри, но кверху шлёпай по лестнице крутой!
И мы, герои спорта, на белом «лимузине»
В знакомый двор въезжаем.
Но что-то здесь не то.

Сосед, хмельной и сонный,
бормочет зло и глухо:
«Весною схоронили. И всё. И кончен бал.
От вас же, от великих, ни слуха и ни духа.
Ах, как он ждал вас, братцы,
ах, как по вам скучал!»!

Плетёмся, как с похмелья,
и в небе чёрно-сизом
Озябший, одинокий, последний лист летит,
И кот облезлый скачет
по каменным карнизам,
И ветер, ветер, ветер вдогонку нам свистит...

© Сергей КИРЕЕВ

Елена ХАФИЗОВА

Елена Хафизова родилась в Туле. Окончила Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. Автор публикаций в альманахе «Среда», стихов в альманахе «Мост» (Санкт-Петербург), стихов и графики в альманахе «Ковчег» (2013, 2014), серии статей в специальном журнале «Художественная школа» (Москва, 2013—2014), посвященных синтезу изобразительного и словесного творчества детей. С 2013 г. возглавляет отдел воспитательной и художественно-творческой работы ТДХШ им. В. Д. Поленова.

ДИМИТРИЙ И ЕВДОКИЯ

фрагменты поэмы

ПРЕД БИТВОЙ

Сотни ратных прошедши дорог,
Ведал знамения Дмитрий Боброк.
Ночь сгустилась. Туман и роса.
Было тихо. Теплы небеса.

И Волынец меж станов меж двух
Напрягал свой испытанный слух.
Только Дмитрия взял он с собой,
Чтоб узнать, что готовит им бой.

И ланитой десною приник
Он к земле, чтобы тайный язык
Распознать по дрожанию ее
И разведать, что завтра их ждет.

Будто клекот и плеск лебедей
Подымался навстречу беде.
Гром разнесся и смолк вдалеке
На Непрядве и Смолке-реке.

«Словно конница бросилась вскачь,
Грай вороний и волчий там вой,
Жен татарских безудержный плач», —
И, приникши к земле головой,

Продолжал испытанье примет:
«В стане русском злознамения нет.
Много русских в той битве падет,
Но Мамай пораженье найдет.

Войску, княже, не должно то знать.
Силен Бог, чтоб Своим помогать.
Пусть себя осеняют Крестом:
Он оружие в сражении том».

ЗАСАДНЫЙ ПОЛК

Жизнь отдавшим за други своя
Над землей есть иная земля,
Где венчают их пламенем роз,
Где Царем их встречает Христос.

Но, пока не наступит конец,
Эти розы — терновый венец.

Аэр, будто огнем, полыхал,
Дикой яростью боя палим.
Плоть терзая, металл уставал.
Гибли наши один за одним.

И с любовью склонялась к ним Мать,
Чтоб их храбрые души принять.

А Волынец Дмитрий Боброк
Свой засадный удерживал полк.
Князь Владимир, на сечу спеша,
Негодую, его вопрошал:
«Поредела совсем наша рать.
Да кому ж станем мы помогать?»

«Подожди. Не пришел еще час.
Вред приемлет спешащий себе.
Будут ведать враги наши нас,
А пока нетерпенье убей».

Каждый ринуться в сечу спешил,
Будто званный на пир торопясь.
«Мы воздарие им отдадим», —
Добрых ратников сдерживал князь.

И стенала земля, и на ней
Много русских под вихрем коней.

Ликовала над ними Орда.
И Волынец воскликнул тогда

Гласом велиим, будто запел:
«Час отмщения, други, приспел!»

ОСАДА И РАЗОРЕНИЕ

Передышка! Желанная тишь.
Но на подступах был Тохтамыш.

Тяжек ты, велекняжеский крест!
Оглянулся Димитрий окрест —
И князей собирал с быстротой,
Заклиная их общей бедой.

Нестроенье, недружество зря,
Не возмог стать один на царя.
Поредела, рассеялась рать...
Дмитрий вышел войска собирать.

В Переславль, а потом в Кострому,
Чтоб явилась подмога ему.

Дмитрий, Ольгердов сын, в Переславль
На княжение был им оставлен.
Сын же Дмитрия, храбрый Остей,
Был отправлен крепиться в Москве.

Евдокия осталась в Кремле,
И спустя только несколько дней
На московской тревожной земле
Был рожден ею княжич Андрей.

Обезумел как будто бы град.
Кто бежать без оглядки был рад,
Кто смеялся и пил без ума,
Будто снова вернулась чума.

Как колеса катились с осей,
Как поток из своих берегов.
И дразнили на стенах врагов,
Похваляясь защитой своей.

Не справлялся с Москвою Остей,
Был в тревоге и жаждал вестей.

И, лишь только родился Андрей,
Как княгиня и дети скорей
Поспешили за князем вослед —
И от самого ада дверей!

Днем и ночью летели к нему.
Переславль, на пути в Кострому.

На Плещеевом княжьих детей
Поместили в ладони ладей.

И густой скрыл те лодки туман
От очей зверонравных врагов.
И плавучий безмолвствовал стан.
И не видели их с берегов.

И, молясь о спасенье от бед,
Евдокия с младенцами там
К небесам возносила обет,
Чтоб построить Предтеченский Храм.

И, столетия даже спустя,
В Иоаннопредтеченский день
В Переславле спускалась ладья
На озерную зыбку тень.

А в московском сожженном Кремле
В эту пору свирепствовал враг,
Искушенный в коварстве и зле,
Обращая все в пепел и прах.

И погиб, защищая Москву,
От монгольских безжалостных рук
Сын Димитрия, Ольгерда внук,
Что когда-то держал здесь Литву —

И войти в эти стены не мог.
Так судил роду древнему рок.

Князь с княгиней вернулись домой.
Всюду горесть и ужас немой.
Поглотила зола и земля
Всех почти за стенами Кремля.

Будто злобы вулкан бушевал,
Будто горя вселенского шквал.

Снова плакал над павшими князь.
Только сильный скорбит, не стыдясь.

«До какой же, — он мыслил, — поры
Учинять воронью нам пиры?
Погребать нам на землях отцов
Города и поля мертвецов?»

До поры, что противу чужих
Бог не даст нам единой души».

Лишь в немногих согласье он знал.
А народ в малодушье роптал,
Что допрежь той победы Донской
Не лилось столько крови людской.

УСПЕНИЕ

Слабым душам Свобода не мать.
И не должно таким объяснять,
Что Отчизна дороже казны —
Ей обязаны жизнью сыны.

И душе без Свободы нельзя,
Что несут на знаменах князя.
И нельзя на земле без войны —
В этом княжеской нету вины.

Был отправлен Василий сынок
Как живой послушанья зарок
Удила натянувшей Орде.
Там два года томился, как тень.

И бежать смог в тринадцать он лет
Через Подолию и на Литву.
Натерпелся негладанных бед,
Возвращался два года в Москву.

И в шестнадцать лишь смог он обнять
Братьев, сестр и отца там и мать.

А еще через краткий лишь год,
На исходе надломленных сил,
Под ударами грозных невзгод
Дмитрий, славный отец, опочил,

Сделав мать их горчайшей из вдов.
За три дня до конечных их слов
Он узнал, что рожден ею сын,
Их последняя ветвь — Константин.

Бог двенадцать милых детей
Дал в награду державной чете.

Двух из радостной дюжины той
От купели взял Сергей святой,
И Димитрий Прилуцкий — иных,
Знаменитый своей красотой.

Чтобы лик заслонен его был,
Покрывало тот инок носил,
Переславль украсив родной
Благочестья драгою казной.

Евдокия растила детей,
Заменить им стараясь отца,
Не чуждаясь их игр и затей,
От народа не пряча лица.

И, при подвигах вечных молитв,
И с уныньем, и с ропотом битв,
Что сокрытыми были от всех,
Во дворце ее слышался смех.

Матерей на Руси, к счастью, нет,
Как в Тюрингии Элизабет.

И молва поползла по дворцу,
Что, наверно, быть нóву венцу.
Так княгиня красива еще,
Что сосватали, видно ее.

И, невинно злословье терпя,
От одежд своих чистых репя
Не пыталась княгиня собрать.
Но поверили вдруг сыновья,
Что бесславые задумала мать!

Взгляд сильнее всех слов убедит.
И поверившим подлым словам,
Часть одежды открыв на груди,
Показала она сыновьям,

Как истаяла в горести плоть,
Как тонка бытия ее нить, —
Чтоб сомнения их побороть
И на мать им клевет не взводить.

Переплавлена, как серебро,
Божьей Матерью Ева-ребро.
Как издревле один человек —
С Евдокией Димитрий навек.

© Елена ХАФИЗОВА